С. М. ШВАРЦ

Антисемитизм в Советском Союзе

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА
Нью-Йорк • 1952

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор — еврей, что в глазах многих ставит под сомнение объективность анализа им антисемитизма. И автор — русский социалист, решительный противник коммунистической диктатуры, что тоже в глазах многих ставит под сомнение объективность анализа им советской действительности. Это обычно аргументы для людей с готовыми, предвзятыми мнениями, отмахивающихся от фактов, не укладывающихся в привычную для них схему мысли.

Работа эта вышла в свет в 1951 году по-английски вместе с более значительной по объему работой автора «Политика национальностей и еврейский вопрос в СССР». Обе вместе образуют большой том: «Евреи в Советском Союзе», опубликование которого по-русски — при теперешнем состоянии русского книжного рынка вне СССР — невозможно.

В настоящем издании работа несколько дополнена, в частности, в нее включен подробный анализ всех доступных данных об эвакуации евреев в Советском Союзе в годы 2-й мировой войны. Вопрос этот прямого отношения к теме об антисемитизме не имеет. Но широко распространенное заграницей мнение о проводившейся будто бы советским правительством политике спасения евреев, находившихся под угрозой истребления их Гитлером, является, может быть, главной основой ложных представлений о действительном состоянии вопроса об антисемитизме в Советском Союзе: можно ли допустить мысль о поощрении или хотя бы о толерировании антисемитизма советским правительством, если это правительство проявило такую исключительную активность в деле спасения евреев?

- С.М. Шварц
  - Леопольд Хеймсон (США)
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
    - Подъем антисемитизма во второй половине двадцатых годов
    - Первые вести о новой волне антисемитизма
    - Антисемитизм в рабочей среде
    - Происхождение антисемитизма среди рабочих
    - Антисемитизм в высшей школе
    - Антисемитизм в государственном и партийном аппарате

- ГЛАВА ВТОРАЯ
  - Аргументы антисемитов
  - Евреи в компартии и в руководящих партийных и советских органах
  - Евреи и переполнение городов
  - Уклоняются ли евреи от тяжелого труда? Формирование еврейского пролетариата
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - Борьба с антисемитизмом
  - Борьба с антисемитизмом мерами уголовной репрессии
  - Борьба с антисемитизмом политическими и просветительными мерами
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - Упадок и новый подъем антисемитизма в 30-х годах
  - Причины спада антисемитизма
  - Кривая антисемитизма достигла низшей точки
  - Новый подъем антисемитизма
- ГЛАВА ПЯТАЯ
  - Антисемитизм в годы Второй мировой войны
  - В районах немецкой оккупации
  - Пыталось ли местное население спасать евреев?
  -
  - Боролось ли подполье с политикой истребления евреев?
  - Еврейская проблема в партизанском движении
  - Вне районов немецкой оккупации
  - Замалчивание гитлеровской политики истребления евреев
  - Распространенность антисемитизма
- ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - После войны
- ПРИЛОЖЕНИЕ

С.М. Шварц
Антисемитизм в Советском Союзе

Леопольд Хеймсон (США)
МЕНЬШЕВИЗМ И ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (отрывки)

В 1960–1965 гг. по совместному приглашению группы старейшин меньшевизма и ряда специалистов по российской и советской истории, работавших в различных американских университетах, я руководил осуществлением проекта по истории меньшевизма.

Импульс к этой работе был дан в 1959 г. самими старейшинами меньшевистской партии, а именно, если говорить более точно, десятью членами их последнего сплоченного коллектива, который все еще функционировал в Нью-Йорке и 40 лет спустя после их эмиграции. Шестеро из них — Григорий Аронсон, Давид Даллин, Лидия Дан, Борис Двинов, Борис Николаевский и Соломон Шварц — были оставшимися в живых представителями Заграничной Делегации РСДРП, основанной Юлием Мартовым и его политическими сторонниками вскоре после их высылки из Советской России декретом Верховного Совета в 1922 г. Эта группа продолжала действовать как политический организм без каких-либо перерывов, с представительством в Рабочем Социалистическом Интернационале, сначала в Берлине вплоть до прихода Гитлера к власти, а затем в Париже до весны 1940 г., когда Германия оккупировала Францию.

Другие три члена этой группы — Лео Ланде, Борис Шапир и Симон Волин — были старейшинами меньшевистского Союза Молодежи, который продолжал подпольное существование в Советской России и контакты с меньшевистской Заграничной Делегацией до середины 20-х годов. Большая часть из этих оставшихся в живых меньшевиков были активными авторами «Социалистического вестника», журнала, основанного Заграничной Делегацией сразу после своего образования, причем журнал выходил даже после того, как Делегация в 1940 г. была распущена. Когда осуществлялся наш проект, журнал все еще выходил в Нью-Йорке, распространяя свои политические идеи, реагируя на события четырех бурных и мучительных десятилетий, на приход к власти Гитлера и Сталина, на террор каждого из них, на бойню Второй мировой войны. Эта эпоха отметила жизнь большинства из авторов журнала последовательными переселениями — сначала в Германию, затем во Францию и в конечном счете в Соединенные Штаты….

«…Когда я пишу эти строки, я думаю прежде всего о Соломоне Шварце, меньшевистском практике и публицисте значительного опыта и размаха, который в период 1905–1917 гг. вложил всю свою энергию в строительство массового европейского рабочего движения на русской почве.

Когда я однажды попросил Шварца обрисовать картину рабочего Санкт-Петербурга накануне Первой мировой войны и, в частности, тогдашнюю эволюцию Санкт-Петербургского Союза металлистов (журнал этой организации он издавал летом и осенью 1913 г., пока большевики не захватили контроль над этим Союзом), его ответ сфокусировался (до такой степени, что он не затрагивал больше ни один другой сюжет) на кампании по социальному страхованию, которую он проводил в течение этого периода, стремясь соединить привлекшие внимание меньшевиков принципы инициативы с независимой деятельностью рабочего класса.

Подобным же образом, когда я попросил Шварца реконструировать, прежде всего через призму Октября 1917 г. (когда он был вице-министром труда), дни, непосредственно предшествовавшие взятию власти большевиками, его мысль опять упрямо зациклилась на законодательстве по социальному страхованию, набросками которого он занимался в ночь, когда большевики брали власть, все еще стараясь правдоподобно объяснить в своих заготовках принципы рабочей самопомощи и самоуправления.

А когда весной 1918 г. Шварц обратился к рабочим Путиловских заводов, сделав это по требованию лидеров меньшевистского правого крыла, стремившихся организовать движение уполномоченных с целью бросить вызов доминирующему положению большевиков в Советах, он произнес перед своей горячей, но все больше приходившей в замешательство рабочей аудиторией страстную речь, кульминировавшую в священной (для него) фразе: «Вперед к капитализму!». (Мне вряд ли следует добавлять, что шварцевская концепция «капиталистического развития», как и большинство других, носивших земной характер вопросов, стойко оставалась в высшей степени категорией абстрактной).

Конечно, шварцевское упрямство и политическая невинность казались идиосинкразией даже многим из его товарищей. Но в менее чистом виде некоторые из составляющих, способствовавшие росту этих качеств, были в самом деле характерны для той политической культуры, в которой он был сформирован и оставался абсорбированным. Эти атрибуты меньшевистской политической культуры могут нам объяснить, во

всяком случае частично, ту модель, которую большевизм (первоначально произраставший из той же самой политической почвы, что и меньшевизм, и тем не менее ставший во многих отношениях его психологической, а равным образом и политической противоположностью) все более и более интенсивно формировал….

… Величие этого организованного видения, качества революционного аскетизма и самоотверженности, а также ясность, внешняя рациональность — такие характеристики ленинских политических оценок, и в особенности стратегия и тактика, которые он из них выводил, — казались в огромной степени привлекательными многим будущим меньшевикам в течение искровского периода, когда этот взгляд был впервые отчетливо выражен, и даже в 1905 г., пока революция казалась близкой. Стоит, пожалуй, напомнить, что многие из будущих меньшевиков, в особенности из среды тех, кто в конечном счете взял на себя организационные обязанности практиков меньшевистской партии (включая и таких как будущие сотрудники нашего проекта, вроде Георгия Денике и Соломона Шварца) де-факто были большевиками в 1905 г.

В самом деле, необходимо точно констатировать, что меньшевизм стал в действительности принимать модель особого политического движения и, в особенности, политической культуры лишь после коллапса великих революционных надежд 1905 г. и жесточайшей критики и самокритики, которые этот революционный максимализм породил в меньшевистском лагере….

…. Первым ударом было разрушительное воздействие на них изменений в Советской России в течение 30-х годов. Вопрос состоял не в том, что меньшевики были неспособны быть в курсе этих изменений. Напротив, в их журнале, а также в ряде других публикаций предлагались насыщенные необычайно хорошей информацией сообщения о многих из этих событий, широко трактовались политические и экономические процессы эры Сталина. Эти сообщения представляются более надежными, чем многие из сообщений тогдашних западных обозревателей.

Достаточно назвать, к примеру, «Письмо к старому большевику» Николаевского, увековечивающее на страницах «Социалистического вестника» взгляды Бухарина, в самый канун его ареста и процесса над ним, на тогдашнее развитие событий в Советском Союзе и роль в них Сталина.

Было немало и иных, более научных по своему духу индивидуальных исследованиях событий в Советском Союзе; большая часть из них была опубликована (после их переселения в

США) Давидом Даллиным, Борисом Николаевским и Соломоном Шварцем (я упоминаю здесь лишь тех членов большевистской эмиграции, которые имели отношение к нашему проекту).

И все же, несмотря на солидную сумму информации, наличествующую в этих произведениях, меньшевистская эмиграция показала себя неспособной, причем неспособной, будучи рассматриваема как коллектив, вывести из своей среды что-то достаточно существенное в смысле интерпретации событий, что могло бы заставить объединиться в оценках даже членов внутреннего круга меньшевиков-интернационалистов. Под вопрос ставились не только различия в мнениях относительно того, что же на самом деле происходит, но более фундаментальная проблема, выразившаяся в неспособности просто-напросто понять смысл происходящего. В самом деле, наиболее угнетающим моментом в осмыслении меньшевиками таких, скажем, процессов, как коллективизация и «великие чистки», которые они начали осознавать в качестве бойни, было не только то, что они внушали им ужас и отвращение, но также и то, что меньшевики казались лишенными возможности объяснить их с точки зрения рациональной, по меньшей мере в категориях им привычных….

…. Некоторые информанты выказали себя способными дать лишь такие воспоминания о своей деятельности, которые укладывались в обычные модели (подобно шварцевским воспоминаниям о законодательстве в области социального страхования, проект которого он все еще продолжал набрасывать в ту ночь, когда большевики брали власть, или же некоторым описаниям Лидии Дан относительно продолжавшихся всю ночь заседаний в петроградской квартире Дана). Однако как только они оставляли в стороне эти мало интересные точки-ориентиры, их воспоминания, как правило становились туманными и хаотическими, подобно фрагментам, вынутым из какого-либо крупного остова или участка; создавалось впечатление, что само время взорвалось или приостановилось в своем течении в эти месяцы….»

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сложном клубке вопросов о Советском Союзе вопрос об антисемитизме принадлежит к числу наиболее спорных. Высказываемые по этому вопросу мнения часто прямо полярны:

Советский Союз — страна осуществленного национального равенства, единственная в мире страна со значительным еврейским меньшинством, не знающая антисемитизма.

Советский Союз — страна с чрезвычайно развитым антисемитизмом, далеко оставляющим позади антисемитизм старой России.

Таковы два наиболее часто высказываемые положения. В подтверждение и того, и другого приводятся некоторые факты, частью верные, частью не отвечающие или не вполне отвечающие действительности. И хотя наличность в Советском Союзе каких-то элементов антисемитизма сейчас уже не вызывает более сомнений у сколько-нибудь осведомленных и самостоятельно мыслящих людей, вопрос в целом остается недостаточно выясненным и независимое общественное мнение, относящееся с естественным недоверием к упрощенным «про-советским» или «анти-советским» формулам, остается дезориентированным.

В настоящей работе, предпринятой по инициативе Американского Еврейского Комитета, автор поставил себе задачей выяснить социально-психологические корни советского антисемитизма, формы и результаты борьбы с ним, степень распространенности и динамику антисемитизма в Советском Союзе.

Автор — еврей, что в глазах многих ставит под сомнение объективность анализа им антисемитизма. И автор — русский социалист, решительный противник коммунистической диктатуры, что тоже в глазах многих ставит под сомнение объективность анализа им советской действительности. Это обычно аргументы для людей с готовыми, предвзятыми мнениями, отмахивающихся от фактов, не укладывающихся в привычную для них схему мысли. Но в аргументах этих есть и здоровое зерно: еврею, тем более после страшного десятилетия с середины тридцатых до середины сороковых годов, нелегко сохранить объективность в анализе антисемитизма; и демократу и социалисту нелегко оставаться безупречно объективным при анализе советского развития. Отдавая себе отчет в этих трудностях, автор стремился со всем доступным ему беспристрастием — не необходимо с бесстрастностью — и постоянно проверяя самого себя, проанализировать и по

возможности обобщить весь доступный материал по вопросу об антисемитизме в Советском Союзе и представить этот материал в такой форме, которая обеспечила бы читателю возможность непосредственного знакомства с фактами, критической проверки выводов автора и самостоятельного суждения об анализируемых сложных социальных явлениях. Для достижения этой цели автор в частности очень пространно — гораздо пространнее, чем это отвечает обычным литературным требованиям, — цитировал источники, особенно мало доступные читателю советские источники.

* * *

Для облегчения читателю ориентировки в вопросе изложу здесь вкратце схему развития антисемитизма в Советском Союзе, как она представляется мне в результате работы над материалом, лежащем в основе этой книги. Схема эта отлична от господствующих представлений, отлична и от того, как я сам представлял себе развитие антисемитизма в Советском Союзе до того, как занялся специальным изучением вопроса.

Согласно распространенным, особенно вне Советского Союза, представлениям, после окончания гражданской войны в России, ознаменовавшейся кровавыми еврейскими погромами, антисемитизм быстро пошел на убыль и вскоре почти исчез, изредка прорываясь отдельными эпизодами, в которых находило свое выражение печальное «наследие прошлого». Эти представления в основном отвечали действительности, как она сложилась в первой половине двадцатых годов. Но они находятся в глубоком противоречии со всем дальнейшим развитием.

С середины двадцатых годов в Советском Союзе поднялась новая волна антисемитизма, которая вскоре привлекла к себе внимание советской печати и вызвала довольно значительную анти-антисемитскую литературу (список ее приводится ниже в прим. 31 к гл. III). Однако, вопреки официальной советской концепции, антисемитизм второй половины двадцатых годов отнюдь не был отголоском старого антисемитизма («наследие прошлого»), принесенным в города отсталыми элементами, выходцами из деревни, а возник в среде разоренных и деклассированных средних слоев города. В этом происхождении антисемитизма второй половины двадцатых годов находит свое объяснение факт проникновения антисемитизма в верхние слои рабочего класса, в среду учащихся высших учебных заведений, в среду членов компартии и комсомола. Свое идеологическое

обоснование этот антисемитизм находил в упрощенной критике социальных отношений, как они сложились на почве НЭП'а, и в вульгарном представлении о евреях, как о главных носителях НЭП'а.

После того, как на пороге тридцатых годов страна перешла к политике форсированной индустриализации (политике пятилетних планов), произошло резкое изменение всей экономической и социальной обстановки в Советском Союзе, сопровождавшееся огромным увеличением спроса на труд, исчезновением безработицы и глубокой социальной и экономической перегруппировкой населения. В этой обстановке антисемитизм, как он сложился во второй половине двадцатых годов, резко пошел на убыль и в середине тридцатых годов он утратил характер массового явления.

Во второй половине тридцатых годов начался, однако, новый подъем кривой антисемитизма, пробуждение нового антисемитизма, нового по той социальной среде, в которой он возник, нового и по своим формам. Это был ползучий, сначала, может быть, только полуосознанный антисемитизм верхнего слоя советской бюрократии, избегавший открытых проявлений и выражавшийся в основном в оттеснении евреев на задний план во всех сферах советской жизни. «Большая чистка» 1936/38 годов, сопровождавшаяся обострением борьбы против интернационалистских элементов в компартии и резко сказавшаяся в уничтожении большинства сколько-нибудь выдвинувшихся евреев-коммунистов, чрезвычайно благоприятствовала развитию этого нового антисемитизма. На пороге сороковых годов он получил широкое распространение в Советском Союзе.

Развитие это подготовило почву для огромного роста в годы войны влияния антисемитизма, уже не этого ползучего и полускрытого, а активного и открытого антисемитизма. Отсылая читателя к пятой главе книги, где подробно выясняются причины этого развития антисемитизма, отмечу здесь лишь, что не только задача гитлеровской антисемитской пропаганды была значительно облегчена всем предшествующим советским развитием. Независимо или почти независимо от гитлеровской пропаганды, в глубоком советском тылу антисемитизм в годы войны вошел в быт. И антисемитизм остро сказался даже в организованном советском движении сопротивления в тылу у немцев.

Послевоенное развитие не представляется еще сейчас достаточно ясным. На Украине, где в годы войны агрессивный антисемитизм получил наибольшее развитие и где антисемитизм

является популярной формой антисоветских настроений и вызывает поэтому тревогу в правительственных кругах, правительство, не выступая открыто против антисемитизма, по-видимому, повело в послевоенные годы борьбу против него по партийной линии, без публичной огласки, и достигло в этом отношении некоторых успехов. Вне Украины развитие протекает медленнее, при безучастном отношении власти, но и здесь специфический активный антисемитизм военного времени, по-видимому, ослабел, но с тем большей отчетливостью сказывается усиление того «нового» советского антисемитизма, который начал складываться во второй половине тридцатых годов.

* * *

Автор стремился опираться в своей работе по возможности на первоисточники, т. е. прежде всего на советские источники: на советскую периодическую и непериодическую печать на русском и еврейском языках. Это заведомо неполный источник, к тому же нередко сознательно искажающий действительность применительно к нуждам официальной концепции. Концепция эта в вопросе об антисемитизме не оставалась на протяжении десятилетий неизменной, но в основе ее всегда лежал один из двух тезисов: тезис о полном преодолении антисемитизма в Советском Союзе и тезис о наличности в Советском Союзе антисемитизма, как пережитка прошлого. Случалось и так, что оба тезиса жили в какой-то причудливой комбинации параллельной жизнью. Тезисы эти — и каждый порознь, и оба вместе — не отвечают действительности. Это, конечно, хорошо знают и в Советском Союзе, но это ни в какой мере не оказывало влияния на трактовку антисемитизма в советской печати.

Такое состояние советских источников и скудость источников познания Советского Союза, свободных от советского официального контроля, очень затрудняют изучение советской действительности и вынуждают собирать фактические данные по крупицам и реконструировать сложную картину советской современности на основе анализа частичных данных или на основе изучения явлений, находящихся в более или менее отдаленной связи с действительным предметом изучения.

Эта работа по методу своему несколько напоминает работу археолога, на основании большого числа фрагментарных данных восстанавливающего сложную картину далекого прошлого, с той лишь разницей — в пользу изучения советской действительности, — что действительность эта значительно

ближе нам и что перед исследователем ее всё же иногда встает возможность проверить результаты его работы показаниями живых свидетелей советской современности.

Для новейшего периода открылся новый источник изучения проблемы антисемитизма в Советском Союзе. Это показания большого числа евреев-беженцев из Советского Союза и польских евреев, проведших годы войны в Советском Союзе (в лагерях, в ссылке и в качестве свободных граждан). И эти показания требуют критического к себе отношения, но они всё же в подавляющем большинстве случаев свободны от стремления сознательно подгонять изображение виденного и пережитого к определенной обязательной схеме. Источник этот пока мог быть использован лишь в очень узких пределах. Систематическая работа по собиранию такого рода сведений еще почти не ведется. Но и то сравнительно немногое, что было пока сделано, позволяет более ясно видеть некоторые явления. Читатель найдет ниже, в главе пятой, указания на эти источники.

Для выяснения вопроса об антисемитизме в районах немецкой оккупации ценным дополнительным источником являются становящиеся постепенно доступными для изучения немецкие архивы. В немецких документах, не предназначавшихся для опубликования, имеется множество в общем отвечающих действительности подробных сообщений о проведении в жизнь политики истребления евреев и об отношении местного населения к этой политике и к евреям вообще. Значительное число такого рода документов, хранящихся в архивах Еврейского Научного Института (ИВО) в Нью Йорке, было использовано для настоящей работы.

Специальный и очень ценный материал имеется и по вопросу о еврейской проблеме в партизанском движении и в партизанских районах. Материал этот позволяет выяснить взаимоотношения между евреями и неевреями в партизанском движении и между евреями-партизанами и местным нееврейским населением. Материал этот систематически собирался Еврейской Исторической Комиссией в Польше, создавшей обширный архив показаний партизан-евреев, среди которых есть немало бывших участников советского партизанского движения (часть этого архива имеется в копиях в ИВО). И огромный материал собран организациями самих партизан. Среди них наибольшую активность проявила историческая комиссия Союза (бывших) Партизан (евреев) «Пахах» в Италии. Итоги работы этой комиссии были опубликованы в виде большого исследования, широко использованного в главе пятой этой работы.

Подробные указания на все эти и другие источники читатель

найдет в тексте книги и особенно в примечаниях.

* * *

Работа эта вышла в свет в 1951 году по-английски вместе с более значительной по объему работой автора «Политика национальностей и еврейский вопрос в СССР». Обе вместе образуют большой том: «Евреи в Советском Союзе», опубликование которого по-русски — при теперешнем состоянии русского книжного рынка вне СССР — невозможно.

В настоящем издании работа несколько дополнена, в частности, в нее включен подробный анализ всех доступных данных об эвакуации евреев в Советском Союзе в годы 2-й мировой войны. Вопрос этот прямого отношения к теме об антисемитизме не имеет. Но широко распространенное заграницей мнение о проводившейся будто бы советским правительством политике спасения евреев, находившихся под угрозой истребления их Гитлером, является, может быть, главной основой ложных представлений о действительном состоянии вопроса об антисемитизме в Советском Союзе: можно ли допустить мысль о поощрении или хотя бы о толерировании антисемитизма советским правительством, если это правительство проявило такую исключительную активность в деле спасения евреев?

Это серьезный аргумент, требующий тщательной проверки всего материала об эвакуации евреев в Советском Союзе в годы войны. Автор пытался разрешить эту задачу в приложении к книге.

Нью Йорк.
Февраль 1952 года
С. Шварц.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Подъем антисемитизма во второй половине двадцатых годов

В старой России антисемитизм не имел глубоких корней в народных массах. На русском антисемитизме последних десятилетий перед революцией лежала явственная официальная печать: это был один из элементов правительственной политики, и антисемитизмом была заражена лишь часть верхних слоев общества, особенно чиновничество, и кое-где часть средних слоев города. В широких массах народа антисемитизма почти не было, да и самая проблема отношения к еврейству перед ними не вставала, так как широкие слои русского народа почти не соприкасались с евреями.

Более или менее глубокие корни в народных массах антисемитизм имел в старой России лишь в некоторых частях так называемой черты оседлости, главным образом на Украине, где еще со времени *польского* господства, в силу особых условий, на которых здесь не приходится останавливаться, настроения антисемитизма имели очень широкое распространение в крестьянстве. Но и здесь до революции антисемитизм, за исключением редких и коротких моментов, не принимал напряженного характера, а погромы 80-х годов прошлого столетия и начала двадцатого века были городским явлением, сознательно вызывавшимся органами правительства и привлекавшим в основном лишь сравнительно немногочисленные, главным образом городские подонки. Да и по размаху своему эти погромы, потрясшие в свое время совесть мира, сейчас, в свете опыта позднейших лет, в частности по сравнению с волной погромов, прокатившейся по стране в 1918–1920 годах (не говоря уже о гитлеровской политике прямого истребления евреев), кажутся относительно ограниченным явлением.

В годы революции, особенно в годы гражданской войны и в районах, где гражданская война приняла наиболее напряженный характер, антисемитизм вырос чрезвычайно и превратился в одно из наиболее острых орудий контрреволюции, широко захватив, особенно на юге и на юго-востоке, основную толщу городского и сельского населения. К этому времени относится часто цитировавшееся впоследствии, но в свое время в Советской России мало обратившее на себя внимание постановление

советского правительства об энергичной борьбе с антисемитизмом и об объявлении погромщиков «вне закона» («Известия» от 27-го июля 1918 года.). На этом постановлении я остановлюсь ниже при анализе борьбы с антисемитизмом мерами уголовной репрессии.

С окончанием гражданской войны антисемитизм в Советской России, казалось, начал быстро идти на убыль, и не только в официальных советских кругах, но и в широких кругах заграницей, особенно в кругах заграничного еврейства, в годы, непосредственно следовавшие за окончанием гражданской войны, получила широкое распространение мысль, что антисемитские настроения в России, поскольку они еще сохраняются, являются лишь отголоском недавнего прошлого, что антисемитизм быстро и окончательно сходит здесь на нет.

Первые вести о новой волне антисемитизма

Этому оптимизму, однако, вскоре был нанесен тяжелый удар. Советская печать сначала просто не замечала нового роста антисемитизма, — по-видимому, действительно не замечала, а не замалчивала его. Но, начиная с 1926 года, в руководящих советских кругах начали бить тревогу.

Одним из первых поднял публично вопрос об антисемитизме председатель Президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов М. И. Калинин. Откликаясь на обращенное к нему письмо молодого крымского коммуниста Овчинникова, встревоженного созданием в Крыму еврейских сельскохозяйственных колоний, Калинин летом 1926 года писал (*М. Калинин,* «Еврейский вопрос и переселение евреев в Крым», «Известия» от 11-го июля 1926 года.):

«Писем, записок на митингах, как с подписью, так и без подписи по еврейскому вопросу вообще и по переселению евреев в Крым, в частности, очень много. Одни из них явно черносотенны и антисемитичны, другие, как письмо тов. Овчинникова, стремятся искренне выяснить, почему евреям ворожит советская власть. Между прочим, очень характерный штрих: по словам тов. Грандова [редактора газеты для крестьян «Беднота» издания ЦК ВКП], за последние четыре года среди крестьянских писем в «Бедноту» совершенно не было заметно писем по еврейскому вопросу, лишь за последнее время они появились в связи с переселением евреев в Крым».

Митинги, на которых Калинин получал «очень много» записок «по еврейскому вопросу», это, главным образом, рабочие

митинги на заводах. Антисемитизм, о котором писал здесь председатель Президиума ЦИК'а, это антисемитизм, главным образом, в рабочей и в крестьянской среде. Несколькими месяцами позже — в ноябре 1926 года — на 1-ом съезде Общества по земельному устройству трудящихся евреев в СССР, так наз. ОЗЕТ, Калинин остановился на антисемитизме и среди интеллигенции («Первый Всесоюзный Съезд ОЗЕТ в Москве, 15–20 ноября 1926 года. Стенографический отчет», Москва, 1927 г., стр. 65.):

«Почему сейчас русская интеллигенция, пожалуй, более антисемитична, чем была при царизме? Это вполне естественно. В первые дни революции в канал революции бросилась интеллигентская и полуинтеллигентская городская еврейская масса. Как нация угнетенная, никогда не бывшая в управлении, она, естественно, устремилась в революционное строительство, а с этим связано и управление… В тот момент, когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, как раз в этот момент еврейская интеллигенция хлынула в канал революции, заполнила его большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в революционных органах управления».

Для понимания той растерянности, которая царила в руководящих советских кругах перед лицом внезапно обнаружившейся широкой распространенности в стране антисемитизма, чрезвычайно характерна беспомощная аргументация Калинина (Там же.):

«Для еврейского народа, как нации, это явление [т. е. широкое участие евреев в «революционных органах»] имеет громадное значение, и, я должен сказать, значение отрицательное [!]. Когда на одном из заводов меня спросили: Почему в Москве так много евреев? — я им ответил: Если бы я был старый раввин, болеющий душой за еврейскую нацию, я бы предал проклятию всех евреев, едущих в Москву на советские должности, ибо они потеряны для своей нации. [Это был ужасный ответ: аргумент о «потере для еврейской нации» просто не дошел до сознания аудитории Калинина, а по существу его аргументация должна была подкрепить антисемитские настроения на заводе]. В Москве евреи смешивают свою кровь с русской кровью, и они для еврейской нации со второго, максимум с третьего поколения потеряны, они превращаются в обычных руссификаторов [!]».

Антисемитизм в рабочей среде

Особенную тревогу, естественно, вызвал тот факт, что антисемитизм во многих местах глубоко проник в эти годы в рабочую среду, остававшуюся почти непроницаемой для антисемитизма до революции. Сообщения об антисемитизме в рабочей среде, относящиеся ко второй половине двадцатых годов, очень многочисленны, но при неполноте доступных нам источников (Сообщения о фактах антисемитизма рассеяны, главным образом, в местной советской печати, почти не проникающей заграницу, и в еврейской советской печати и в «Комсомольской Правде», в доступных в Нью Йорке библиотеках, представленных за 20-ые годы лишь очень отрывочно. Ценным дополнением к имеющимся в Нью Йорке советским материалам являются телеграммы из Советского Союза Еврейского Телеграфного Агентства, всегда основанные на данных советской печати (иначе советская цензура их не пропускала), особенно еврейской.) и по самому характеру материала данные об антисемитизме не поддаются статистической обработке, и интересующее нас явление может быть показано лишь на ряде отдельных типичных фактов.

В вышедшей в 1928 году книге «Против антисемитов» автор ее пишет, что после того, как в феврале 1927 года он опубликовал в одной московской газете (в «Комсомольской Правде») несколько статей об антисемитизме, в редакцию начали «каждый день» поступать «десятки откликов». «Видимо, затронул я вопрос больной и жгучий, высказал то, что наболело у многих товарищей» (*Мих. Горев,* «Против антисемитов. Очерки и зарисовки», Москва и Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. 9–12.):

«Все эти отклики говорили, что в известных слоях рабочих за последнее время опять [?] появились антисемитские настроения, что антисемитизм проникает в комсомол, что антисемитским настроениям поддается иногда и кое-кто из партийцев.

«У нас в Канавине (Нижегор. губ.), — пишет Б. Соловецкая, — антисемитизм растет с каждым днем и не только среди беспартийных, но, к сожалению, и среди коммунистов».

Тов. Гуфельд из Смелы (Черкасск. окр.) передает:

«В 1925/26 годах я работал в Смеле на сахарном заводе. Антисемитизм был здесь сильно распространен. Бывало новичка-жиденка поставят на лафет, лафет разгонят и требуют, чтобы он, жиденок, скакал с лафета на полном ходу. Скоро придумали новое удовольствие — обливать новичка-жиденка горячей водой. Или же выстроятся в две колонны и под гиканье, улюканье начнут перебрасывать еврея из одной колонны в другую. При выдаче же спецодежды заведующий двором у нас прямо заявил:

— Длинноносым Хаимам и Гершкам спецодежды не выдам:

пусть идут торговать!»

О совершенно возмутительном случае, имевшем место в Харькове, на Госспиртзаводе № 2, имени 1-го мая, передает наш корреспондент тов. Райе:

«Был со мною этот случай во время перерыва, когда был завтрак. Разговорились мы с одним комсомольцем. Он сейчас же бросил мне упрек: Ты еврей, и тебе не следует вмешиваться в разговор!

Тут началась ссора. Я ему объясняю, что такое рассуждение неправильно, а он, насмехаясь, начал кричать: Эй ты, жидовская морда! Что вам здесь нужно? Отдельную республику хотите устроить? Вам Крым отдать? Не бывать.

Собрались тут взрослые рабочие. Один рабочий, комсомолец, Добрынин, кричит мне: Вы хотите в вузы, в школы попасть? Это вам не удастся.

Подошел второй комсомолец, кандидат КП(б)У, студент сельскохозяйственного рабфака Аникиев. Он еще лучше начал:

— Эй ты, жидовская морда, что тебе здесь нужно? Пришел забирать хлеб у нашего брата? Мы вам, жиды, покоя не дадим. Был бы 20-ый год, я бы с тобой расправился. Все вы спекулянты. Еще и сюда пришли работать…»

Таких сообщений во второй половине двадцатых годов было множество. В статье секретаря Евсекции при ЦК ВКП мы читаем (А. *Чемеринский,* «Антисемитизм — орудие контрреволюции», «Коммунистическая Революция» (Орган Агитпропа ЦК ВКП), 1929 г., № 5 (март), стр. 68–69; курсив подлинника.):

«В Брянске на механическом заводе № 13 группа молодых рабочих систематически издевалась над молодым евреем-рабочим Фурмановым. Среди этой группы имеется 6 комсомольцев, из них 2 члена бюро. Комсомольская ячейка этого факта не замечала. Губком узнал лишь из докладной записки секретаря евбюро губкома. Докладная записка еще не обсуждалась. На этом заводе вообще сильны антисемитские настроения. Недавно была проведена беседа с рабочими об антисемитизме. Вот что пишет т. Иленков, проводивший эту беседу по поручению Брянского окркома ВКП:

«Присутствовавших на беседе можно разделить на три неравные группы: 1) Очень сильно зараженная антисемитскими настроениями. Эта группа активная: задавала вопросы, вставляла реплики, выступала, острила и т. п.

2) Основная масса слушателей, молчаливо соглашавшаяся с репликами и выступлениями. 3) Незначительная часть, пытавшаяся робко одернуть первых.

Партийная и комсомольская часть молчала. Секретарь ячейки, как воды в рот, набрал.

Создавалось впечатление, что все солидарны с выступлениями против евреев…»

В ВУСПС (Харьков) ежедневно [!] поступают сведения с мест, свидетельствующие об усилении антисемитских настроений среди некоторых наиболее отсталых групп рабочих. Особенно сильно развит антисемитизм на предприятиях, связанных по характеру своего производства с селом, в частности, на сахарных и винокуренных заводах. Так, на Браиловском сахарном заводе, в Винницком округе, группа хулиганов заперла еврея Этина в сернокислотном отделении, откуда он был извлечен с сильными признаками отравления. На сахарном заводе им. Ланцупкого, в Шепетовском округе, группа антисемитов долгое время издевалась над евреем Куржем, в результате чего Курж заболел психическим расстройством. На Уладовском сахарном заводе, в Винницком округе, антисемиты избили рабочего Швейрука, выдвинутого в кандидаты в члены завкома. На Богуславской суконной фабрике ученик-еврей Бурсук подвергался систематическим преследованиям и избиениям со стороны группы хулиганов».

Другой автор писал одновременно в органе Главполитпросвета РСФСР (*Г. Нагорный,* «На борьбу с антисемитизмом», «Коммунистическое Просвещение», 1929 г., май, стр. 32–33.):

«Вот некоторые факты выступлений антисемитов в рабочей среде, обнаруженные только за последние два-три месяца:

«Ты не бойся, когда будет погромчик, я тебя укрою», так «невинно шутили» над продавцом Гальпериным его сослуживцы по магазину Мосторга на Красной Пресне. Шутки закончились избиением Гальперина продавцом Голубковым. Когда подняли вопрос об увольнении Голубкова, предместкома Кузьмичев (член ВКП), заявил: «Мы не допустим, чтобы из-за жида увольняли русских».

С Кузьмичевым солидарен директор Ново-Богоявленской фабрики Чихачев: «Антисемитизм не причина для увольнения», заявил он, когда бюро ячейки предложило уволить рабочих-антисемитов, преследовавших молодого инженера Гуревича. Кто-то из них подсыпал песок и опилки в масло мотора, чтобы «извести» ненавистного им инженера. Только случайность спасла фабрику от катастрофы. Гуревичу пришлось уйти. Антисемиты торжествуют.

На Керченской консервной фабрике «Воля Труда» группа рабочих преследовала чернорабочего еврея Гутмановича, били

его проволокой по спине… Антисемит Ничугин в присутствии предфабкома и толпы рабочих кричал: «Если этого жиденка не уберут от нас, я его задушу». Общее собрание, на которое явились только одни приятели хулиганов-антисемитов, решило, что никакого преследования Гутмановича не было, а были лишь «обоюдные шутки».

Иначе отнеслась пролетарская общественность к другому подобному же случаю. На заводе «Красный Прогресс» (Б. Токмак, Украина) антисемиты долго издевались над рабочим Резником, травили его, бросали в него болтами, гайками, засыпали стружками глаза, грозили убить, зарезать: наконец, комсомолец Глейх избил Резника в цеху на глазах у всех. Общее собрание, на котором присутствовали 1400 рабочих, единодушно заклеймило позором хулиганов-антисемитов и потребовало общественного суда над ними. В хвосте оказалась комсомольская ячейка, она ограничилась лишь тем, что вынесла Глейху выговор.

В Пскове на заводе «Металлист» комсомолец Трофимов уже давно и систематически травил комсомольца же еврея Большеминникова. Группа комсомольцев подавала об этом заявление в бюро комсомольской ячейки, но бюро не приняло никаких мер. 14 февраля в комсомольском общежитии Трофимов зверски зарубил топором Большеминникова. Убийца с гордостью сказал своим товарищам: «А всё-таки я жиденка укокошил». На допросе он заявил: «Убил, потому что я русский, а Большеминников еврей».

От антисемитской заразы оказались несвободны даже и рабочие такого культурного центра и старого центра рабочего движения, как Ленинград (*Еф. Добин,* «Правда о евреях», Ленинград, изд. «Краевой Газеты», 1928 г., стр. 5.):

«На зав. «Лит» антисемиты под руководством мастера-инструктора начали с криков по адресу евреев рабочих: «жиды». Потом на стенах уборной был вычерчен лозунг: «Бей жидов, спасай Россию». Потом, вдохновившись безнаказанностью, избили кирпичами т. Меллера, потом т. Елашевича и ряд других евреев. Или другой случай, тоже ленинградский:

На заводе им. Марти «шуточки» и анекдоты на еврейские темы в большом ходу среди комсомольцев даже среди актива. Мудрено ли, что член бюро коллектива этого завода пригрозил комсомольцу-еврею, выступавшему против него на собрании: «Если ты, жидовская морда, посмеешь еще хоть раз выступить, я с тобой разделаюсь». Мудрено ли, что на этом самом заводе несколько рабочих травили и избивали еврея-комсомольца при сочувственных смешках присутствовавших здесь других

комсомольцев?»

Всё же из Ленинграда сообщений о проявлениях антисемитизма попадалось в печати не очень много. Гораздо более широкое распространение антисемитизм, по-видимому, получил в Москве. Для характеристики развития антисемитизма в Москве имеется в печати — в виде редкого исключения — документ, перечисляющий уже не отдельные случаи проявления антисемитизма, а дающий общую характеристику распространения антисемитизма среди московских рабочих. Это «сводка» Московского Городского Совета Профсоюзов за февраль 1929 года «об антисемитизме среди членов профсоюзов». Составлялись ли такие сводки и за другие месяцы, установить невозможно. Целиком и эта сводка, по-видимому, нигде опубликована не была, но в книге Юрия Ларина об антисемитизме в СССР цитируются обширные выдержки из нее, которые я привожу с некоторыми сокращениями (*Юрий Ларин,* «Евреи и антисемитизм в СССР», Москва и Ленинград, Госиздат, 1929 г., стр. 238–239.):

«Антисемитские настроения среди рабочих распространяются, главным образом, среди отсталой части рабочего класса, связанной с крестьянством, среди женщин… Часто рабочие, замеченные в антисемитских выражениях, недостаточно уясняют себе его контрреволюционное значение. Имеется много фактов, когда в числе антисемитов встречаются комсомольцы и члены партии.

Особенно распространены толки о еврейском засилье. Широко распространены оскорбительные выпады, передразнивание, насмешки по адресу работающих евреев. Распространено рассказывание разных анекдотов о евреях. Антисемиты-администраторы используют свое положение для травли и выживания евреев. Злостные антисемиты избивают евреев и стараются втянуть их в драку.

Антисемитизм выливается подчас в выкрики, угрозы и призывы, близкие к погромным, также в виде анонимных надписей, записок. На собраниях, в беседах и лекциях учащаются случаи антисемитских выкриков, выступлений, записок. Часто встречаются записки и выступления, поддерживающие версию об исключительной борьбе советской власти только с православной религией… Имеются случаи, когда евреи, подвергшиеся травле, молчат об этом, не апеллируя к общественным организациям — по-видимому, боясь преследований или не надеясь найти достаточную поддержку.

Со стороны профсоюзных организаций отсутствует постановка организованной борьбы с антисемитизмом. Очень

часто местные профорганизации своевременно не выявляют антисемитские настроения, не реагируют на проявления их и не принимают мер к их изживанию. Со стороны низовых профорганизаций отмечаются факты примиренческого, недопустимо терпимого отношения к проявлениям антисемитизма. Были факты, когда в низовых профорганизациях пытались замазывать проявления антисемитизма.

Всё же за самое последнее время отмечается небольшой сдвиг. Передовая часть рабочих часто дает примеры сознательной борьбы с проявлениями антисемитизма со стороны отдельных товарищей и реакционных элементов».

Происхождение антисемитизма среди рабочих

Советская печать пыталась объяснить распространение антисемитизма в рабочей среде во второй половине двадцатых годов, главным образом, притоком в промышленные предприятия «отсталых» рабочих из деревень, а только что цитированная «сводка», наряду с «отсталой частью рабочего класса, связанной с крестьянством», в качестве носителей антисемитизма подчеркнула еще и роль женщин. Это последнее замечание — о роли женщин в распространении антисемитизма — не кажется обоснованным: среди множества фактов проявления антисемитизма, отмеченных в печати, — а выше я привел лишь небольшую часть имеющегося материала, — лишь в очень редких случаях отмечается активная роль женщин в антисемитских выступлениях. Более правильно указание на отсталые элементы рабочего класса, но, по-видимому, чрезвычайным преувеличением является объяснение антисемитских настроений отсталых рабочих их деревенским происхождением. При внимательном изучении имеющегося материала невольно бросается в глаза, что *среди сообщений о проявлениях активного антисемитизма во второй половине двадцатых годов почти нет сообщений о конкретных проявлениях антисемитизма в деревне.*

Эта волна антисемитизма была в основном городским явлением.

Вопреки господствующему в литературе воззрению, основным источником проникновения антисемитских настроений в рабочую среду был не приток отсталых рабочих из деревни, а приток в промышленные предприятия рабочих и служащих из среды выбитых революцией из привычной колеи жизни разоряющихся средних и низших слоев городского населения. Это было гораздо более опасное явление, чем простая «отсталость» выходцев из деревни, уже в силу своей отсталости не имевших возможности

оказывать значительное влияние на окружающую их новую среду. Этим происхождением антисемитизма 20-ых годов, вероятно, и объясняется тот факт, что он захватывал отнюдь не одних лишь выходцев из деревни, но, как это видно из приведенных выше сообщений, глубоко проник в промышленные предприятия, в компартию и комсомол; больше того: в ряды партийного, комсомольского и профсоюзного актива. «Отсталых» рабочих, недавно прибывших из деревни, среди этого актива почти нет.

Яркой иллюстрацией зараженности в этот период антисемитскими настроениями партийной и комсомольской среды на московских фабриках (что уж говорить о многих провинциальных центрах!) может служить сообщение Ларина о «вопросах-записках», полученных им на специальной «консультации по антисемитизму», состоявшейся в августе 1928 года «в кабинете партработы одного из райкомов Москвы». На собрании присутствовали несколько десятков рабочих из различных московских промышленных предприятий: «передовики-партийцы», комсомольцы и несколько «сочувствующих», словом, всё человеческий материал, из которого формируется партийный, комсомольский и профсоюзный актив. В огромном большинстве поданных докладчику записок-вопросов явственно чувствовались антисемитские настроения. Вот несколько из этих вопросов (Полный список этих вопросов — всех их было 66 — приводится у *Ларина,* стр. 241–244.):

«Почему евреи не хотят заниматься тяжелым трудом?» — «Почему евреям дали хорошую землю в Крыму, а русским дают, где похуже?» — «Почему евреи везде устраиваются на хорошие места?» — «Почему партийная оппозиция на 76 % была из евреев?» — «Почему евреев много в вузах, не подделывают ли они документы?» — «Не изменят ли евреи в случае войны и не уклоняются ли они от военной службы?» — «Можно ли назвать антисемитом того, кто шутя говорит «жид», и как следует относиться к подобным шуткам вообще?» — «Отыскивать причину антисемитизма следовало бы в самой [еврейской] нации, в ее нравственном и психологическом воспитании».

Антисемитизм в высшей школе

Еще более поражает — и подтверждает выдвинутую выше гипотезу о происхождении советского антисемитизма 20-ых годов — широкое распространение антисемитизма в рассматриваемый нами период в школе, особенно в высшей школе (Сообщений об антисемитизме в народной школе в печати попадается гораздо

меньше и на них — в интересах экономии места — я здесь не останавливаюсь. В виде примеров можно назвать случаи, отмеченные у *Горева,* стр. 10–12, или в телеграммах ЕТА из Ленинграда от 5-го июня и из Москвы от 7-го июня 1928 года («The Jewish Daily Bulletin», June 6 and 8, 1928).).

В цитированной уже выше брошюре Добина мы читаем (*Добин,* стр. 3–4.):

«В день, когда пишутся эти строки, в «Комсомольской Правде» опубликованы кошмарные случаи, от которых веет средневековой жутью. Речь идет о проявлениях антисемитизма в харьковских вузах.

В геодезическом институте систематически, изо дня в день долгие месяцы, за закрытой дверью студенческого общежития велась упорная травля рабфаковца-еврея Ш. Среди товарищей он чувствовал себя затравленным зверем. Каждый его шаг, движение, нечаянно оброненное слово вызывали поток грубых насмешек, площадной брани и издевательств.

Молодой студент-геодезист Ляшенко, комсомолец, издевался над Ш. только потому, что он был единственным евреем в общежитии. Закадычный друг Ляшенко, геодезист Микула, не пожелал отставать от своего приятеля. Безобидного и, может быть, не в меру покорного Ш. обливали ледяной водой, заставляли ночами бодрствовать, лежать в постели с широко раскрытыми глазами. Его будили ударом линейки по голове, сонного обливали холодной водой и кололи голые пятки кронциркулем. Глубокие и длительные обмороки явились последствием травли. Трудно было узнать рабфаковца: он постарел, осунулся и превратился в инвалида с дрожащими руками. А хулиганы продолжали издеваться. Ляшенко ударил по щеке Ш. Это вызвало похвалу Микулы и на другой день последний повторил опыты: Ш. был избит. На третий день били по лицу не руками, а грязной галошей.

В том же институте хулиганы топтали живот беременной курсистки-еврейки. В Харькове в студенческом городке, в общежитии в корпусе № 11, другая кучка хулиганов-антисемитов избивает до полусмерти 16-тилетнего студента музтехникума Аркадия Рейхеля».

И это — если и не в такой крайней форме — было далеко не местное явление. Корреспондент Еврейского Телеграфного Агентства (ЕТА) телеграфировал из Москвы 28-го мая 1928 года («The Jewish Daily Bulletin», May 29, 1928.»):

«Из разных частей страны приходят сообщения, что среди студентов советских учебных заведений стало обычным, говоря о евреях, употреблять слово «жид».

«Октябрь», еврейская коммунистическая газета в Минске, отмечает, что к еврейским молодым людям, желающим поступить в Минскую Консерваторию, часто обращаются со словом «жид». Газета обвиняет директора Консерватории, Прохорова, в намеренной дискриминации по отношению к евреям...

Харьковская газета «Штерн» приводит ряд инцидентов, возникших на почве острого антисемитизма, господствующего среди студентов Харьковского Технологического Института, а между тем комсомольская организация насчитывает в Институте 400 членов и пользуется большим влиянием на студентов.

Даже студенты-коммунисты заражены антисемитизмом и часто спрашивают, почему для евреев не вводится в высших учебных заведениях процентная норма».

Особенно поражает в этой телеграмме сообщение о возрождении идеи процентной нормы для евреев, бывшей в старой России в последние ее десятилетия боевым знаменем реакции в высшей школе. Сообщение это не осталось изолированным. В телеграмме ЕТА из Москвы от 21-го октября 1929 года мы опять читаем («The Jewish Daily Bulletin», October 22, 1929.»):

«Собрание студентов-коммунистов в Киеве потребовало введения процентной нормы для евреев при приеме в Университет. Требование это предварительно обсуждалось в заседании бюро Комсомола».

Антисемитизм в государственном и партийном аппарате

Социальные корни советского антисемитизма 20-ых годов делают понятным тот факт, что в местный государственный аппарат — особенно в небольших провинциальных центрах — антисемитизм проник еще раньше, чем в среду промышленных рабочих. Сообщения о проявлениях антисемитизма на фабриках начали проникать в печать в сколько-нибудь заметном числе лишь с 1926 года. Об антисемитизме в местном государственном аппарате немало сообщений — особенно с Украины — было уже в 1925 году. Во многих местах в провинции антисемитские настроения, по-видимому, сохранялись в местном аппарате в приглушенном состоянии со времени гражданской войны, а с середины 20-ых годов они начали всё отчетливее проявляться и во вне. Приведу в виде примера несколько относящихся к этому раннему периоду сообщений корреспондентов Еврейского Телеграфного Агентства:

«Существование антисемитизма в среде советской

администрации в небольших городах, населенных преимущественно евреями, было признано членом специальной комиссии, назначенной для расследования этих условий.

Еврейский член этой комиссии, в статье в «Эмес», отмечает, что «во многих местах антисемитизм проводится открыто». Автор приводит много поразительных случаев, когда районные органы не обращали внимания на поступившие к ним жалобы и медлили принять необходимые меры (даже) по жалобам комиссии» (Телеграмма ЕТА из Москвы от 20-го июня 1925, «The Jewish Daily Bulletin», June 22, 1925.).

«Жалобы на плохое обращение с евреями в небольших городах и деревнях приходят из разных частей Советского Союза. Почти в каждом номере еврейских газет, выходящих в Советской России, можно найти указания на такого рода факты.

Плохое обращение с евреями-инвалидами в правительственных домах для инвалидов, терроризирование еврейского населения, доходящее до того, что — как сообщается в последнем номере харьковской еврейской газеты «Дер Штерн» — когда в Киеве три члена местной милиции были арестованы за ряд насилий над евреями, злоупотребление властью и акты террора, никто не согласился выступить против них в качестве свидетеля, опасаясь мести.

Типичная для создавшегося положения обстановка была недавно обрисована в обращении «Положите конец беззакониям», подписанном тридцатью жителями Пятигорья (в районе Белая Церковь): обращение было адресовано высшим органам власти и было жалобой на деятельность «антисемитских элементов, которые проникли в ряды советской администрации» [в телеграмме ЕТА приводился ряд фактов]» (Телеграмма ЕТА из Москвы от 4-го сентября 1925, «The Jewish Daily Bulletin», September 6, 1925.).

«В середине октября 1925 года на [украинской] конференции еврейских секций Компартии открыто высказывались жалобы на нарушения советского законодательства местными коммунистическими властями в их отношении к еврейскому населению» (Телеграмма ЕТА из Харькова от 19-го октября 1925, «The Jewish Daily Bulletin», Oetober 20, 1925.).

Ущемление евреев в жилищных отделах (Телеграмма ЕТА из Москвы 26-го октября 1928 г.), при налоговом обложении, даже на биржах труда (Телеграмма ЕТА из Москвы от 7-го июня 1928 г.) — стало распространенным явлением. Политика «дискриминации» (по отношению к евреям) начала окрашивать даже работу отделов личного состава государственных

учреждений и предприятий (*Г. Ледат,* «Антисемитизм и антисемиты», Ленинград, изд. «Прибой», 1929 г., стр. 52.):

«Еврейские служащие при сокращении штатов и рационализации аппарата подвергались увольнениям и встречали затруднения в новом приискании работы значительно больше, чем служащие украинцы, великороссы и др.»

Что особенно поражает в многочисленных сообщениях об антисемитизме в советском аппарате, это пассивность низовых партийных органов, часто просто капитулировавших перед антисемитскими настроениями, а то и прямо поддававшихся их влиянию. Приведу несколько примеров:

«Вот, напр., свежая вырезка из газеты: «У заведующего личным столом Краснопресненского районного отдела Управления недвижимых имуществ [в Москве] тов. Денисова о евреях весьма определенное мнение. Выразительно он цитирует черносотенное изречение: «Бей жидов, спасай Россию»; несколько раз, сильно переложив за галстук, бегал с наганом по квартире и кричал: «Всех жидов перестреляю». Районная контрольная комиссия признала факты доказанными и объявила ему выговор со снятием с работы, И только» (*Ларин,* стр. 276.).

«В районах и ячейках далеко не всегда относятся к антисемитскому душку с должной беспощадностью. На митинге по антисемитизму, созванном весной 1929 г. «Нашей Газетой» [в Москве], приводились факты, как ячейка Нефтесиндиката «поставила на вид» (и только) женщине, члену партии с 1919 года за слова ее беспартийным, что бывают случаи кражи евреями христианского ребенка для изготовления мацы из его крови и т. п.»(Там же, стр. 281.).

«Из Старобина (Слуцкого ок., Минской губ.) тов. Ю. Кравчик пишет: «Еврей Ачинский запоздал на несколько дней явиться на регистрацию в военный отдел, ему назначили месяц принудительных работ в раймилиции. Ачинский отработал две недели, а потом принес справку кресткома, что он бедняк, единственный работник в семье и что без него семья буквально голодает. Вместо ответа, даже, если хотите, вместо отказа, но в человеческой форме, милиционер Потапов начал кричать: «Ничего! Будешь работать! А подохнешь, тем лучше. Одним жидом в России станет меньше!»

Вот как обращаются с евреем в советском учреждении примазавшиеся к милиции держиморды. Да что тут удивляться, когда у нас в Слуцке комсомолец профтехнической школы, некий Вечер, выбежал на базарную площадь и начал орать: «Бей жидов, спасай Белоруссию!» Это с комсомольским-то значком на груди! И ведь ничего — остался в комсомоле» (*Горев,* стр. 10.).

Мы уже видели выше, какие глубокие корни терпимость по отношению к антисемитам пустила в партийном аппарате промышленных предприятий. Явление это приняло такие угрожающие размеры, что, наконец, «Правда» посвятила ему передовую статью (за много лет первую и, кажется, единственную передовую этой газеты об антисемитизме) («Внимание борьбе с антисемитизмом», «Правда» от 19-го февраля 1929 года):

«…В печати всё чаще появляются сообщения о проявлениях антисемитизма… При обследовании предприятий, где происходили антисемитские выступления, мы неизменно [!] наталкивались на одно опасное, явление — на попустительство со стороны местных партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, благодаря которому только, и может антисемитская травля продолжаться безнаказанно месяцами и годами.

Истязуемый рабочий не находит себе защиты, в цехах становится ходячим антисемитский жаргон, а работники ячейки, фабкома, комсомола не желают «впутываться» в неприятное дело, затевать «склоку» и т. д.».

Это всё — поскольку речь идет о партийных, а не о государственных органах — образцы пассивности парторганов пред лицом растущего антисемитизма, готовности их толерировать антисемитизм и антисемитов. Но бывало и гораздо хуже — когда парторганы на местах активно поддерживали антисемитскую политику госорганов.

С этой точки зрения особенно поразительна трагическая эпопея евреев в Дагестане. Правда, в приводимых ниже сообщениях не упоминается о парторганах, а лишь о «высших правительственных органах Дагестана», о Президиуме Дагестанского ЦИК и о Дагестанском Совнаркоме, но такого рода органы в Советском Союзе не только находятся под непосредственным руководством соответственных партийных органов и не могут вести политики, прямо не одобряемой партийными органами, но даже и по своему личному составу в значительной мере совпадают с соответственными высшими партийными органами. На этой горестной странице в истории советского еврейства стоит остановиться несколько подробнее.

Речь идет о так назыв. горских евреях в Дагестане, живших до революции в горных аулах и занимавшихся земледелием и мелкими кустарными промыслами (*Ларин,* стр. 128.):

«Зимой 1917/18 года вернувшиеся из армии горские евреи приняли энергичное участие в провозглашении советской власти в Дагестане, составили свыше 70 % [?] образованной тогда Красной гвардии (по данным Дагестанской Контрольной Комиссии) и с оружием в руках дрались против белых за

советскую власть. За это, когда потом белые на время взяли верх (Бичерахов), ряд горско-еврейских аулов был разрушен и сожжен, земли отняты и разделены между соседними мусульманскими деревнями, а сами они [т. е. горские евреи], поскольку не были вырезаны, изгнаны в города… В этих городах они бедствуют, работают в значительной части в качестве батраков у окрестных виноградарей и садоводов, в качестве кустарных рабочих, отчасти как пешеходные мелочные торговцы в разнос и т. п.

Вселение их в окружающие Кавказский хребет города вызвало появление антисемитских настроений среди мещанского населения на почве конкуренции торговой, кустарной и в приискании работы. Тесно связанный с мелкобуржуазным и среднебуржуазным обывательством этих городов местный чиновный советский аппарат энергично поддерживает «своих» (единоверцев, единоплеменников) против «пришлых»…»

Дагестанские евреи тщетно пытались отстоять свои права. Волокита продолжалась годами. Дело дошло, наконец, до Отдела Национальностей Всероссийского ЦИК'а, который потребовал объяснений от Дагестанского ЦИК'а. Президиум Дагестанского ЦИК'а назначил комиссию для расследования всего дела, принял затем по докладу комиссии соответственное решение, но и это решение осталось на бумаге, а Президиум ЦИК'а не проявил никакого интереса к проведению его в жизнь. О дальнейшем расскажу словами докладной записки Комиссии по земельному устройству евреев при ЦИК СССР (Комзет) поданной правительству 28-го февраля 1928 года («Записка» эта напечатана в «Правде» от 23 июня 1928 г. (в виде статьи Ю. Ларина) и перепечатана (с неожиданными сокращениями) в книге *Ларина,* стр. 129–133.):

«Такое отношение к результатам обследования комиссии, выделенной самим же Президиумом Дагестанского ЦИК'а, тем более странно, что как раз перед тем (в 1926 году) в столице Дагестана — Махач-Кале — вспыхнул еврейский погром, нашедший немедленно отклик в некоторых других городах Дагестана. Погромное движение возникло на почве обвинения евреев в употреблении мусульманской крови и было, по-видимому, заранее подготовлено, чем объясняется его одновременность…

Дагестанские евреи, не добившись ничего в Дагестане, прислали в Москву во Всероссийский ЦИК избранного восемью аулами крестьянина Антилова. В итоге Президиумом Всероссийского ЦИК'а в феврале 1927 года был командирован в Дагестан инструктор ВЦИК Островский для обследования положения горско-еврейского населения Дагестана.

По материалам обследования основные извращения линии в Дагестане в отношении горско-еврейской бедноты могут быть сведены к следующему:

а) Безнаказанность антисемитских выходок администрации, безнаказанность убийств и насилий; бесплодность жалоб, которым не давалось должного движения;

б) пренебрежение к культурному, медицинскому и т. п. обслуживанию горско-еврейского населения, несмотря на указания центра, и попытки введения центра в заблуждение неверной информацией;

в) нарушение прав национального меньшинства на организацию [национальных] советов в местах компактного жительства;

г) неслучайный отказ в приеме на работу рабочих из горских евреев;

д) невнимательное, грубое и заведомо извращенное отношение к горско-еврейскому населению со стороны низового советского аппарата;

е) попустительство руководителей дагестанской власти в отношении всех этих беззаконий и извращений, несмотря на своевременное осведомление их о происходящем.

В материалах, собранных обследованием инструктора ВЦИК'а, имеется письменное заявление о том, что бывший начальник аула «Джарач» Ачгар-Бек Новруз-Бек-Оглы, расстрелявший во время гражданской войны горско-еврейскую охрану, как большевиков, служит теперь в Дербентской милиции. Заявление об этом осталось без последствий.

Имеется протокол общего собрания горских евреев города Дербента от 31-го июля 1926 года (с участием председателя горсовета и представителя ДагЦИК'а) о том, что управление горскими евреями осуществляется в большинстве случаев остатками деникинской банды, что было доведено до сведения ДагЦИК'а и осталось без последствий. И т. д., и т. д.» (Поразительно, что в книге Ларина эти два последние абзаца пропущены.).

После этого обследования Президиум ДагЦИК'а принял было решение о проведении необходимых для устранения всех этих беззаконий мероприятий. Но опять ничего не изменилось. В «записке» Комзета мы далее читаем:

«Старший инструктор НК РКИ Дагестана тов. Галулаев, член партии, письменно сообщил в Москву, между прочим, о следующем:

а) интерес со стороны высших правительственных органов Дагестана к судьбе горско-еврейского населения, поднятый

приездом тов. Островского, продолжался короткое время, после чего наступила реакция, принявшая в Дербентском округе *характер отместки* за временно причиненные неприятности;

б) со стороны лиц и учреждений, от которых зависит решение ряда намеченных мероприятий, замечается *явно-недоброжелательное,* а в лучшем случае, безучастное отношение, вследствие чего принятые директивы не выполняются;

в) в центре горско-еврейской оседлости, в Дербентском округе *упорно продолжается* прежняя практика притеснений горско-еврейской массы, чинимых советскими органами». (Подчеркнуто в подлиннике).

В сообщении инструктора НК РКИ отмечалось также, что ездивший в Москву в качестве жалобщика от горских евреев делегат от восьми аулов Антилов по возвращении в Дагестан был посажен в тюрьму и предан суду. Правда, суд его оправдал.

В феврале 1929 года Президиум ВЦИК'а принял новое постановление о горских евреях в Дагестане, наметившее ряд мероприятий, которые должны были изменить положение дагестанского еврейства (*Ларин,* стр. 133.). О результатах этих мероприятий сведений в большую печать не проникало.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Аргументы антисемитов

Во многих из показанных выше случаев антисемитских проявлений антисемитизм носит почти иррациональный характер. Это было отталкивание от непривычного, ощущаемого, как «чужое». У некоторых это ощущение «чужого» приобретало такой законченный характер, что даже уже не вызывало отталкивания от евреев, а просто отношение к ним, как к чему-то вне человеческого общества. Поразительный пример такого отношения к еврейству мы встречаем в рассказе Бориса Пильняка «Ледоход», написанном в 1924 году, когда еще так свежа была память о страшных еврейских погромах периода гражданской войны.

Автор рассказывает о занятии отрядом «повстанцев» небольшого городка на Украине; атаман отряда анархист, но комиссар отряда коммунист, в отряде регулярно получают и читают «Известия» и отряд живет жизнью советских повстанцев. Но «жидов» вешают и в городке устраивают погром (*Борис Пильняк,* «Собрание сочинений», т. 3, Москва-Ленинград, Госиздат, 1929 г., стр. 81.):

«К утру в городке начался еврейский погром, всегда страшный тем, что евреи, собираясь сотнями, начинают выть страшнее сотни собак, когда собаки воют на луну, — и гнусной традиционностью еврейских перин, застилающих пухом по ветру улицы».

При этом автору, по-видимому, даже и в голову не приходило, что он глубоко увяз в болоте антисемитизма. И когда через несколько лет ему был брошен публично упрек в антисемитизме — со ссылкой на только что цитированный рассказ, — он энергично протестовал против этого обвинения (Обвинение это было выдвинуто против Пильняка в статье *Максима Горького* «Об антисемитизме» в *«Известиях»* от 24-го июня 1931 года, о чем было сообщено в телеграмме ЕТА из Москвы, напечатанной на следующий день в «Нью Йорк Таймс». Пильняк в это время находился в Соединенных Штатах. Но лишь через десять дней, в «Нью Йорк Таймс» от 5-го июля, появился протест его против обвинения его в антисемитизме: Пильняк высказывает при этом свое «восхищение еврейским народом» («admiration for the Jewish people») и ссылается на перевод его

произведений на иддиш и на иврит и — на свою еврейскую бабушку.).

Но такое эстетско-снобистское и в основе своей пассивно-толерантное отношение к крайним проявлениям антисемитизма было уделом немногих. Гораздо шире были распространены настроения активного и агрессивного антисемитизма, которым в обстановке болезненной ломки старого жизненного уклада и распада старой социальной ткани легко поддавались многие из тех, кому эта ломка несла социальную деградацию или тяжелые материальные лишения (а кто не переживал этих лишений в первое десятилетие революции?).

Этот массовый и почти стихийный антисемитизм искал своего обоснования. Прямая защита антисемитизма была, правда, затруднена в Советском Союзе, так как советское правительство не без основания видело в антисемитизме возможное орудие контрреволюции. Всё же в 20-ых годах запрет антисемитизма не носил такого абсолютного характера, чтобы сделать невозможной публичную аргументацию в пользу антисемитизма. В качестве образца такой публичной защиты, формально полу-защиты антисемитизма приведу выдержку из речи проф. Юрия В. Ключникова на митинге, посвященном еврейскому вопросу, состоявшемся в Москве, в помещении консерватории, 2-го декабря 1926 года (Цитировано по стенограмме речи Ключникова *Лариным,* стр. 124–125. Часть стенограммы была напечатана в *«Рабочей Москве»* от 7-го декабря 1926 года.).

«…Уже февральская революция (1917 года) установила равноправие всех граждан России, в том числе и евреев. Октябрьская революция пошла еще дальше. Русская нация проявила самоотречение. Создалось определенное несоответствие между количественным составом (евреев) в Союзе и теми местами, которые в городах временно евреи заняли…

Вы видите, как по всей Москве настроились мелкие будочки с хлебом и колбасой, являющиеся еврейскими. Вот вам первоисточник этого недовольства: мы здесь в своем городе, а к нам приезжают и стесняют нас. Когда русские видят, как русские же женщины, старики и дети мерзнут по 9–11 часов на улице, мокнут под дождем над ларьком Моссельпрома, и когда они видят эти сравнительно теплые (еврейские) ларьки с хлебом и колбасой, у них появляется ощущение недовольства…

Это явление упускать из виду нельзя. С этим нужно считаться. У жителей больших городов может явиться это сторожкое чувство, поскольку страшно нарушена пропорция и в государственном строительстве и в практической жизни и в других областях между численным составом (евреев) и

населением. Если бы у нас в Москве не было жилищного кризиса — масса людей теснится в помещении, где нельзя совершенно жить; а в то же время вы видите, как люди приезжают из других частей страны и занимают жилую площадь. Это приезжие евреи…

Дело не в антисемитизме, а в том, что растет национальное недовольство, национальная сторожкость, настороженность других наций. На это не надо закрывать глаза. То, что скажет русский русскому, того он еврею не скажет. Массы говорят, что слишком много евреев в Москве. С этим считайтесь, но не называйте это антисемитизмом».

В этой речи нашли свое выражение три основных аргумента советского антисемитизма этого периода:

а) Евреи пользуются привилегированным положением в советском государстве: «уже февральская революция установила равноправие» евреев; «октябрьская революция пошла еще [!] дальше» [!], т. е. создала для евреев привилегированное положение за счет «русской нации», которая «проявила самоотречение». Это аргумент о господстве евреев в советском аппарате и в компартии, легший — главным образом, в антисемитских кругах заграницей — в основу «теории» о «иудео-большевизме».

б) Евреи создают конкуренцию русскому населению. Правда, у Ключникова евреи, продающие на лотках хлеб и колбасу, конкурируют, главным образом, не с такими же лотошниками не-евреями, а с лотками Моссельпрома, т. е. государственной торговой организации, причем условия работы еврейских лотошников оказываются несравненно лучше условий работы в госторговле, что вызывает зависть не-евреев.

в) Наплыв евреев в крупные городские центры резко ухудшает и без того тяжелый жилищный кризис.

Как видно из приведенных выше данных об антисемитских проявлениях, к этим аргументам следует прибавить еще два, игравших в этот период значительную роль в арсенале антисемитизма.

г) Евреи ищут легкого заработка, уклоняясь от тяжелого физического труда.

И аргумент прямо противоположный только что изложенному:

д) Евреи тянутся к земле, отнимая ее у крестьян-не-евреев.

В рамках этой работы нет возможности подробно анализировать приведенные аргументы. Достаточно ограничиться несколькими фактическими замечаниями, облегчающими критическую оценку советского антисемитизма.

Евреи в компартии и в руководящих партийных и советских органах

Большевизм еще со времени своего возникновения в первом десятилетии текущего века, тогда еще как одно из течений в российской социал-демократии, не встречал сколько-нибудь значительной поддержки в еврейских рабочих массах и в еврейской интеллигенции. С этой точки зрения представляют интерес замечания Сталина в его статье о Лондонском съезде российской с-д-ии 1907 года, последнем большом съезде с-д. партии до революции (*Сталин,* «Сочинения», т. 2, Москва, 1946 г., стр. 50–51. Впервые напечатано в *«Бакинском Пролетарии»* от 20-го июня 1907 г.):

«…Не менее интересен состав съезда с точки зрения национальностей. Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи, далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские… По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский), что меньшевики — еврейская фракция, большевики — истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром.

А такой состав фракций не трудно объяснить: очагами большевизма являются, главным образом, крупнопромышленные районы, районы чисто русские, за исключением Польши, тогда как меньшевистские районы, районы мелкого производства, являются в то же время районами евреев, грузин и т. д.».

Проходя мимо «погромного» остроумия Алексинского-Сталина и упрощенной социологии последнего, мы уже в этом раннем свидетельстве находим подтверждение непопулярности большевизма (будущего коммунизма) в еврейской революционной среде. В 1917/18 годах это сказалось еще резче. Огромное большинство еврейской революционной и демократической общественности относилось резко отрицательно к большевизму. Агурский, один из руководителей комиссариата по еврейским делам, рассказывает, как в декабре 1917 года ему было предложено издавать в Петрограде еврейскую советскую газету (С. *Агурский,* «Дер Идишер Арбетер ин дер Коммунистишер Бевегунг, 1917–1921», Минск, Госиздат Белоруссии, 1925 г., стр. 5–6.) *(Еврейский рабочий в комунист. движении; ldn-knigi):*

«Мы приняли предложение, немедленно приступили к работе и хотели осуществить этот план. Но это была одна из труднейших задач. Правда, денег было достаточно — в первый раз в истории еврейского социалистического движения деньги не играли роли

при создании газеты. Но этого отнюдь нельзя было осуществить, так как еврейская социалистическая интеллигенция была против Октябрьской революции, не хотела принимать участия в какой-либо работе и к тому же страшно саботировала каждую попытку тех, кто хотел работать и помогать укреплению достижений Октябрьской революции. В Ленинграде нельзя было найти еврейских писателей, кто сотрудничал бы в газете, защищающей советскую власть. (Стоит отметить, что газета, которую мы хотели тогда издавать, не могла быть коммунистической партийной газетой, но лишь органом, поддерживающим советскую власть).

Нам удалось найти двух политических эмигрантов, которые были известны, как журналисты и уважаемые работники еврейского рабочего движения в Англии. Это были А. Кантор, бывший секретарь Лондонского «Еврейского Рабочего Фонда» и секретарь совета Лондонских еврейских трэд-юнионов, и А. Шапиро, известный лондонский анархист. С этими двумя сотрудниками мы приступили к изданию первой еврейской газеты, которая должна была начать популяризовать идеи Октябрьской революции в еврейских массах».

Но и в дальнейшем, после того, как режим упрочился и оппозиция еврейского некоммунистического социалистического и рабочего движения была сломлена, процент евреев в компартии оставался скромным.

Национальный состав ВКП может быть выяснен на основании двух партийных переписей — 1922 и 1927 годов. В 1922 году в составе компартии было 5,2 % евреев (среди членов и кандидатов в члены), в 1927 году 4,3 % («Статистические материалы по еврейской демографии и экономике», № 4, изд. Орт, Москва, на правах рукописи, мимиографировано, март 1929 г., стр. 29 (из архива д-ра И. Б. Розена).).

На первый взгляд может показаться, что данные эти говорят о повышенной роли евреев в компартии по сравнению с ролью их в составе всего населения, среди которого, по переписи 1926 года, евреи составляли лишь 1,8 % (*Л. Зингер,* «Еврейское население СССР», Москва-Ленинград, Соцэгиз, 1932 г., стр. 7.), т. е. соответственно почти в три и почти в два с половиной раза меньше, чем в составе ВКП в 1922 и 1927 годах. Но этот вывод был бы ошибочен. Огромное большинство населения СССР составляло в этот период сельское население, напротив, среди евреев процент сельского населения был очень низок.

Между тем компартия была в это время (и остается в смягченной форме таковой и сейчас) партией по преимуществу горожан. Для правильной оценки относительной

коммунистической активности различных национальных групп нужно, поэтому сопоставлять процент их в составе компартии с процентом их в составе городского населения. При таком анализе картина получается совсем иная, как это видно из следующей таблицы:

ЕВРЕИ В СОСТАВЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР (ПО ПЕРЕПИСИ 1926 ГОДА) И В СОСТАВЕ КОМПАРТИИ (ПО ПАРТИЙНОЙ ПЕРЕПИСИ 1927 ГОДА)[8]

	% евреев в составе городского населения	% евреев в составе компартии среди членов	среди кандидатов
СССР	8,2	4,9	3,2
в том числе			
РСФСР	3,1	2,7	1,4
Украина	22,7	13,1	10,0
Белоруссия	40,2	26,6	18,6

(Для первой цифровой колонки см. *Зингер,* стр. 11, для второй и третьей см. «Статистические материалы по еврейской демографии» и т. д., стр. 28.).

Эта таблица показывает, что процент евреев в составе компартии был всюду значительно ниже, чем это отвечало проценту евреев в составе городского населения, и что среди кандидатов в члены ВКП, т. е. среди партийных новобранцев, разница эта была еще больше, чем среди членов партии, т. е. что разница между процентом евреев в составе городского населения и в составе компартии имела тенденцию возрастать.

Но, может быть, процент евреев был скромен в составе членов (и кандидатов) компартии, но значительно выше среди руководящих партийных и советских верхов? На этот вопрос дает ответ следующая таблица (данные ее относятся к 1925 и 1926 годам):

ЕВРЕИ В СОСТАВЕ ВЫСШИХ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ[9]

	Всего	В том числе евреи	
		абсолютно	в процентах
Члены и кандидаты ЦК ВКП ..	104	11	10,6
„ „ „ ЦКК	162	13	8,0
Президиум Всероссийского ЦИК	37	2	5,4
СНК СССР	12	0	0
СНК РСФСР	14	0	0
Председатели СНК и ЦИК национальных республик, председатели губерн. и окружных исполкомов	88	1	1,1
Председатели губ. и окр. судов	66	4	6,1
Губ. и окр. прокуроры	66	3	4,5
Председатели трестов	54	4	7,4
Руковод. центр. органов кооперации	194	21	10,8

(«К перевыборам советов. Сборник статей и материалов» под ред. *А. Енукидзе, В. Кнорина* и *К. Мальцева,* Москва-Ленинград, Госиздат, 1927 г., стр. 64.)

Поражает в этой таблице прежде всего полное отсутствие евреев в этот период в составе Совнаркомов (т. е. правительств) Советского Союза и РСФСР. Но и в ЦК ВКП и ЦКК, в состав которых входили в это время наиболее видные деятели периода подполья, среди которых было немало евреев, процент евреев почти не разнился от процента их в составе городского населения (в ЦК несколько выше, в ЦКК несколько ниже, в обоих вместе процент евреев достигал в это время 9,0 против 8,2 в составе городского населения).

Среди советских верхов на местах процент евреев совсем ничтожен. И даже в составе руководящих экономических органов (среди председателей трестов) процент евреев несколько ниже, чем в составе городского населения, и много ниже, чем широкая публика склонна была думать.

В приведенной выше таблице показан процент евреев среди членов Президиума ЦИК РСФСР, но почему-то нет данных для ЦИК СССР. Пополню этот пробел (не для Президиума, а для ЦИК'а СССР в целом) из другого источника: всего в указанный период в состав ЦИК СССР входило членов и кандидатов 883, среди них евреев 46, т. е. 5,5 % (*Ларин,* стр. 114–115.).

Евреи и переполнение городов

На традиционном аргументе о еврейской конкуренции можно здесь не останавливаться. Но по поводу аргумента об обострении жилищного кризиса благодаря притоку евреев в крупные городские центры стоит привести несколько цифр. Остановимся прежде всего на Москве, еврейское население которой особенно значительно возросло в первое десятилетие революции.

Общее количество населения Москвы достигало в 1917 году 1,7 миллиона, резко сократилось в годы гражданской войны, но по переписи городского населения в 1923 году уже вновь перешагнуло за полтора миллиона, при общей переписи населения в 1926 году перешло за 2 миллиона, через десять лет (в 1936 году) за три с половиной миллиона; наконец, последняя перепись населения (в 1939 г.) показала уже в Москве население в 4 137 018 человек. В этом гигантском росте населения столицы на долю евреев приходится лишь незначительная величина: по переписи 1923 года в Москве было 86 171 или 5,7 % евреев, по переписи 1926 года 131 200 или 6,5 %. Из прироста населения за эти три года более, чем в полмиллиона, на долю евреев приходилось лишь 45 тысяч. И это в период особенно глубокого и быстрого распада городов и местечек бывшей «черты еврейской оседлости».

То же и в Ленинграде, население которого достигало 2,5 миллионов в 1917 году, упало значительно ниже миллиона в годы гражданской войны, но в 1923 г. вновь перешагнуло за миллион, в 1926 году почти достигло 1,7 миллиона, через десять лет перешагнуло 2,7 миллиона и по последней переписи достигло 3 191 304. И здесь количество евреев в период наиболее интенсивного притока евреев в Ленинград увеличилось за три года (1923–1926) с 52 374 до 84 500, т. е. с 4,9 до 5,0 %, и из общего притока с 1923 по 1926 год более, чем в 600 тысяч, на долю евреев приходилось лишь 32,1 тысячи (Данные о численности населения Москвы и Ленинграда заимствованы из «Большой Советской Энциклопедии», т. 36, стр. 489 и т. 40, стр. 377; для 1939 г. у С. *Сулькевича* «Население СССР», М., 1939, стр. 32; данные о еврейском населении по переписи 1923 г. см. у *Л. Зингера* в «Материалах и исследованиях Объединенной статистико-экономической комиссии при ЦК Орт'а», вып. 1-й, Москва, 1927 г., стр. 41; данные переписи 1926 г. заимствованы из цитированной книги *Зингера,* стр. 18. Более поздних данных о количестве еврейского населения Москвы и Ленинграда в нашем распоряжении не имеется.).

Доля евреев в общем миграционном потоке в крупные

городские центры сохранялась приблизительно на этом уровне до конца 20-ых годов. Но с начала 30-ых годов еврейская струя всё больше терялась в огромном общем миграционном потоке из сельских местностей в города, так что процент евреев в крупных городских центрах с этого времени начал даже сокращаться.

К сожалению, данные переписи населения 1939 г., которые позволили бы более детально анализировать это развитие, до сих пор не опубликованы. Но в вышедшей в свет в 1941 году работе Л. Зингера, которому открыт был доступ к неопубликованным материалам переписи, мы находим интересные суммарные данные о доле евреев в составе городского и сельского населения Советского Союза. Процент евреев среди всего населения СССР с 1926 по 1939 г. не изменился: по данным обеих переписей, он достигал 1,8. Но при громадном росте процента горожан в стране (в 1926 г. 17,9 %, в 1939 г. 32,8 %) (*Сулькевич,* стр. 13.) процент евреев в составе городского населения резко сократился: с 8,2 в 1926 году до 4,7 в 1939 году. Это характерная черта развития не только для Украины и Белоруссии, но и для РСФСР:

ЕВРЕИ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1926 И 1939 ГГ.
(В %%)[13]

	Городское население		Сельское население		Все население	
	1926	1939	1926	1939	1926	1939
По СССР в целом	8,2	4,7	0,3	0,3	1,8	1,8
в т. ч.						
по РСФСР (с Казахстаном и Киргизией)	3,1	2,2	—	0,1	0,5	0,8
по УССР	22,7	11,7	1,5	1,1	5,4	4,9
по БССР	40,2	23,9	1,6	1,1	8,2	6,7

(*Л. Зингер,* «Дос бенайте фолк», Москва, изд. «Эмес», 1941 г., стр. 40. При более точном подсчете процент евреев в составе всего населения СССР оказывается в 1939 году несколько ниже, чем при предыдущей переписи: в 1926 г. 1,82 %, в 1939 г. 1,78 %. См. *Л. Зингер,* «Дос уфгерихте фолк», Москва, изд. «Эмес», 1948 г., стр. 35.)

Уклоняются ли евреи от тяжелого труда? Формирование еврейского пролетариата

Если аргументы о «еврейском засильи» в компартии и в органах государственной власти и о жилищном кризисе,

порождаемом притоком евреев в крупные городские центры (или резко усиливающемся благодаря этому притоку), должны были придать какое-то рациональное обоснование антисемитизму, — аргумент об уклонении евреев от тяжелого физического труда апеллировал скорее к примитивному социальному инстинкту широких масс.

Стремление к переходу от элементарного тяжелого физического труда к более квалифицированному, но требующему меньшего физического напряжения физическому труду или к физически опять-таки более легкому конторскому и умственному труду является всеобщим, и повсеместно в рядах рабочего класса (рабочих и служащих) происходят массовые передвижки от более тяжелого к физически более легкому труду. Это выступает с особенной наглядностью, если наблюдать изменения, происходящие на пространстве двух или трех поколений, особенно в странах, в составе населения которых значителен процент иммигрантов (как в США), или где еще не завершился процесс отлива сельского населения в города (как в СССР).

В Советском Союзе охарактеризованная выше волна антисемитизма поднялась во второй половине 20-ых годов, в период быстрой ломки старой экономики и старых социальных отношений. Но это как раз и был период не уклонения евреев от тяжелого физического труда, а, напротив, период массового перехода их в ряды рабочих и служащих, — и особенно в ряды рабочих, — из рядов погибавших старых традиционных еврейских профессий. Ниже будут приведены данные об абсолютном и относительном увеличении в этот период численности еврейского пролетариата (рабочих и служащих) и об относительном увеличении роли рабочих в составе еврейского пролетариата. В дальнейшем — в 30-ые и 40-ые годы — абсолютный и относительный (по отношению ко всему самодеятельному еврейскому населению) рост числа служащих уже начал обгонять рост числа рабочих и процент рабочих в составе еврейского пролетариата начал сокращаться.

Статистические данные, на основании которых это развитие может быть прослежено, очень скудны. Только по переписи населения декабря 1926 года были опубликованы подробные данные. Они разработаны в книге Льва Зингера «Еврейское население в СССР» (Москва, 1932 г.). Для 1931 года известны данные специального обследования национального состава пролетариата СССР, разработанные опять-таки Зингером в книгах «Идн пролетариер ин ФССР» (Москва, изд. «Эмес», 1933 г.) и — в отношении евреев более сжато — «Национальный состав пролетариата СССР» (Москва, изд. «Власть Советов», 1934 г.).

Данные переписи населения января 1939 года опубликованы в такой суммарной форме, что ни на один из интересующих нас вопросов они не дают ответов. Но Зингер, которому открыт был доступ к материалам переписи, частью использовал их в двух своих работах: «Дос бенайте фолк» (Москва, изд. «Эмес», 1941 г.) и «Дос уфгерихте фолк» (Москва, изд. «Эмес», 1948 г.). Эти пять работ Зингера являются до сих пор основным источником для изучения изменений социальной структуры еврейского населения СССР с середины 20-ых годов. Ниже эти работы цитируются с указанием каждый раз лишь фамилии автора и года издания книги.

Еврейское самодеятельное население достигало в 1926 году 39,8 % всего еврейского населения (*Зингер,* 1932 г., стр. 32.). Это очень низкий процент, объясняющийся неблагоприятной социальной структурой еврейского населения. Для 1939 года общее число еврейского самодеятельного населения не опубликовано, но известно, что оно возросло очень значительно, отчасти за счет общего роста еврейского населения, но, главным образом, за счет резкого увеличения процента самодеятельных в составе еврейского населения. Некоторые данные, позволяющие установить этот последний факт, будут приведены ниже.

Социальная структура еврейского населения по данным переписи 1926 и 1939 годов показана в следующей таблице:

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ[15]

(в %% к общему количеству еврейского самодеятельного населения)

	Декабрь 1926 г.		Январь 1939 г.
Рабочие	14,8	Рабочие и служащие	71,2
Служащие	23,4	Колхозники	5,8
Кустари	19,0	Кооперированные кустари	16,1
Крестьяне	9,1	Некооперированные кустари	4,0
Торговцы	11,8	Прочие	2,9
Лица свободных профессий	1,6	Итого	100,0
Лица без определенных занятий	7,8		
Безработные	9,3		
Прочие	3,2		
Итого	100,0		

(Для 1926 г. см. *Зингер,* 1932 г., стр. 35, для 1939 г. см. Зингер, 1948 г., стр. 38. — Безработные в статистике 1926 года это не только лица, работавшие по найму и лишившиеся работы, но и вообще все, ищущие какой-либо работы *(Зингер,* 1932 г., стр. 69). К числу лиц без определенных занятий отнесены в 1926 г. государственные пенсионеры и стипендиаты высших школ *(Зингер,* 1932 г., стр. 71), отнесенные в 1939 году к тем социальным группам, к которым они принадлежали до перехода в число пенсионеров или стипендиатов *(Зингер,* 1941 г., стр. 49). В одной из своих позднейших работ (1941 г., стр. 46) Зингер приводит для 1926 г. несколько отличную группировку самодеятельного населения: рабочих и служащих не 38,2, а 39,8 % (по-видимому, главным образом, за счет уменьшения группы стипендиатов, инвалидов и пр.: с 7,8 до 5,7 %), кустарей не 19,0, а 22,6 % (по-видимому, главным образом, за счет уменьшения группы торговцев: с 11,8 до 8,8 %). В остальном изменения незначительны.).

Для сравнения данных 1926 и 1939 годов о доле рабочих и служащих в составе всего самодеятельного населения (*Зингер,* 1941 г., стр. 49, в противоположность *Зингеру,* 1948, стр. 38, относит приведенные выше данные для 1939 года не к самодеятельному только, а ко всему еврейскому населению (т. е. включая и иждивенцев). Существенного значения это не имеет: если в составе еврейского самодеятельного населения рабочие составляли в 1925 году 14,8 %, то в составе всего еврейского населения рабочие с семьями составляли 14,6 %; для служащих соответственные данные были 23,4 и 23,0 %. См *Зингер* 1932 г., стр. 35.) необходимо для 1926 года сложить данные для рабочих и служащих (получается 38,2 %) и прибавить к этому числу какую-то долю из числа безработных и лиц без определенных занятий (см. сноску к приведенной только что таблице). Сопоставляя эту величину с приведенной выше цифрой в 71,2 % для 1939 года, мы видим огромный масштаб происшедших за этот период изменений.

Проследить изменения соотношения между числом рабочих и числом служащих в составе еврейского рабочего класса значительно труднее уже по одному тому, что изменения эти за период с 1926 по 1939 год не носили однородного характера. С 1926 по 1931 год соотношение это несомненно изменялось в пользу рабочих, что видно из следующих данных:

ЧИСЛЕННОСТЬ ЕВРЕЙСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА В 1926 И 1931 ГОДАХ[17]

(в тысячах)

	Декабрь 1926 г.	Апрель 1931 г.	Прирост Абсолютно	Прирост В %
Рабочие и служащие	394	787	393	99,7
в т. ч. рабочие	153	342	189	123,5
служащие	241	445	204	84,6

(Таблица составлена (частью исчислена) по двум таблицам *Зингера,* 1934 г., стр. 85 и 87.)

Таблица эта показывает огромный рост за неполных пять лет и числа рабочих, и числа служащих, причем рост числа рабочих относительно (но не абсолютно) гораздо значительнее, чем рост числа служащих, так что — как легко исчислить из приведенной таблицы — процент рабочих в составе всего рабочего класса (рабочих и служащих) значительно вырос: с 38,8 в 1926 году до 43,5 в 1931 году.

Еще явственнее процесс роста всего еврейского рабочего класса и особенно значительного роста числа еврейских рабочих наблюдался в этот период в районах старой оседлости евреев — на Украине и в Белоруссии:

ЧИСЛЕННОСТЬ ЕВРЕЙСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА НА УКРАИНЕ И В БЕЛОРУССИИ[18]

(в тысячах)

	Декабрь 1926 г.	Апрель 1931 г.	Прирост Абсолютно	Прирост В %
Украина				
Рабочие и служащие	219,7	384,0	164,3	74,8
в т. ч. рабочие	93,2	195,0	101,8	109,2
служащие	126,5	189,0	62,5	49,4
Белоруссия				
Рабочие и служащие	50,7	86,8	36,1	71,2
в т. ч. рабочие	25,2	52,0	26,8	106,3
служащие	25,5	34,8	9,3	36,5

(См. предыдущую сноску.).

Здесь прирост числа рабочих уже не только относительно, но и абсолютно значительнее, чем прирост числа служащих, и процент рабочих в составе еврейского пролетариата поднялся на Украине с 42,4 до 50,8, в Белоруссии даже с 49,9 до 59,9 %.

Процесс этот нашел свое выражение на Украине и в Белоруссии и в очень резкой перегруппировке еврейского пролетариата между различными отраслями хозяйственной деятельности: в значительном усилении в общей массе еврейского труда тех отраслей хозяйства, в которых работают по преимуществу рабочие (промышленность и строительство), и в уменьшении роли тех отраслей хозяйства, в которых работают преимущественно или почти исключительно служащие (учреждения и торговля). Но в первой половине 30-ых годов в этом развитии произошел резкий перелом, и доля первых отраслей хозяйства вскоре опять сократилась, доля вторых значительно возросла. Оба этих противоположных процесса развития наглядно иллюстрируются следующей таблицей:

ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА ЕВРЕЙСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА НА УКРАИНЕ И В БЕЛОРУССИИ[19]
(без сельского хозяйства; в %% к итогу)

	1926	1931	1936/37
Украина			
Занято в промышленности ..	44,2	51,7	37,2
в строительстве	1,3	8,9	4,5
на транспорте	3,7	3,9	2,0
в учреждениях (и торговых предприятиях)	50,8	35,5	56,3
Белоруссия			
Занято в промышленности ..	48,4	58,0	45,5
в строительстве	2,5	8,0	2,5
на транспорте	2,9	4,8	3,7
в учреждениях (и торговых предприятиях)	46,2	29,2	48,3

(Для 1926 и 1931 годов см. *Зингер,* 1934 г., стр. 88; для 1939 г. см. *Зингер,* 1941 г., стр. 62 с перерасчетом для устранения влияния включенных на этот раз у Зингера данных о рабочих и служащих в сельском хозяйстве.).

Для еврейских рабочих и служащих по всему Советскому Союзу у нас нет соответственных данных. Зингер упоминает, правда, что соотношение между числом еврейских рабочих и числом еврейских служащих во всей стране приблизительно равнялось в 1939 году отношению 3 к 4 (*Зингер,* 1941 г., стр. 50.), т. е. что рабочие составляли несколько меньше 43 % еврейского рабочего класса. Это означает совершенно незначительное сокращение доли рабочих в составе еврейского рабочего класса по сравнению с 1931 годом (43,5 %; см. выше). Тот же автор сообщает, будто в 1939 году общее число евреев-рабочих в

крупной промышленности и на строительстве достигло «приблизительно 700 000» (*Зингер,* 1941 г., стр. 60.). Но в своей новейшей работе тот же автор говорит уже более осторожно о 600 000–650.000 рабочих-евреев в промышленности и на строительстве (*Зингер,* 1941 г., стр. 39.). Если принять эту последнюю цифру, то число служащих-евреев должно быть определено в 800 000 или несколько выше и общее число рабочих и служащих евреев почти в полтора миллиона, а общее количество еврейского самодеятельного населения около двух миллионов, т. е. около 2/3 всего еврейского населения, — цифра для населения по преимуществу городского типа очень мало вероятная.

Новейшими данными Зингера можно пользоваться поэтому лишь с большой осторожностью. Но при всей осторожности из них всё же, по-видимому, можно сделать некоторые выводы.

По-видимому, не вызывает сомнений, что на Украине и в Белоруссии, где по-прежнему сосредоточена была основная масса еврейского населения, доля рабочих в составе еврейского рабочего класса за 30-ые годы заметно сократилась. Но в то же время в Советском Союзе в целом доля эта осталась почти неизменной. А это было возможно лишь при продолжающемся усилении доли рабочих в составе еврейского рабочего класса в тех частях Советского Союза, где еврейское население еще недавно было очень незначительно, но куда в 20-ые и 30-ые годы направился миграционный поток из областей бывшей «черты еврейской оседлости». Здесь мы наблюдаем то же явление, которое так отчетливо сказалось в развитии рабочего класса Америки: иммигранты заполняют ряды лиц физического труда, часто тяжелого труда; в среде более прочно осевшего рабочего населения начинается процесс перехода в другие слои, более свободные от тяжести физического труда.

Отнимали ли евреи землю у крестьян?

Еврейская земледельческая колонизация

До революции, как известно, еврейское земледелие в России было до крайности затруднено, и подавляющее большинство евреев не имело права владеть землей, ни даже жить вне городов и местечек. Революция — уже Февральская революция 1917 года — упразднила все ограничения, существовавшие в этой области. А когда начавшаяся вскоре ломка старого социального и экономического уклада поставила огромное большинство

еврейского населения бывшей черты оседлости перед задачей поисков новых источников существования и новых отраслей для приложения своего труда, проснулась тяга евреев к земледелию, особенно к приместечковому и подгородному земледелию в местах старой оседлости, но наряду с этим и к переселению из городов и местечек и к созданию еврейских земледельческих колоний.

Волна страшных погромов, захлестнувшая в 1918/20 годах на юге и юго-западе районы наибольшего сосредоточения евреев, задержала это развитие и частью привела к разрушению существовавших на юге России еще до революции редких очагов еврейского земледелия. Но с 1921 года процесс перехода евреев к земледельческому труду возобновился и развивался в течение 20-ых годов быстрыми темпами. Об общих размерах еврейского земледелия в этот период дает представление следующая таблица:

РАЗВИТИЕ ЕВРЕЙСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ С 1917 ПО 1928 ГОД[23]

	Общее количество еврейского земледельческого населения (с семьями)	Общее количество обрабатываемой земли в еврейских земледельческих хозяйствах (в гектарах)
1917 г.	52 758	119 403
1920 г.	35 000	84 750
1923 г.	75 911	153 298
1924 г.	94 158	162 875
1925 г.	120 288	270 533
1926 г.	141 780	375 296
1927 г.	165 500	488 054
1928 г.	до 220 000	642 054

(*Д. А. Батуринский,* «Земельное устроение еврейской бедноты», Москва, изд. Озет, 1929 г., стр. 14–15. — Гектар равняется почти 2 1/2 акрам.).

В целях содействия этому развитию советское правительство в августе 1924 года создало правительственный Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (сокращенное название Комзет), развивший во второй половине 20-ых годов энергичную деятельность (Помимо Комзета — правительственного органа — в конце 1924 года было создано для обслуживания нужд евреев-переселенцев и пропаганды идеи еврейского земледелия — в качестве «общественной», т. е. в идее свободной, неофициальной организации — Общество по земельному устройству трудящихся

евреев (сокращенное название Озет); фактически большинство Президиума Правления Озета составляли члены Комзета.). В 1926 году, по предложению Комзета, правительство утвердило «план перехода в течение ряда лет на сельское хозяйство 100 000 еврейских семейств»

(Текст этого постановления напечатан в брошюре М. И. Калинина и П. Г. Смидовича, «О земельном устройстве трудящихся евреев в СССР», Москва, изд. Комзет, 1927 г., стр. 55–56.), всего (с членами семьи) около полумиллиона человек, что вместе с имевшимся к этому времени еврейским земледельческим населением довело бы еврейское земледельческое население почти до четверти общего количества евреев в Советском Союзе. План этот, однако, не получил осуществления. Хотя вторая половина 20-ых годов и была периодом значительного развития еврейского земледелия, темпы этого развития отставали от наметок 1925/26 годов. А после перехода страны в конце этого десятилетия к лихорадочно-быстрой индустриализации, сопровождавшейся громадным ростом спроса на рабочую силу в промышленности, строительстве и всех прочих городских отраслях труда, избыточное население еврейских местечек начало быстро таять и тяга евреев к земледелию резко ослабела.

Период усиленного перехода евреев к земледелию совпал с описанным выше периодом подъема антисемитизма и совпадение это в известной степени окрасило аргументацию антисемитов.

Это сказалось не сразу. Первоначальные попытки развития подгородного и приместечкового еврейского земледелия не вызывали реакции со стороны крестьянства. Почти не оказывали в первые годы влияния на крестьянские настроения и попытки создания новых еврейских земледельческих колоний. Правда, еврейские крестьяне иногда встречали к себе в начале известное недоверие со стороны местного коренного крестьянства, но это недоверие быстро рассеивалось. Приведу два свидетельства, относящиеся оба к Украине и Белоруссии:

«При самом начале поселения евреев на земле было со стороны крестьян не столь враждебное, сколь скептическое отношение: «Какие это земледельцы? Сами, вероятно, работать не будут, а займутся спекуляцией». Но эти настроения быстро испарились, когда крестьяне убедились, что еврейские труженики действительно собственными руками в поте лица обрабатывают землю, перенося большие лишения; а еще улучшились отношения, когда увидели, что эти еврейские новички применяют более культурные методы ведения хозяйства» (*М. Каменштейн,* «Советская власть, еврейское землеустроение и Озет», Москва, изд. Озет, 1928 г., стр. 48.).

«Отношение окружающего крестьянства к переселению евреев является, по единодушному свидетельству разных делегаций, посетивших колонии, добрососедским и доброжелательным. Такое отношение создалось, правда, не сразу. В первое время украинское и белорусское крестьянство относилось к новым переселенцам в некоторых частях с недоверием. Привыкшее видеть в лице еврея торговца, посредника, в лучшем случае мастерового, коренное крестьянство не верило ни в способность евреев заниматься земледельческим трудом, ни в серьезность их намерения заниматься этим трудом. Но постепенно их сомнения рассеялись. По мере того, как они видели, что бывшие торговцы и посредники в поте лица своего обрабатывают землю, участвуют в постройке жилищ, копке колодцев и т. д., по мере того, как они убеждались, что евреи сами сеют, жнут и снимают урожаи, украинские и белорусские крестьяне стали относиться с уважением к своим новым собратьям, таким же труженикам, как и они сами.

С другой стороны, в ряде случаев окружающее крестьянское население прибегает к помощи агротехнических мероприятий, применяемых в еврейских колониях» (*Батуримский,* стр. 19.).

Для возникновения в крестьянстве антисемитских настроений в связи с развитием еврейского земледелия не могло создаться почвы еще и потому, что небольшие островки еврейского земледелия совершенно терялись в безбрежном крестьянском море, да и земли, которые отводились евреям для устройства земледельческих колоний, брались, как правило, не из наличного используемого земельного фонда, а из неиспользуемых фондов, часто из фондов, которые еще должны были быть подготовлены для сельскохозяйственного использования упорным трудом (*Каменштейн,* стр. 47–48. См. также *Батуринский,* стр. 16.):

> «Фактически земли, предоставляемые еврейским переселенцам, являются в большинстве мало удобными, и еврейским переселенцам приходится очень тяжело работать и очень много претерпевать, покуда им удается преодолевать природные трудности.
>
> Так, напр., в Крыму евреям дают землю не в южной части, где климат благодатный, а в северной части, где переселенец находит засушливую степь, бушуют дикие ветры, почва местами солончаковая, воду для питья приходится добывать на глубине 30–40 сажень и т. д.
>
> Приблизительно то же имеет место в Степновском районе Северного Кавказа и в Кизлярском округе

Дагестана.

В Белоруссии еврейским переселенцам и расселенцам приходится производить осушку болот, корчевку пней и т. д.».

Отношение крестьянства к еврейскому переселенчеству начало меняться, когда распространилась весть о готовящейся еврейской колонизации Крыма. Выше уже отмечалось, со слов Калинина, что среди писем читателей, поступавших в редакцию московской крестьянской газеты «Беднота», годами совершенно отсутствовали письма, затрагивавшие еврейский вопрос, но что зимою 1925–26 г. «в связи с переселением евреев в Крым» положение изменилось. «Крым» вскоре стал популярным аргументом антисемитов.

Аргумент этот основывался на широко распространенном представлении о Крыме, как о райском уголке с отличными почвенными и климатическими условиями для развития земледелия. В действительности таким райским уголком является в Крыму лишь его узкая южная прибрежная полоса, занимающая около 1 % площади Крыма, так называемая Крымская Ривьера, и очень благоприятны условия для сельского хозяйства и в прилегающей к Крымской Ривьере горной части Крыма (около 19 % его площади). Но совсем иным характером отличается большая часть расположенной к северу от горной полосы степной территории Крыма (около 80 % его площади) (О делении Крыма на южно-бережную, горную и степную области см. «Экономико-географические очерки СССР», книга 9: *Б. Шустов,* «Крымская АССР», Москва-Ленинград, изд. Госплана СССР, 1927 г., стр. 17.). А между тем только в эту степную область, причем и здесь преимущественно в наименее благоприятные северные и северо-восточные части ее, был направлен поток еврейских переселенцев.

Выше, в выдержке из брошюры Каменштейна, об этом уже упоминалось. Таких высказываний в печати того времени можно отметить большое количество. Однако, критический читатель, может быть, склонен отнестись к ним с некоторым скептицизмом: при той роли, которую играл «крымский аргумент» в кругах, подверженных антисемитским влияниям, авторы, борющиеся с антисемитизмом, могли легко поддаться искушению сгустить краски, изображая положение евреев-переселенцев в Крыму более мрачно, чем это отвечало действительности. Тем больший интерес для выяснения вопроса об условиях еврейского земледелия в Крыму представляют относящиеся к этому вопросу документы того времени, не предназначавшиеся для печати.

Благодаря любезности д-ра И. Б. Розена, бывшего в тот период сначала представителем еврейско-американской филантропической организации Джойнт в Советском Союзе, а затем директором и представителем Агро-Джойнта, мы имели возможность познакомиться с сохранившимися в архиве д-ра Розена докладами агрономов Джойнта и Агро-Джойнта о еврейском земледелии в Крыму и с докладом Комзета (1925 г.) Совету Народных Комиссаров РСФСР «об отводе в степной части Крымской АССР 40 000 десятин земли для переселения евреев из частей СССР вне Крыма». Доклады эти представляют положение в Крыму отнюдь не в более розовых красках, чем мы привыкли читать об этом в советской полемике против антисемитизма.

Вследствие неблагоприятных условий для развития сельского хозяйства степная часть Крыма всегда оставалась мало населенной, а после тяжелого голода в 1921 году, когда население Крыма уменьшилось более, чем на одну пятую, сельскохозяйственное население его и вовсе поредело. В 1923 году средняя плотность сельскохозяйственного населения Крыма, включая и его густонаселенное южное побережье, достигла лишь 12,3 душ на кв. километр против 50,6 душ на кв. км. в соседней Украине. В северных — Джанкойском и Евпаторийском — округах, куда направлялся основной поток еврейских переселенцев, плотность сельскохозяйственного населения была еще много ниже: 8 душ на кв. км. (См. доклад агронома Джойнта *С. Е. Любарского* «Привлечение евреев к сельскохозяйственным промыслам и устройство еврейских земледельческих поселений в Крыму» (1924 г.), стр 16–17.).

Крестьянское хозяйство до революции было недостаточно развито в северной части Крыма, значительная часть земли принадлежала здесь крупным землевладельцам и обрабатывалась при помощи пришлых рабочих из более отдаленных губерний Украины. После революции помещичьи земли отошли к государству, но оставались в значительной части неиспользованными. Всего в 1916 году посевные площади в Крыму достигали 778 тысяч десятин (десятина равна 2,7 акра), из них 581 тысяча десятин у крестьян. В 1924 году крестьянские посевы достигали лишь 366 тысяч десятин, т. е. 62,8 % довоенной крестьянской посевной площади, все посевы 390 тысяч десятин, 50,1 % довоенной площади. Между тем, на Украине общая площадь посевов достигла уже к этому времени 91,0 % довоенной площади, а площадь крестьянских посевов превысила довоенную (См. доклад *С. Е. Любарского,* уже в качестве агронома Комзета, «О командировке в Крым с 17-го по 31-ое января 1925 г.», стр. 16а.).

Без притока переселенцев из других частей Советского Союза восстановление скромного довоенного уровня крымского сельского хозяйства и тем более дальнейшее его развитие представлялось почти неразрешимой задачей.

Но приток переселенцев очень затруднялся дороговизной землеустройства на негостеприимных землях северного Крыма и — сопротивлением, на которое натолкнулась еврейская иммиграция со стороны местной администрации. Когда в январе 1925 года Комзет постановил отвести в Крыму 40 000 десятин для еврейской колонизации и послал агронома, который совместно с представителями крымской сельскохозяйственной администрации должен был обследовать подлежащие отводу под еврейские поселения земли, Наркомзем Крымской АССР согласился предоставить для еврейских переселенцев лишь 12,8 тысяч десятин с тем, чтобы 27,2 тысячи десятин оставались резервным фондом на случай, если крымские евреи пожелают сесть на землю.

Но и из предоставленных Комзету 12,8 тысяч десятин Комзет мог принять только 8140 десятин, которые, хотя и «имеют почвы невысокого качества», всё же могут быть целесообразно использованы, но от остальных 4,7 тысяч десятин Комзет вынужден был просто отказаться (См. доклад Комзета в СНК РСФСР «Об отводе в северной части Крымской АССР 40 000 десятин земли для переселения евреев из частей СССР вне Крыма» (1925 г.), стр. 1–2.).

В течение последующих лет площадь отводимых для евреев-переселенцев крымских земель из года в год росла, особенно в 1929 и 1930 годах, но условия еврейского земледелия в Крыму оставались тяжелыми, урожайность полей и доходность хозяйства низкими (Об этом очень красноречиво свидетельствуют доклады землеустроителей и агрономов Агроджойнта за 1927/29 годы, хранящиеся в архиве д-ра И. Б. Розена.).

Несмотря на все усилия Комзета, Озета и Агро-Джойнта, планы еврейского переселения в Крым оставались поэтому невыполненными, и после 1930 года отведенная под еврейские поселения площадь была несколько сокращена (В 1930 году земельный фонд для еврейских поселений в Крыму достигал 344,8 т. гектаров; к началу 1932 г. он сократился до 319,4 тысяч гектаров. См. *Л. Зингер,* «Несколько цифр о положении еврейских переселенцев в Крыму», «Революция и Национальности» (журнал Отдела Национальностей ЦИК СССР и Коммунистической Академии), 1933 г., февраль, стр. 65.). Общее количество семей евреев-земледельцев в Крыму достигло к 1-му января 1932 года 5122 (Там же, стр. 66.) при теоретически возможной емкости

предоставленной для колонизации площади почти до 16 000 семей. Перспективы сельскохозяйственного освоения этих значительных, но трудно поддающихся сельскохозяйственному использованию земельных фондов были, однако, мало благоприятны. «Если в течение ближайших лет в Крымскую АССР будет переселено, согласно плану, еще несколько тысяч еврейских семей, что уменьшило бы (при отсутствии отходов) свободную емкость фондов», меланхолически писал в начале 1933 года Л. Зингер, «то и тогда останутся неиспользованными около 6000 долей или свыше 12 000 гектаров земли» (Там же, стр. 65.).

Неблагоприятные для развития земледелия условия в северных и северо-восточных частях Крыма и невозможность заселения их без предварительной затраты больших средств и заставили, повидимому, советское правительство уделить такое внимание вопросу о землеустройстве евреев в Крыму. В официальных кругах открыто ориентировались при этом на приток средств из-заграницы. М. И. Калинин в цитированной выше статье «Еврейский вопрос и переселение евреев в Крым» так прямо и писал:

> *(«Известия» от 11-го июля 1926 года.):*
>
> «Вот как нам пишут агрономы, посланные по обследованию крымских земель:
>
> Нами производится теперь выбор мест под поселки. Приходится выбирать из всех зол наименьшее. Ни в одном месте нельзя с уверенностью ожидать достаточно воды и хорошего качества. На всех участках можно делать только шахтные колодцы глубиной свыше 20 сажен до 50-ти. Артезианские воды большей частью в этом районе горько-соленые… Проблема обводнения этих участков настолько серьезна и сложна, что я должен перед вами поставить вопрос о возможности и допустимости заселения участков Евпаторийского района.
>
> Как видите из этой выписки, на эту землю простых поселенцев посадить нельзя; чтобы их посадить, на каждую десятину надо вложить минимум пару сотен рублей; ни у советского правительства, ни у населения этой суммы нет. Эта сумма может быть собрана только заграницей, что евреи и делают».

На 1-ом съезде Озет в ноябре того же года М. И. Калинин вновь вернулся к этой мысли и апеллировал к национальному чувству «еврейских капиталистов» заграницей («Первый

Всесоюзный Съезд Озет в Москве. Стенографический отчет», Москва, 1927 г., стр. 66–67.):

«Перед еврейским народом стоит большая задача — сохранить свою национальность, а для этого нужно превратить значительную часть еврейского населения в оседлое крестьянское, земледельческое компактное население, измеряемое, по крайней мере, сотнями тысяч. Только при таких условиях еврейская масса может надеяться на дальнейшее существование своей национальности…

Для этого требуются большие средства. Правительство со своей стороны употребляет все усилия для того, чтобы дать хотя некоторую материальную помощь… Но, с другой стороны, советское правительство не мешает, чтобы евреи-переселенцы в национальном отношении получали помощь от евреев-капиталистов, находящихся за пределами СССР, заграницей… Тут происходит совпадение интересов, исходящих из различных точек зрения — национального сохранения массы и национального чувства еврейских капиталистов, которые, будучи капиталистами, пользующимися всеми благами, вместе с тем не могут спокойно спать, зная, что народ, родственный им по крови, страдает, мучается».

Эта помощь заграничного еврейства — отнюдь, конечно, не одних лишь «еврейских капиталистов», а в основном американско-еврейских рабочих и американско-еврейских средних классов — действительно достигла очень значительных размеров. К 1929 году общая сумма затрат на земельное устройство евреев в Советском Союзе достигла 22,5 миллионов рублей, «из коих 16,7 млн. рублей падают на средства заграничных организаций и около 5,8 млн. рублей на советские» (*Батуримский,* стр. 17.), т. е. соответственно 74,2 и 25,8 % или почти три четверти и четверть.

(По-видимому, еврейские общественные организации (Джойнт и позже Агроджойнт), там, где еврейские поселенцы приходили в тесное соприкосновение с местным не-еврейским населением, оказывали помощь и крестьянам не-евреям. На это есть указание в цитированном выше (см. прим, 30) докладе *С. Ю. Любарского* 1924 года: «Нужно при этом принять во внимание, что согласно существующим условиям, одновременно с устройством еврейских поселенцев необходимо будет оказывать помощь также и местному не-еврейскому населению и что на это потребуется не менее 33,5 % сметы» (стр. 28).).

К этому времени «крымский аргумент» антисемитов оказался почти забытым.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Борьба с антисемитизмом

Воспоминания о роли антисемитизма, как орудия контрреволюции в годы гражданской войны, надолго оставили глубокий след в сознании руководящих кругов советского общества и наложили явственный отпечаток на всю борьбу с антисемитизмом. Борьба эта то усиливалась, то затихала, но всегда лейт-мотивом борьбы с антисемитизмом в Советской России оставалась «опасность контрреволюции». Вне этого, как это ни поразительно, антисемитизм почти не привлекал к себе внимания советских официальных кругов. На этом я еще остановлюсь ниже.

Борьба с антисемитизмом велась в Советской России в двух плоскостях: мерами уголовной репрессии и политической пропагандой и просветительной работой. Оба вида борьбы с антисемитизмом требуют краткого специального анализа.

Борьба с антисемитизмом мерами уголовной репрессии

В Америке и в Западной Европе в кругах, интересующихся проблемой антисемитизма, широко распространено мнение, будто проявления антисемитизма караются в Советском Союзе очень сурово, вплоть до применения смертной казни, что суровые кары применяются уже за антисемитские выходки, оскорбления и высказывания и тем более за насилия по отношению к евреям на почве антисемитизма. Во всем этом много преувеличений. Действительность гораздо сложнее, чем это кажется со стороны, и хотя активные антисемиты и подлежат по закону судебному преследованию, кары, которые их постигают, отнюдь не выходят из рамок нормальной судебной репрессии в Советском Союзе.

Представление об исключительной остроте судебной репрессии по отношению к антисемитам основано на ошибочной оценке раннего декрета советского правительства об объявлении погромщиков «вне закона». В «Известиях» от 27-го июля 1918 года, в отделе «Действия и распоряжения правительства», действительно был опубликован документ, о котором идет речь (Дата подписания этого декрета при опубликовании его не была отмечена, поэтому он цитируется по дате опубликования, но часто ошибочно: не 27-го июля, а 27-го июня 1918 года. Ошибка

эта, по-видимому, пошла от *Ларина,* стр 8 и 278.). В виду интереса, который он до сих пор вызывает (особенно заграницей), приведу его почти полностью:

От совета народных комиссаров

По поступившим в Совет Народных Комиссаров сведениям, контрреволюционеры во многих городах, особенно в прифронтовой полосе, ведут погромную агитацию, последствием которой были местные эксцессы против трудового еврейского населения. Буржуазная контрреволюция берет в свои руки то оружие, которое выпало из рук царя.

В РСФСР, где провозглашен принцип самоопределения трудовых масс всех народов, нет места национальному угнетению. Еврейский буржуа нам враг не как еврей, а как буржуа. Еврейский рабочий нам брат.

Всякая травля какой бы то ни было нации недопустима, преступна и позорна.

Совет Народных Комиссаров объявляет антисемитское движение и погромы евреев гибелью для дела рабочей и крестьянской революции и призывает трудовой народ социалистической России всеми средствами бороться с этим злом.

Национальная вражда ослабляет наши революционные ряды, разъединяет единый, без различия национальностей, трудовой фронт и на руку лишь нашим врагам.

Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона.

Само правительство явно не придавало этому акту того значения, которое приписывалось ему впоследствии в литературе. Акт этот задуман был лишь как воззвание правительства, обращенное к населению и местным органам власти, — отсюда и его непритязательное заглавие: «От Совета Народных Комиссаров» — и первоначально в нем не было его последнего абзаца, который только и придал ему характер специального уголовного закона. О происхождении этого абзаца много позже рассказал А. В. Луначарский: (тогда народный комиссар

просвещения). Рассказ этот проливает свет на характер акта 27-го июля, как он был первоначально задуман. У Луначарского (*А. В. Луначарский,* «Об антисемитизме», Москва-Ленинград, Госиздат, 1929 г., стр. 38. — О приписке Лениным этого абзаца к декрету 27-го июля упоминает и С. Диманштейн во введении к изданному им сборнику статей Ленина «О еврейском вопросе» (1924 г., стр. 15) и в сборнике «Идн ин ФССР» *(на идиш — «Евреи в России»; ldn-knigi)* (Москва, 1935 г., стр. 17).) мы читаем: Когда Я. М. Свердлов принес этот акт для подписи Ленину, —

«Ленин его прочел и красными чернилами своею собственной рукой на этом документе приписал:

> Совнарком предписывает всем совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона».

Но и после этого акт 27-го июля не играл сколько-нибудь заметной роли и даже — что тоже, кажется, оставалось до сих пор незамеченным — не был включен в выходившее выпусками по несколько раз в месяц «Собрание Законов и Распоряжений Правительства».

Объявление декретом 27-го июля 1918 года погромщиков вне закона было актом военного законодательства и вскоре утратило всякое значение. При выработке Уголовного Кодекса 1922 года, первого советского уголовного кодекса, о нем даже не вспомнили. Авторы кодекса не забыли, конечно, об опасности «агитации и пропаганды, заключающейся в возбуждении национальной вражды и розни». Этой формулой покрывалась и пропаганда антисемитизма, и никаких специальных статей об актах антисемитизма ни в Уголовном Кодексе 1922 года, ни во всем последующем законодательстве уже не было. В качестве кары за возбуждающую национальную вражду пропаганду и агитацию Кодекс предусматривал «лишение свободы на срок не ниже одного года со строгой изоляцией»; за то же преступление при особо отягчающих обстоятельствах во время войны кара могла быть повышена вплоть до расстрела («Уголовный Кодекс РСФСР», Москва, изд. Наркомюста, 1922 г., ст. 83.). Поскольку постановления эти могли применяться по отношению к виновным в актах антисемитизма, они касались лишь случаев антисемитской агитации и пропаганды, но не отдельных антисемитских выходок. Дальнейшее законодательство придало этому еще большую ясность. Само собой понятно, что попытки устройства погрома карались строже, но по общим нормам

уголовного права без специальных статей о них в Уголовном Кодексе.

Положение о преступлениях государственных 26-го февраля 1927 года («Собрание Законов и Распоряжения Правительства СССР», 1927 г., № 12.), целиком вошедшее затем в Уголовный Кодекс, расширило понятие «возбуждения национальной вражды», приравняв к нему и «распространение или изготовление и хранение литературы», возбуждающей национальную вражду. Основанная на нем ст. 59**[7]** действующего сейчас Уголовного Кодекса гласит:

«Пропаганда или агитация, направленные к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни, а равно распространение или изготовление и хранение литературы того же характера, влекут за собою — лишение свободы на срок до двух лет.

Те же действия в военной обстановке или при массовых волнениях влекут за собою — лишение свободы на срок не ниже двух лет, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела с конфискацией имущества».

И здесь, как и в Уголовном Кодексе 1922 года, речь идет лишь о «пропаганде и агитации» (и о приравненных к ним распространении, изготовлении и хранении литературы). Пленум Верховного Суда РСФСР в специальном постановлении 28-го марта 1930 года разъяснил, что ст. 59 не должна применяться к «выпадам в отношении отдельных лиц, принадлежащих к нацменьшинствам, на почве личного с ними столкновения»; такого рода выпады должны караться по нормам о нанесении оскорбления (ст. 159 Уголовного Кодекса) или, если они «сопровождались хулиганством», как таковое (ст. 74) («Уголовный Кодекс РСФСР», Москва, изд. Наркомюста, 1938 г., стр. 148.).

В практике ст. 59[7] применялась чрезвычайно редко и судебное преследование за акты антисемитизма отнюдь не носило энергичного характера. Пресса сообщала об этом очень скупо, изредка останавливаясь на репрессии по отношению наиболее резких проявлений антисемитизма. Сводного анализа судебной практики по делам об антисемитизме и советская — даже и специальная — периодическая печать, и учебные и справочные пособия по уголовному праву тщательно избегают. Лишь однажды за все годы мне попалась такая сводная статья, анализирующая судебную практику по делам об антисемитизме в Москве и Московской губернии в 1927/28 году (*И. Зильберман,*

«Суд в борьбе с антисемитизмом», «Еженедельник Советской Юстиции» (журнал Наркомюста), 1929 г., № 4, стр. 83–85.), период относительного расцвета антисемитизма и борьбы с ним. Статья эта, остававшаяся до сих пор совершенно незамеченной, ярко рисует чрезвычайную скромность судебной репрессии, как орудия борьбы с антисемитизмом. Приведу из этой статьи наиболее ценные фактические данные:

«…Мы собрали все дела об антисемитизме, прошедшие через народные суды Московской губернии за 1927/28 год. Дела эти были тщательно изучены, и результат их изучения мы предлагаем вниманию читателя.

Прежде всего необходимо отметить весьма небольшое количество дел. Всего за указанный период мы имеем 38 дел об антисемитизме. Из этого количества в уездах только 4 дела, все остальные по городу Москве, остальные народные суды уездов сообщили, что дел об антисемитизме у них в производстве нет и не было.

Столь незначительное количество дел об антисемитизме, прошедших через народный суд, чрезвычайно характерно. Оно говорит о том, что только небольшая часть случаев антисемитизма попадает на рассмотрение суда: либо, когда потерпевший поставлен в безвыходное положение, буквально затравлен и вынужден обратиться к помощи суда, либо, когда случайно, благодаря сцеплению целого ряда обстоятельств, на поверхность всплывает какое-либо «громкое» дело, выдающееся из ряда других своей гнусностью и социальной опасностью.

Как правило же, окружающие проходят мимо фактов антисемитизма, последний не находит себе достаточного отпора со стороны окружающих. Об этом говорят цифры. В 34 случаях (из 38) судебные дела возникали по заявлению потерпевшей стороны, хотя в большинстве случаев проявления антисемитизма имели место в отнюдь не изолированной обстановке…

Оказалось, что в большом проценте дел (около 35 %) дело не ограничивалось одними словесными оскорблениями и, как правило, сопутствовавшей им контрреволюционной погромной агитацией. Здесь мы имеем злостное хулиганство, с особо издевательским отношением к объекту антисемитских нападений. Сюда мы относим избиения в квартирах, открытые нападения на улице на проходящих евреев и нанесение им побоев, различные издевательства, систематическую травлю и выживание из квартир и проч. Эти последние случаи особенно часто можно наблюдать в судебной практике по жилищным делам.

Вот примеры: Некто Крамской, ломовой извозчик, судившийся за хулиганство и неоднократно подвергавшийся

административным взысканиям, систематически оскорблял проживающего с ним в одной квартире еврея-инвалида. Не довольствуясь этим, он ворвался однажды в комнату своего соседа и учинил форменный погром, изрубив топором всю мебель. Суд осудил его по 2 ч. 74 ст. Уголовного Кодекса и приговорил к шести месяцам лишения свободы с последующей высылкой (дело нарсуда Красно-Пресненского района).

Шакалинис — учительница, бывшая домовладелица, вместе с сыном, членом Комсомола, занялись систематической травлей евреев, проживавших в одной с ними квартире. Суд приговорил их к штрафу (дело нарсуда Сокольнического района).

Корнеичев, шофер, набросился на проходившего по улице в центре Москвы врача и избил его, сопровождая свои действия погромной агитацией (полтора месяца лишения свободы, дело нарсуда Бауманского района).

Покровский, рабочий, систематически оскорблял другого рабочего-еврея, стоявшего за станком в непосредственной близости от него. Эта травля с угрозами избить продолжалась продолжительное время, пока затравленный рабочий не обратился в суд (а где находились в это время местные партийные, профессиональные, общественные организации?). Суд приговорил Покровского к одному месяцу принудительных работ.

Количество приведенных примеров можно было бы увеличить во много раз…

Итоговые цифры по карательной политике по этим делам таковы: к штрафу приговорены 30 человек (из 70), к принудительным работам — 12, к лишению свободы — 14, к общественному порицанию — 3, оправдано — 10. Преступления квалифицировались по статьям 146, 159 и 74 Уголовного Кодекса» (О статьях 74 и 159 см. выше в тексте. Ст. 144 Уголовного Кодекса говорит о причинении телесного повреждения.).

В этих итоговых данных по 38 делам с 70 обвиняемыми поражает ничтожное количество — всего 14 человек — осужденных к тюремному заключению («лишение свободы»). Осуждение, кроме того, 12 человек к «принудительным работам» не означало заключения их в тюрьму: принудительные работы, или, как сейчас их называют, «исправительно-трудовые работы», это, по советской юридической терминологии, обычные работы, исполняемые по месту постоянной работы или службы, без лишения свободы, но с вычетом части заработка (до 25 %) в пользу государства.

Поразительный пример сдержанности судебной репрессии по отношению к привлекаемым по делам об антисемитизме

приводит Ларин (*Ларин,* стр. 277–278.):

«На практике сплошь и рядом даже у судебных органов к антисемитским проявлениям имеется довольно терпимое отношение, вырастающее на почве всё еще довольно распространенной сравнительной терпимости к явлениям бытового разложения («мы не монахи»). Вот из «Комсомольской Правды» свежий пример из судебной практики г. Москвы за 1929 год. Народный суд 14 участка Красно-Пресненского района г. Москвы разобрал дело по обвинению отца и сына Красиных в антисемитизме. В приговоре суд говорит: «Помимо нанесения побоев Красиными матери и сыну Фридман, обвиняемые произвели погром в квартире у последних, разбили дверь, поломали посуду, о чем имеется в деле акт, составленный правлением жилищного товарищества; из показаний свидетелей устанавливается, что Красин является антисемитом». За всё это нарсуд назначил только 6 месяцев принудительных работ.

Как известно, принудительные работы не связаны даже с арестом, а заключаются обычно в том, что из получаемого человеком жалованья вычитается известный процент в виде денежного штрафа в пользу государства. И это всё за учиненный антисемитами «погром» с разбитием двери, побоями и пр.

Но самое замечательное это дальнейшая судьба дела. Московский губернский суд отменил приведенный приговор, указав в своем постановлении, что «мера социальной защиты в виде принудительных работ сроком на 6 месяцев является мягкой и вынесена без достаточного учета особой социальной опасности совершенного обвиняемыми преступного действия (злостный антисемитизм с производством погрома в квартире Фридман)». Ввиду этого губернский суд передал дело на новое рассмотрение в другой участок народного суда того же района.

И вот после этого народный суд 12-го участка Красно-Пресненского района постановил всё же сохранить в силе те же шесть месяцев принудительных работ, которые раньше назначил нарсуд 14-го участка того же района».

С начала 30-ых годов вопрос о судебном преследовании за акты антисемитизма растворился в приобретшем в это время большое значение общем вопросе о борьбе мерами уголовной репрессии против внезапно выросшей опасности «великодержавного шовинизма». После того, как XVI съезд ВКП в июне-июле 1930 года в резолюции по докладу о деятельности ЦК партии (докладчиком был Сталин) отметил «активизацию в рядах партии национальных уклонов в сторону великодержавного и местного шовинизмов» («XVI съезд ВКП. Стенографический отчет», Москва-Ленинград, 1931 г., стр. 716.) и призвал к

энергичной борьбе с этими уклонами и в первую очередь с великодержавным, т. е. великорусским шовинизмом, вопрос о борьбе с проявлениями национальной вражды к «нацменам» стал одним из актуальных вопросов внутренней политики Советского Союза.

К этому времени, в связи с широкой программой промышленного строительства первой пятилетки, огромный поток новых рабочих, в том числе и рабочих из среды экономически (часто и культурно) более отсталых народностей, до того почти не знавших современного промышленного труда, захлестнул заводы и стройки. При чрезвычайном отставании жилищного строительства, при напряженности общих условий труда, при быстром ухудшении в эти годы условий питания рабочих, — накоплявшееся в толще рабочего класса недовольство нередко прорывалось дикими выходками по отношению к «нацменам»: татарам, башкирам, узбекам, киргизам и т. д. и к евреям.

Но о евреях и об антисемитизме в борьбе с великодержавным шовинизмом обыкновенно забывали. Характерно, что ни в докладе Сталина, по которому была принята цитированная выше резолюция, ни в его заключительном слове об антисемитизме даже ни разу не упоминалось. Не вспомнил о нем и никто из делегатов съезда, выступавших в пространных прениях по докладу Сталина и лишь один из делегатов — Гей из Белоруссии — вспомнил об опасности «еврейского шовинизма» (Там же, стр. 140–141). Правда, в принятой на том же съезде (по докладу Шверника) пространной резолюции «о задачах профсоюзов в реконструктивный период» подчеркивалась необходимость усиленной борьбы с антисемитизмом (Там же, стр. 740.), но поразительно, что и Шверник ни в своем обширном докладе, ни в заключительном слове по докладу не коснулся антисемитизма ни одним словом, а из выступавших по докладу Шверника делегатов съезда лишь один (делегат ЦК МОПР'а Стасова), говоря о необходимости усиления «интернационального воспитания» рабочих, привел в качестве одной из иллюстраций распространенного в рабочей среде шовинизма и случай травли рабочего-еврея (Там же, стр. 672.).

После XVI съезда ВКП борьба с великодержавным шовинизмом в течение нескольких лет велась очень энергично, причем судебные приговоры обычно выносились на основании перечисленных выше статей 74, 144 и 159 Уголовного Кодекса, изредка на основании ст. 59[7]. Разграничение сфер применения этих статей происходило в соответствии с установленными еще раньше принципами (см. выше).

(Руководящие указания по применению уголовной репрессии по делам о великодержавном шовинизме были даны в сохраняющих до сих пор свое значение постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 16-го апреля 1931 года (см. «Уголовный Кодекс РСФСР», 1938 г., стр. 148–149) и в постановлении коллегии Наркомюста РСФСР от 31-го декабря 1931 г. «о борьбе органов юстиции с великодержавным и местным шовинизмом» (см. «Сборник циркуляров и разъяснения Н. К. Юстиции РСФСР, действующих на 1-ое мая 1934 года», Москва, изд. Наркомюста, 1934 г., стр. 175–177).). В накопившемся в печати обширном материале по этому вопросу (Указания на материалы о великодержавном шовинизме будут даны в следующей главе.) сообщения о борьбе с актами антисемитизма попадаются, однако, лишь в виде редкого исключения. Это находит себе частичное объяснение в заметном спаде антисемитизма в первой половине 30-ых годов (об этом в следующей главе), но в значительной степени, по-видимому, и в отсутствии внимания судебных органов к вопросу о борьбе с антисемитизмом.

Борьба с антисемитизмом политическими и просветительными мерами

Уголовная репрессия может играть в борьбе с антисемитизмом лишь ограниченную роль. Роль эта усиливается в периоды ломки сложившегося жизненного уклада и распада социальных связей; но уголовная репрессия сама по себе никогда не разрешает задачи преодоления антисемитизма. Центр тяжести борьбы с антисемитизмом лежит в другой плоскости. В этом очень рано начали отдавать себе отчет и в Советской России, хотя сознание это и очень медленно претворялось в действие.

В печати сохранился почти не обративший на себя внимания, а заграницей, по-видимому, и вовсе оставшийся неизвестным очень ранний советский документ, в котором намечалась программа борьбы с антисемитизмом. Весною 1918 года Исполнительный Комитет Московского Совета (носивший тогда пышное название Совета Народных Комиссаров г. Москвы и Московской области) опубликовал постановление «по вопросу об антисемитской погромной агитации в Москве и Московской области» («Известия» от 28-го апреля 1918 года.):

> «Заслушав информацию о ведущейся в Москве и Московской области погромной агитации антисемитского характера и об имеющихся фактах

еврейского погрома в некоторых городах Московской области, признать необходимым:

1) циркулярно обратиться ко всем Советам Рабочих и Солдатских Депутатов Московской области с предложением: а) устроить специальные заседания советов, посвященные еврейскому вопросу и борьбе с антисемитизмом, б) устраивать митинги и лекции, подняв кампанию против антисемитской агитации в письменной и устной форме, в) обратить самое серьёзное внимание на черносотенную антисемитскую агитацию духовенства, приняв самые решительные меры борьбы с контрреволюционной деятельностью и агитацией духовенства.

2) Признать необходимым не создавать особой боевой еврейской организации.

3) Признать необходимым распубликовать все строго проверенные факты погрома.

4) Предложить Комиссариату по еврейским делам вместе с Военным комиссариатом разработать в семидневный срок ряд предупредительных мер по борьбе с еврейскими погромами, доложив о последнем Совету Народных Комиссаров г. Москвы и Московской области».

Сколько-нибудь заметных практических последствий это постановление, правда, не имело: в печати, по-видимому, не сохранилось никаких указаний на специальные заседания Советов или на митинги и лекции по вопросу об антисемитизме; не были опубликованы и «строго проверенные факты погромов»; ничего неизвестно и о мерах по борьбе с еврейскими погромами, которые должен был разработать («в семидневный срок») Комиссариат по еврейским делам совместно с Военным комиссариатом. Если приведенное постановление и имело в конкретной обстановке весны 1918 года какое-либо практическое значение, то лишь в той его части, в которой оно признало необходимым «не создавать особой боевой еврейской организации» обороны против погромов.

Апрельское постановление 1918 года вскоре просто было забыто, и о борьбе с антисемитизмом политическими мерами в руководящих коммунистических кругах долго не вспоминали. Лишь после того, как в середине 20-ых годов начался быстрый рост антисемитизма, особенно в городах, печать забила тревогу. Летом 1926 года в «Правде», в отделе «Партийная жизнь», появилась симптоматическая статья одного из руководителей Московской коммунистической организации М. Рютина, «Антисемитизм и партийная работа» («Правда» от 13-го августа

1926 года.):

«…В нашей воспитательной работе антисемитизму до настоящего времени мы не уделяли почти никакого внимания, или, во всяком случае, до мизерности мало.

В самом деле. За всё время пролетарской революции едва ли можно найти в наших газетах две-три статьи относительно антисемитизма. Имеются ли у нас хотя бы одна-две брошюрки, популярно разъясняющие сущность антисемитизма рабочим и крестьянам? Имеется ли в наших программах школ политграмоты пункт, где говорится о необходимости разъяснения нашего отношения к антисемитизму? Ничего этого нет. В силу этого наши рядовики-партийцы часто не умеют дать беспартийным рабочим сколько-нибудь удовлетворительного ответа на этот вопрос. Мало того: когда они встречаются с отдельными рабочими, у которых порой проявляются рецидивы национализма, они, не умея объяснить вопроса, иногда даже сами поддаются таким настроениям.

…С осени мы должны в нашей партийной работе к этому вопросу отнестись безусловно серьёзнее…»

Однако, и «с осени» еще ничто не изменилось, и компартия долго еще не решалась на проявление активности в борьбе с антисемитизмом. Антисемитизм между тем ширился и сообщения о грубых проявлениях антисемитизма всё чаще начали проникать в местную печать. Наконец, в руководящих органах компартии почувствовали, что дальнейшая пассивность в отношении к антисемитизму становится опасной. В начале мая 1928 года агитпропколлегия ЦК ВКП обсудила вопрос о мероприятиях по борьбе с антисемитизмом. При обсуждении вопроса наметились следующие предложения («Правда» от 5-го мая 1928 г., «Трибуна» (орган Озет'а), 1928 г., № 9, стр. 25.):

«1) Включить в программу партпросвещения вопрос о борьбе с антисемитизмом. Необходимо усилить интернациональное воспитание молодежи в школах 2-ой ступени.

2) Мало издается художественной литературы и политических брошюр, посвященных этому вопросу. Необходимо шире и систематически разоблачать классовую подоплеку антисемитизма, используя для этой цели художественную литературу, театр, кино, радио и ежедневную прессу.

3) Партия должна создать атмосферу общественного презрения к антисемитизму. За злостный антисемитизм необходимо исключать из партии».

Агитпропколлегия постановила внести вопрос о борьбе с антисемитизмом на обсуждение ЦК ВКП и поручила специальной комиссии разработать — для внесения в ЦК — подробный план

борьбы с антисемитизмом. Об итогах работы этой комиссии ни в «Правде», ни в «Трибуне» ничего не сообщалось. Но из московской телеграммы ЕТА мы узнаем, что комиссия быстро закончила свою работу («The Jewish Daily Bulletin», May, 17, 1928.). Разработанная ею программа:

«предусматривает проведение систематической кампании специально подготовленным персоналом. Лекции о советской политике национальностей и о проявлениях антисемитизма должны быть включены в программы народной и высшей школы. Необходимо особо отмечать приток евреев-рабочих в промышленность и движение среди евреев в пользу возвращения к земле.

Тема борьбы с антисемитизмом должна быть включена в школьные учебники, должна проникнуть в фильм, в периодическую печать, в литературу… Должны быть организованы публичные прения об антисемитизме и экскурсии в еврейские земледельческие колонии. Кампания борьбы с антисемитизмом должна вестись и в Красной Армии, и в профессиональных союзах.

Программа, рекомендованная комиссией, предлагает применять высшие дисциплинарные кары по отношению к виновным в антисемитской практике и особенно в противодействии еврейской земледельческой колонизации. Судебные процессы против этих лиц должны вестись публично».

До ЦК ВКП дело, по-видимому, всё же не дошло ни на этот раз, ни позже, и в агитационно-пропагандистской работе ЦК борьба с антисемитизмом по-прежнему не играла почти никакой роли. Характерно, что не только в «Правде» за редчайшими исключениями вообще не появлялось статей об антисемитизме (Кроме цитированной статьи Рютина, я нашел в «Правде» с 1926 по 1930 год еще лишь статью *Е. Преображенского* «Об антисемитизме» (17-го марта 1927 г.) и указанную выше (в прим. 25 к гл. 1) передовицу от 19-го февраля 1929 года (не считая, конечно, хроники, тоже очень неполной). Возможно, хотя не очень вероятно, что я что-либо пропустил. Итог за пятилетие во всяком случае ничтожный.), но и для издававшихся ЦК журналов этой темы почти не существовало. В основном теоретическом и пропагандистском журнале ЦК «Большевик» за весь период наибольшего подъема антисемитизма (1926–1930 гг.) не было напечатано ни одной статьи на эту больную тему. И даже в издававшемся ЦК же «Спутнике Агитатора» за те же пять лет была напечатана лишь одна — да и то мало удачная — статья об антисемитизме («Национальная политика советской власти и антисемитизм», *«Спутник Агитатора»,* 1926 г., № 17, стр. 44–57.

— Кроме того, за тот же период в этом журнале были напечатаны касающаяся и проблемы антисемитизма статья *Ю. Ларина* «Зачем переселяют евреев на землю?» («Спутник Агитатора», 1927 г., № 2, стр. 44–46) и две небольшие заметки о книге М. Горева «Против антисемитов».).

Это не было политикой сознательного толерирования антисемитизма. Об этом — по крайней мере, в этот период — не может быть и речи. Но и для действительной борьбы с антисемитизмом компартия не находила в себе достаточной решимости. Борьба с антисемитизмом велась поэтому — поскольку велась — главным образом от случая к случаю, когда всплывал тот или иной особенно безобразный факт, и борьба эта почти не подымалась каждый раз над местным уровнем (См. ряд случаев из хроники Тверской, Ленинградской, Сталинградской, Астраханской, Полтавской областей в «Трибуне», 1928 г., № 12, стр. 23, № 16, стр. 25, 1929 г., № 9, стр. 9–10.). И лишь на Украине и в Белоруссии, где были сосредоточены основные массы советского еврейства и где и антисемитизм пустил более глубокие корни, борьба с антисемитизмом — по крайней мере, в принципе — приняла более широкий характер.

На Украине созванное агитпропом ЦК КПУ специальное совещание выработало в мае 1928 года следующую программу борьбы с антисемитизмом («Трибуна», 1928 г., № 9, стр. 25.):

«Бороться с антисемитизмом следует посредством пропаганды, агитации и воспитания. Необходимо разъяснить партийным и беспартийным массам, что борьба с антисемитизмом есть часть борьбы с монархическими и буржуазными националистическими группировками. Надо ознакомить массы с национальной политикой советской власти и с мероприятиями по экономическому оздоровлению деклассированной еврейской бедноты.

В партшколах 1-й ступени, в деревенских стационарных и передвижных школах, в сети низших полит-просветительных школ, в вечерних школах, на курсах и в вузах необходимо провести беседу об антисемитизме и расширить часть политпрограммы, трактующую нацполитику соввласти.

ЦК комсомола должен разработать указания и материалы об антисемитизме и включить их в систему интернационального воспитания комсомольцев и пионеров.

Культотделу Всеукпрофсовета, Политуправлению Украинского военного округа и Главполитпросвету поручается разработка конкретных указаний, как вести агитацию против антисемитизма среди рабочих, красноармейцев и крестьян, в учреждениях и организациях, находящихся в их ведении.

ВУФКУ поручено подготовить соответствующие кинофильмы.

Экскурсии рабочих делегаций харьковских заводов в еврейские колонии дали хорошие результаты. Рабочие ознакомились с положением еврейских масс и с условиями их работы. Этот опыт должен быть продолжен. Должны быть организованы подобные делегации также из других индустриальных центров. Следует также организовать делегации от бедняцкой части крестьянства.

Дела членов партии, обвиняемых в антисемитизме, подлежат публичному рассмотрению.

Должны также устраиваться публичные суды над антисемитами и антисемитизмом».

В конце 1928 года, когда всплыло и получило очень широкую огласку дело о продолжавшейся много месяцев грубой травле еврейской работницы Баршай на фабрике «Октябрь» в Борисовском округе в Белоруссии, бюро ЦК и президиум ЦКК компартии Белоруссии опубликовали программу борьбы с антисемитизмом, близкую к украинской, но носящую менее пропагандистско-просветительный и более агитационно-боевой характер и стремящуюся воспитать партийные и непартийные массы в сознании необходимости решительного протеста против всех проявлений антисемитизма («Трибуна», 1929 г., № 1, стр. 32–33.):

> «Бюро ЦК и президиум ЦКК… ставят перед КП(б)Б на разрешение следующее:
>
> а) Усилить интернациональное воспитание масс и разъяснение классовой сущности как антисемитизма, так и других форм национальной розни, как попыток капиталистических элементов расколоть единство рабочего класса. Необходимо добиться соответствующего реагирования со стороны каждого партийца, комсомольца, рабочего активиста на всякие проявления антисемитизма.
>
> б) Принять репрессивные меры в отношении антисемитов, ведущих открытую антисемитскую агитацию.
>
> в) Усиленное внимание необходимо обратить на борьбу с антисемитизмом в школе, усилив интернациональное воспитание учащихся и удаляя из школы преподавателей-антисемитов.
>
> г) Особое внимание необходимо обратить на предприятия, расположенные вне больших городов. Окружным комитетам партии срочно проверить

постановку на промышленных предприятиях массовой работы с целью ее усиления, а также укрепить руководящие партийные и профсоюзные организации на этих предприятиях.

д) Фракции ЦСПС Белоруссии усилить профсоюзную культмассовую работу на фабрично-заводских предприятиях».

Эта активная нота в борьбе с антисемитизмом звучала и в вынесенном секретариатом ЦК КПБ в конце 1929 года постановлении об усилении борьбы с антисемитизмом («Трибуна», 1929 г., № 24, стр. 27.):

«…Секретариат констатирует, что некоторыми общественными, профессиональными и партийными организациями проявляется слишком мягкое отношение к проявлениям антисемитизма и не учитывается их контрреволюционный характер. Слабо ведется работа по интернациональному воспитанию школьной молодежи, в борьбе с антисемитизмом мало использовываются методы общественного воспитания и судебно-следственные органы.

Секретариат ЦК КП(б)Б считает необходимым:

1) Предложить Наркомпросу и фракции Центрального Профсовета Белоруссии усилить работу по интернациональному воспитанию и разъяснению национальной политики партии, придав с этой целью работе более систематический характер. Наркомпрос должен в месячный срок разработать и предложить школам ряд конкретных мер и указаний по интернациональному воспитанию.

2) Судебные органы, не ослабляя борьбы с проявлениями антисемитизма, должны ее еще более углубить, привлекая к ответственности не только конкретных носителей национальной вражды, но и их вдохновителей.

3) Партийные организации и профсоюзы должны начать разъяснительную кампанию о вредности примиренческого отношения к мелким проявлениям бытового антисемитизма и бороться с ними не только в судебном порядке, но и посредством воспитательной работы…»

Но вопреки всем постановлениям, борьба с антисемитизмом велась вяло, и многие из намеченных в приведенных выше программах мероприятий оставались на бумаге. В этом было что-то роковое. «Ложный стыд «выпячивать еврейский вопрос» (чтобы этим «не развить антисемитизм еще больше») приводит фактически к смазыванию борьбы с буржуазным контрреволюционным вредительством на этом участке

идеологического фронта», писал Ларин (*Ларин,* стр. 280.), восставая против этой пассивности. Кое-что всё же, правда, делалось, но по сравнению с намечавшимися в программах борьбы с антисемитизмом планами и с тем, чего действительно требовала обстановка, это было минимально.

Остановимся вкратце на отдельных группах мероприятий по борьбе с антисемитизмом, намечавшихся в приведенных выше программных постановлениях.

Меньше всего эти постановления повлияли на работу школы. Никаких попыток введения элементов анти-антисемитизма в школьные учебники сделано не было, и борьба с антисемитизмом, по-видимому, и вообще продолжала оставаться вне поля зрения школы.

Характерно, что в вышедшей как раз в годы наиболее резкого усиления антисемитизма обширной — в трех больших томах — советской «Педагогической Энциклопедии» (1927–1929 гг.), в которой были широко освещены все стороны жизни и деятельности школы, об антисемитизме и о борьбе с ним просто не упоминалось, ни даже в главах, посвященных деятельности в школе комсомольских и пионерских организаций. Стремление бороться с антисемитизмом не сказалось сколько-нибудь заметно и в кино, в художественной литературе и в театре (О проникновении в художественную литературу и на сцену отголосков антисемитских влияний много материала собрал *Лев Радищев,* «Яд. Об антисемитизме наших дней», Ленинград, изд. «Прибой», 1930 г. — Большая литература этому почти ничего не противопоставила, просто проходя мимо этого тягостного явления.). Ничего почти не было слышно и о борьбе с антисемитизмом в Красной Армии.

Слабо влияли официальные анти-антисемитские установки и на повседневную работу Комсомола. Правда, «Комсомольская Правда» уделяла борьбе с антисемитизмом больше внимания, чем «Правда», но комсомольские организации на местах оставались пассивны. Вот как положение на фронте борьбы с антисемитизмом в начале 1929 года обрисовал на агитсовещании Комсомола секретарь ЦК Комсомола Рахманов («Трибуна», 1929 г., № 5, стр. 3–4.):

«Как поставлена у нас борьба с антисемитизмом внутри союза? Как мы боремся с этим злом? В лучшем случае наши комсомольские ячейки на том или ином предприятии ограничиваются вынесением декларативного постановления о том, что с антисемитизмом надо бороться, а в худшем случае — ячейка терпимо относится к проявлению антисемитизма, а в еще худшем случае — комсомольцы сами являются носителями

антисемитизма и участвуют в избиениях, издевательствах над трудящимися-евреями. Об этом, к сожалению, говорит ряд фактов…

У нас есть не только открытые антисемиты, которые выступают и говорят открыто, у нас — что самое опасное в наших условиях — есть скрытые антисемиты, которые скрывают свой антисемитский душок, пользуются различными и завуалированными выражениями, но на самом деле они являются самыми злостными, самыми похабными антисемитами. Борьба против таких скрытых антисемитов, которых, к сожалению, очень много в рядах комсомола, очень сложная, но необходимая задача союза…

К сожалению, в среде этих скрытых антисемитов имеются активные работники. Они, если им скажут, что ты антисемит, обидятся, будут угрожать контрольной комиссией, будут гордиться своим партстажем и т. д. Но, товарищи, в нашем активе есть антисемиты. Проявление антисемитизма у них выражается в еврейских анекдотах, в передаче разговора других лиц, но на самом деле это их собственные мысли, которые они вкладывают в чужие уста…

И еще одно замечание. Я считаю, что неверен в союзе тот взгляд, что дело борьбы с антисемитизмом является делом якобы самих евреев. Неверно это! Дело борьбы с антисемитизмом является делом всего нашего союза. С антисемитизмом должны бороться не одни еврейские работники, на это дело надо мобилизовать всю массу членов союза…»

По-видимому, положение нередко было еще хуже в пионерских организациях (Очень тягостные факты, свидетельствующие о популярности антисемитизма в среде пионеров, привел *И. Бобрышин.* «Антисемитизм среди молодежи», «Молодая Гвардия» (журнал ЦК Комсомола), 1928 г., февраль, стр. 159.) и немногим лучше в профсоюзах. Летом 1929 года секретариат ВЦСПС опубликовал резолюцию об антисемитизме и о борьбе с ним, в которой отметил что «целый ряд возмутительных антисемитских выходок, имевших место в последнее время на предприятиях, свидетельствует об очень слабой постановке интернационального воспитания и политической работы вообще и воспитательной работы в области национальной политики советской власти и, в частности, борьбы с антисемитизмом». Резолюция эта, как и приведенные выше постановления компартии, призывала к «решительной борьбе с антисемитизмом, как явлением, имеющим контрреволюционную основу», и требовала организации лекций и докладов, издания брошюр, предания гласности всех случаев антисемитизма и

подчеркивала «недопустимость пребывания на профсоюзной и культурно-просветительной работе лиц, замешанных в антисемитизме, а также безразлично и пассивно относящихся к проявлениям антисемитизма» («Трибуна», 1929 г., № 14, стр. 12.).

В этом постановлении чувствуется уже какая-то рутина, и влияние такого рода постановлений, конечно, не могло быть глубоким (Среди резолюций о борьбе с антисемитизмом, относящихся к концу 20-ых годов, выделяется своей большей живостью «обращение» секции Всесоюзного слета пионеров по борьбе с антисемитизмом. См. «Трибуна», 1929 г., № 17, стр. 18.). Но самый факт постоянного официального повторения мысли о недопустимости терпимого отношения к антисемитизму и антисемитам не мог в конце концов не сказаться. К этому мы еще вернемся в следующей главе.

Из всех мероприятий, намечавшихся в официальных программах борьбы с антисемитизмом, более или менее широкое осуществление получили лишь два. Из них об одном говорилось во всех резолюциях о борьбе с антисемитизмом: это было издание брошюр об антисемитизме. О другом как бы мимоходом упоминалось лишь в приведенном выше украинском постановлении: это была посылка экскурсий в еврейские земледельческие колонии. Брошюр и книг об антисемитизме действительно было издано в 1926–1930 годах довольно много. Список их — может быть, не совсем полный — приводится здесь в сноске.

М. Я. Александров, «Классовый враг в маске. О национализме и антисемитизме», Москва-Ленинград, Госиздат, 1929 г., 104 стр.

М. Я. Александров, «Откуда берется вражда к евреям и кому она выгодна?», Москва-Ленинград, Госиздат, 1929 г., 48 стр.

Г. Алексеев (ред.), «Против антисемитизма». Сборник, Москва, изд. «Жизнь и Знание», 1930 г., 247 стр.

С. К. Безбородов, «Сигналы. Об антисемитизме», Ленинград, изд. «Красная Газета», 1929 г., 59 стр.

Ефим С. Добин, «Правда о евреях», Ленинград, изд. «Красная Газета», 1928 г., 45 стр.

В. Глебов, «Современный антисемитизм и борьба с ним», Москва-Ленинград, изд. «Молодая Гвардия», 1927 г., 56 стр.

Михаил Горев, «Против антисемитов. Очерки и зарисовки», Москва-Ленинград, Госиздат, 1928 г., 183 стр.

Е. Кочетков, «Враги ли нам евреи?», Москва-Ленинград, изд. Московский Рабочий», 1927 г., 20 стр.

Юрий Ларин, «Евреи и антисемитизм в СССР», Москва-Ленинград, Госиздат, 1929 г., 311 стр.

Г. Ледат, «Антисемитизм и антисемиты», Ленинград, изд.

«Прибой», 1929 г., 72 стр.

С. Л. Лозинский, «Социальные корни антисемитизма в средние века и в новое время», Москва, изд. «Атеист», 1929 г., 205 стр.

Анатолий Луначарский, «Об антисемитизме», Москва-Ленинград, Госиздат, 1929 г., 48 стр.

Л. Лядов, «О вражде к евреям», Москва-Ленинград, изд. «Московский Рабочий», 1927 г., 40 стр.

М. Ю. Мальцев, «Суд над антисемитизмом», Ленинград, изд. «Прибой», 1928 г., 36 стр.

Леонид Радищев, «Ступени. Против антисемитизма», Москва-Ленинград, изд. «Молодая Гвардия», 1929 г., 40 стр.

Леонид Радищев, «Яд. Об антисемитизме наших дней», Ленинград, изд. «Прибой», 1930 г., 125 стр.

Юрий Сандомирский, «Пути антисемитизма в России», Москва-Ленинград, Госиздат, 1928 г., 50 стр.

Николай Семашко, «Кто и почему травит евреев?», Москва-Ленинград, Госиздат, 1926 г., 30 стр.

Г. Л. Жигалин, «Проклятое наследие. Об антисемитизме», Москва-Ленинград, изд. «Молодая Гвардия», 1927 г., 104 стр.

«Об антисемитизме», изд. Московского Комитета ВКП, Москва-Ленинград, 1929 г., 30 стр.

«На борьбу с антисемитизмом. Материалы для агитаторов и беседчиков», изд. Ленинградского Областного Комитета ВКП, Ленинград, 1929 г., 30 стр.

«Комсомол против антисемитизма», Москва, изд. «Московский Рабочий», 1929 г., 24 стр.

«Об антисемитизме. Методическое пособие для докладчиков и групповых агитаторов», Москва-Ленинград, изд. «Московский Рабочий», 1929 г., 30 стр.

Интересна была судьба второго мероприятия.

Мысль о посылке делегации в еврейские земледельческие колонии возникла почти случайно, при обсуждении вопроса о борьбе с антисемитизмом на одном из харьковских заводов в начале 1928 года. Опыт был сделан и увенчался успехом. Делегаты вернулись на завод воодушевленными всем, что они видели, и очень активно настроенными против антисемитизма. Доклад их произвел большое впечатление на рабочих. Мысль о посылке такого рода делегаций постепенно получила распространение и за пределами Харькова и Украины и особенно в 1929 году приобрела широкую популярность («Трибуна», 1929 г., № 9, стр. 27, № 10, стр. 25, № 11, стр. 3–4 и 20–22, № 12, стр. 4, № 14, стр. 16 и 21, № 16, стр. 10–19, № 18, стр. 22, № № 22/23, стр. 26–27.).

Как правило, такого рода делегации посылались рабочими и

служащими промышленных и иных предприятий, но были и единичные случаи посылки делегаций школами и воинскими частями. О задачах, которые ставили себе такого рода делегации, дает представление «наказ», который был дан делегатам московских предприятий, посланным летом 1929 г. в еврейские колонии Белоруссии, Украины и Крыма.

(«Трибуна», 1929 г., № 14, стр. 21. «Наказ» был подписан фабзавкомами и месткомами нескольких десятков московских предприятий и учреждений.).

«Предлагаем вам:

1. Подробно ознакомиться с положением еврейских земледельческих поселений: какие им земли отведены и как они их освоили. Узнать:

а) Как живут и работают еврейские крестьяне, каково их хозяйство, посевная площадь, как идет сбор урожая и подготовка к новому посеву и что делается там в осуществление решения Съезда Советов о 35-процентном поднятии урожайности.

б) Какие формы хозяйства применяются в колонии — коллективная или индивидуальная; сколько колхозов, их мощность; применяются ли тракторы и другие земледельческие орудия; какие удобрения применяются при землепользовании; какой процент кооперированных и какова работа кооперации; есть ли общественные организации и как они работают; не пользуются ли наемным трудом; выявить, не имеется ли обратной тяги к возврату в город; о религиозных настроениях среди переселенцев-евреев; есть ли ячейки партии, ВЛКСМ, какой процент состоит в партии.

в) Каковы взаимоотношения между еврейскими крестьянами и окружающим крестьянским населением других национальностей.

г) Как обслуживаются культурно-бытовые нужды еврейских крестьянских масс.

д) Как еврейские крестьяне участвуют в советском строительстве.

е) Какие меры принимаются для предупреждения роста кулацких элементов в деревне.

ж) Каковы трудности приобщения [к сельскохозяйственному труду] вновь прибывающих в поселки еврейских переселенцев, не имеющих земледельческих навыков, и как они преодолеваются.

з) Выявить положение подрастающего поколения и что делается для его воспитания.

2. Поручаем вам от имени рабочих, работниц и служащих

крупнейших предприятий и учреждений Красной Москвы передать привет еврейским крестьянам и заверить их, что трудящиеся Москвы берут на себя обязательство оказать всемерную помощь и поддержку Советскому правительству в деле приобщения еврейской бедноты к производительному труду, как путем приобщения их к земледелию, так и путем вовлечения на фабрики и заводы.

3. Поручаем вам отчитаться перед еврейскими крестьянскими массами, рассказав им о нашем гигантском пятилетнем плане и как мы практически проводим на своих фабриках и заводах социалистическое соревнование.

4. Поручаем вам рассказать еврейским крестьянам о том, что мы ведем упорную борьбу с антисемитизмом, так как знаем, что антисемитизм во всех его проявлениях фактически играет на руку врагам Советской власти, врагам трудящихся, и что только дружной совместной работой трудящихся всех народов СССР будет окончательно изжита национальная рознь, оставшаяся нам в наследство от царского режима.

5. Мы обязываем вас — по возвращении из еврейских поселков и деревень — широко отчитаться на общих рабочих собраниях, на делегатских и других собраниях, конференциях и совещаниях во всём том, что вы видели и с чем вы ознакомились.

6. Мы обязываем вас также широко использовать по возвращении из еврейских поселков нашу пролетарскую печать — от стенных газет предприятий до наших общих советских, профессиональных и партийных органов печати — для ознакомления рабочих и работниц со всем тем, что вы увидели и услышали в поселках, где с большими трудностями строится новая жизнь под руководством Советской власти».

Это очень интересный документ, но в его заманчивой широте уже чувствуется, как бюрократическая машина пытается завладеть этой живой и плодотворной инициативой, чтобы поставить ее себе на службу.

При невозможности для делегации в одну-две недели собрать и проверить на месте данные по всем вопросам, которые поставлены в наказе, делегаты на практике нередко превращались в простых передатчиков того, что им сообщали местные власти, и в официальных агитаторов в еврейской деревне и позже — по возвращении — в городе. Это было начало конца. После широкого размаха в 1929 году практика рабочих делегаций в еврейские земледельческие колонии быстро пошла на убыль.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Упадок и новый подъем антисемитизма в 30-х годах

С начала тридцатых годов антисемитизм в Советском Союзе быстро пошел на убыль. Еще в первые месяцы 1930 года в печати появилось довольно много сообщений о проявлениях антисемитизма (См., напр., телеграммы ЕТА из Москвы в «The Jewish Daily Bulletin» от 20-го и 31-го января, от 5-го, 20-го и 26-го февраля 1930 года.). Но вскоре такого рода сообщения стали очень редки, приобретя характер изолированных фактов. В тоталитарной стране, как Советский Союз, молчание печати о проявлениях антисемитизма, правда, само по себе еще не доказывает, что таких проявлений не было: если правительство заинтересовано в замалчивании антисемитизма, он может, даже и развиваясь, исчезнуть со страниц печати.

В те годы как раз выяснился быстрый рост в стране настроений, которые получили в Советском Союзе кличку «великодержавного шовинизма», и при господствовавшей в руководящих коммунистических кругах установке компартия, по-видимому, склонна была приглушить борьбу с антисемитизмом, чтобы не создавать впечатления, будто борьба против великодержавного шовинизма это борьба за евреев. Но если бы антисемитизм продолжал играть в советской жизни ту роль, какую он играл еще недавно, просто молчать об антисемитизме было бы чрезвычайно опасно, и в развернувшейся в эти годы борьбе с великодержавным шовинизмом должна была бы, пусть приглушенно, но всё же явственно звучать и анти-антисемитская нота; но этого как раз и не было. И обратно: если можно было так упорно молчать об антисемитизме, как это имело место в первой половине тридцатых годов, это значит, что антисемитизм не представлял больше той опасности, какой он был еще совсем недавно.

Что антисемитизм в эти годы действительно упорно замалчивался в Советском Союзе, можно иллюстрировать на двух-трех примерах. Выше (в гл. III) мы уже видели, как Сталин в своем докладе на XVI съезде ВКП в июне-июле 1930 года, говоря о борьбе с великодержавным шовинизмом, не проронил ни слова об антисемитизме, и его примеру последовали все — без исключения — многочисленные ораторы, высказывавшиеся на съезде по его докладу. Та же картина повторилась на IX Всесоюзном съезде Комсомола в январе 1931 года: в принятом на

съезде обширном постановлении о «национально-культурном строительстве Советского Союза и о задачах ВЛКСМ» («IX Всесоюзный Съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», Москва, 1931 г., стр. 414–417.) об антисемитизме (и о евреях) ни слова. Еще ярче, может быть, другой пример. В январе 1931 года мировую печать обошло решительное заявление Сталина об антисемитизме и о борьбе с ним в Советском Союзе («Нью Йорк Таймс» от 15-го января 1931 года.). Это был ответ Сталина на поставленный ему ETA вопрос. Сталин писал:

> «Отвечаю на ваш запрос. Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм выгоден эксплоататорам, как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли. Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма. В СССР строжайше преследуется антисемитизм, как явление глубоко враждебное советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью».

Сталин чрезвычайно преувеличил в этом заявлении роль и остроту уголовной репрессии в борьбе с антисемитизмом в Советском Союзе (См. выше в гл. III раздел «Борьба с антисемитизмом мерами уголовной репрессии».). Но не это нас сейчас интересует. Гораздо важнее другой факт, остававшийся, кажется, до сих пор незамеченным: заявление Сталина много лет оставалось просто неизвестным в Советском Союзе и было здесь впервые опубликовано лишь в ноябре 1936 года (В связи с исполнившимся в конце 1939 года 60-тилетием Сталина московский журнал «Книга и Пролетарская Революция» опубликовал подробную библиографию статей Сталина, его опубликованных речей, заявлений и пр. с отметкой каждый раз о времени и месте первоначального опубликования. Отсюда мы узнаем, что заявление Сталина «Об антисемитизме (Ответ на запрос ETA из Америки)» написано было 12-го января 1931 года и было опубликовано впервые 30-го ноября 1936 года в «Правде» (в тексте речи Молотова о новой конституции). См. «Книга и Пролетарская Революция», 1939 г., декабрь, стр. 152.). Это было заявление лишь для политического экспорта, не для внутреннего употребления.

Резкое сокращение числа зарегистрированных в советской

печати антисемитских проявлений было таким образом результатом двух факторов: ослабления антисемитизма и усилившейся в официальных кругах тенденции к замалчиванию антисемитизма. В действительности спад антисемитизма был менее резок, чем это могло казаться на основании опубликованных данных об антисемитских проявлениях, но самый факт спада антисемитской волны не вызывает сомнений.

Причины спада антисемитизма

Ослабление остроты антисемитизма не может рассматриваться, как непосредственный результат борьбы с антисемитизмом. Выше мы видели, что работа по осуществлению намечавшихся — и часто широких — программ борьбы с антисемитизмом велась вяло, а многие из намечавшихся мероприятий и вовсе не осуществлялись. В какой-то мере и эта борьба содействовала спаду антисемитизма, но в основном ослабление его было вызвано другими причинами. Этих причин было несколько и действовали они почти независимо друг от друга. Все они коренились в резком и быстром изменении социально-экономического и социально-психологического «климата» страны, в переходе от нэповского общества к обществу, складывавшемуся под знаком политики пятилетних планов, сущность которой сводилась к универсальному экономическому планированию, ставящему себе целью быструю индустриализацию страны и еще более быструю коллективизацию сельского хозяйства.

1) Ослабление антисемитизма вскоре после перехода страны к политике пятилетних планов было вызвано прежде всего резким *изменением экономической обстановки.* Как это было показано выше, антисемитизм второй половины 20-ых годов вырос из настроений, которые складывались в распадающихся слоях старого городского общества, и отсюда он перекинулся на заводы, где в какой-то мере захватил довольно широкие слои рабочих. В это время в стране имелось еще значительное количество безработных и это ставило и занятых рабочих под угрозу остаться в случае увольнения без работы и делало многих из них восприимчивыми к антисемитизму.

Еврей-рабочий был новым явлением на заводах. Его подозревали, что для него работа на заводе это не «всерьез и надолго»; что он пришел на завод лишь в порядке временного приспособления к новой обстановке, чтобы либо перейти при первой возможности к торговле и т. п., либо воспользоваться своим новым положением рабочего, чтобы пробиться в высшее

учебное заведение и вновь подняться по социальной лестнице. А он тут «хлеб отнимает». — Но вот с переходом к политике пятилетних планов начался быстрый рост числа занятых рабочих и служащих («Социалистическое Строительство СССР. Статистический сборник», Москва, изд. Центрального Управления Народно-Хозяйственного Учета Госплана СССР, 1936 г., стр. 508.):

ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ЗАНЯТЫХ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ ВО ВСЕХ ОТРАСЛЯХ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

(в тысячах)

1929	12 168
1930	14 531
1931	18 990
1932	22 943

За три года рост на 88 %. Угроза безработицы в этих условиях утратила значение. Всякий, кто хотел и мог работать, мог найти работу. Психология «хлеб отнимает» исчезла.

2) Ослабление антисемитизма после перехода страны к политике пятилетних планов было вызвано и *изменением социальной обстановки.* В период НЭП'а евреи составляли довольно значительный процент среди так называемых нэпманов, т. е. новой советской буржуазии, формировавшейся в нездоровой советской обстановке и отличавшейся рядом черт, вызывавших враждебные по отношению к этой складывающейся социальной группе настроения в широких народных массах. Наряду с этим евреи играли значительную роль во многих отраслях мелкой торговли — в особенности в крупных центрах. Абсолютное число евреев, занятых в мелкой торговле, было, конечно, во много раз больше абсолютного числа евреев-нэпманов, но отношение широких слоев населения к евреям мелким торговцам, в силу своеобразной механики деструктивных социально-психологических процессов, часто определялось их отношением к нэпманам, и во второй половине 20-ых годов антинэпманская антисемитская нота звучала гораздо сильнее, чем это отвечало роли еврея-нэпмана в социальной структуре еврейства. Настроения эти очень отчетливо окрашивали и проявления антисемитизма в рабочей среде, в среде студенчества и особенно в среде комсомольцев с их крайне вульгаризированными представлениями о классовой структуре общества и о классовой борьбе.

С переходом к политике пятилетних планов нэпманы были

разорены, частью «ликвидированы» и вскоре совершенно сошли с советской сцены, и хотя мелкая торговля и продолжала сохраняться, она вскоре в значительной мере утратила в глазах населения социально-одиозный характер, который — отраженно от нэпманства — еще недавно был присущ ей. Этим был подрезан один из самых глубоких корней антисемитизма, как он сложился в 20-ых годах.

3) Ослаблению антисемитизма в рабочей среде, игравшего такую значительную роль в развитии антисемитизма второй половины 20-ых годов, способствовало и еще одно обстоятельство, непосредственно связанное с политикой пятилетних планов: это *изменение национального состава рабочего класса.* На этом необходимо остановиться несколько подробнее.

Многие из так называемых меньшинственных национальностей Советского Союза, экономически очень отсталые, до начала политики пятилетних планов были представлены лишь незначительным процентом в составе рабочего класса, даже в областях их наибольшего сосредоточения значительно меньшим, чем это соответствовало их численному весу. С конца 20-ых годов это начало быстро меняться. Спрос на рабочую силу для нужд развивающейся промышленности и для строительства резко увеличился и привел к усиленной вербовке рабочих в деревнях. Одновременно и деревенская обстановка резко изменилась: под влиянием тяжелых потрясений, которые в связи с коллективизацией пережило крестьянство, подвижность сельского населения возросла и отлив сельского населения в промышленность и прочие преимущественно городские отрасли труда значительно усилился. В связи с этим в промышленных предприятиях и особенно на стройках, на погрузочно-разгрузочных работах и пр. увеличился процент рабочих из среды меньшинственных национальностей. Два-три примера могут осветить этот процесс.

В Казахстане, значительная часть населения которого еще недавно жила в условиях кочевого быта (не вполне изжитого и до сих пор), к 1-му января 1927 г. было занято в фабрично-заводской промышленности всего 12 353 рабочих, среди них лишь 2485 или 20,1 % казахов. На 1-ое февраля 1933 года общее количество рабочих возросло в фабрично-заводской промышленности до 75 792, т. е. более чем в 6 раз, количество рабочих-казахов до 27 642, т. е. более чем в 11 раз, и процент казахов среди фабричных рабочих поднялся до 36,5. Еще более отчетливую картину показывает развитие в строительном деле: общее количество рабочих, занятых в строительстве Казахстана, возросло за указанный период с 850 до 96 530, количество

рабочих казахов с 69 до 36 005, и процент казахов среди строительных рабочих увеличился с 8,1 до 37,3 (*Л. Зингер,* «Национальный состав пролетариата СССР», Москва, 1934 г., стр. 63–64.).

Это развитие типично: в Узбекской ССР процент узбеков рабочих и служащих, занятых в промышленности, достигал по переписи населения в декабре 1926 года 26,0, на 1-ое августа 1934 года он поднялся до 37,2; в Татарской АССР соответственные цифры для татар были 22,1 и 33,6; в Чувашской АССР (первоначально автономной области) для чуваш 13,7 и 24,1. В строительстве тот же процесс развивался еще быстрее: в Татарской АССР процент татар в строительстве поднялся за указанный период с 4,6 до 24,2, в Башкирской АССР процент башкир с 2,2 до 10,0, в Чувашской и Марийской автономных областях перепись населения 1926 года не зарегистрировала ни одного строителя чуваша или марийца, а по обследованию 1934 года среди рабочих-строителей в Чувашской АССР было 28,7 % чувашей, процент марийцев в Марийской автономной области 15,1 («Труд в СССР (1934 г.)», Статистический сборник, Москва, изд. Центрального Управления Народно-Хозяйственного Учета Госплана СССР, 1935, стр. XVIII.).

Это усиление роли меньшинственных национальностей в составе рабочего класса сопровождалось усилением миграционных процессов и во многих местах приводило к чрезвычайной пестроте национального состава рабочих и порождало национальные трения. На этой почве расцвел пышным цветом великодержавный шовинизм, который с начала 30-ых годов вызвал понятную тревогу руководителей советской политики. Антисемитские проявления потонули при этом в массе шовинистических проявлений, обращенных против других национальностей, часто более отличных от русского населения, чем евреи, более далеких по своему культурно-бытовому облику и еще гораздо менее владеющих русским языком. Характерно также, что, в отличие от антисемитизма второй половины 20-ых годов, великодержавный шовинизм первой половины 30-ых годов захватил главным образом новые слои рабочих, еще недавно влившиеся в ряды рабочего класса.

Наглядной иллюстрацией к сказанному могут служить данные обследования судебных дел о великодержавном шовинизме, рассмотренных народными судами Нижне-Волжского края, опубликованные летом 1932 года в журнале Народного Комиссариата Юстиции (относятся ли эти данные лишь к 1931 году, или к более значительному периоду, из нашего источника не видно) (*В. Померанцев,* «Участки шовинистической

деятельности и методы борьбы с нею», «Советская Юстиция», 1932 г. № 19, стр. 18–19. — Нижне-Волжский край охватывал в этот период территории по обе стороны Волги, начиная с Саратовской области до Каспийского моря; в состав его, в частности, входили Автономная область немцев Поволжья и Калмыцкая область; к востоку Нижне-Волжский край граничил с Казахской АССР (в настоящее время Казахской ССР).).

На первом месте среди пострадавших стоят калмыки и казахи (главным образом на рыбных промыслах), за ними следуют евреи (в городах), далее татары; были, но очень редко, и случаи выступлений против немцев. Характерна группировка великодержавных выходок по месту их совершения: 47 % на новостройках и в совхозах, 34 % на рыбных промыслах, 6 % на других предприятиях, 4 % в учебных заведениях и 9 % в непроизводственной обстановке (жакты, улица, базары). Из общего числа рабочих, осужденных по делам о шовинизме, 73 % работали по найму менее 2 лет. По возрасту среди осужденных по делам о шовинизме 6 % не достигли 18 лет, 58 % относились к группе от 18 до 25 лет и 36 % к группе в 25 лет и выше.

По данным обследования по Нижне-Волжскому краю антисемитские проявления еще играли заметную роль в ряду проявлений великодержавного шовинизма. В других сообщениях о массовых проявлениях великодержавного шовинизма, часто гораздо более одиозных, чем зарегистрированные по Нижне-Волжскому краю, о евреях уже просто не упоминается.

(*П. Андреев,* «Борьба с шовинизмом в Дальне-Восточном крае ведется слабо», «Советская Юстиция», 1931 г., № 2, стр. 29–31.

Н. Кулагин, «Великодержавный шовинизм на Дальнем Востоке и борьба с ним», «Советская Юстиция», 1931 г., № 6, стр. 13–17.

Ф. Макаров, «Борьба с великодержавным шовинизмом на Северном Кавказе», «Советская Юстиция», 1931 г., № 19, стр. Г6–19.

С. Диманштейн, «Большевистский отпор национализму», «Революция и Национальности», 1933 г., апрель, стр. 1–13.

Н. Сафаров, «Против извращения национальной политики», «Революция и Национальности», 1933 г., апрель, стр. 74–77.

И. Смирнов и Н. Кулагин, «Сильнее огонь по великодержавному шовинизму», «Советская Юстиция, 1935 г., № 16, стр. 8–9.

Стихия национальной раздражительности ушла в другое русло.

4) Изменение социальной и экономической обстановки и

глубокие сдвиги в национальном составе рабочего класса, может быть, не вызвали бы такого быстрого спада антисемитизма, если бы не еще одно обстоятельство, тоже связанное с переходом к политике пятилетних планов; это *чрезвычайная резкость перелома всей экономической и социальной политики.* Форсированная индустриализация и ураганная коллективизация сельского хозяйства это было, пользуясь термином, заимствованным из электротерапии, своеобразное *шок тритмент,* лечение электрическим ударом. В этой обстановке все сложившиеся в годы НЭП'а социально-психологические навыки были потрясены до основания, вытеснение их и создание новых навыков чрезвычайно облегчено. Антисемитизм, вчера еще, казалось, полный жизненных соков, внезапно оказался хилым растением, сохраняющимся где-то на социальных задворках.

Кривая антисемитизма достигла низшей точки

К середине 30-ых годов кривая антисемитизма достигла в Советском Союзе своей низшей точки. Это не значит, что антисемитизм исчез вовсе. В приглушенном виде он где-то продолжал существовать и изредка прорывался индивидуальными антисемитскими выходками (См., напр., ряд сообщений об антисемитских проявлениях в 1934 и 1935 годах (по советской еврейской печати) у *Як. Лещинского,* «Дос Советише Идентум», Нью Йорк, 1941 г., стр. 263.). Но он и в отдаленной степени не имел уже того значения, какое он приобрел во второй половине 20-ых годов.

В 1935 и 1936 годах и в официальных кругах наметилась готовность к более решительной публичной критике антисемитизма. Этому содействовали два фактора.

1) Отношения с Германией приняли к этому времени несколько напряженный характер, и советское правительство оказывалось в выигрышном положении, противопоставляя чудовищному антисемитизму Гитлера свою принципиальную враждебность антисемитизму.

(вышла книга, напр, в 1934 г.: А. С. Тагер «Царская Россия и дело Бейлиса», Советское законодательство, Москва — 1934 г., см. предисловие А. Луначарского; на нашей стр.; ldn-knigi)

2) Растущая угроза со стороны гитлеровской Германии сказалась и на развитии второго фактора, усиливавшего анти-антисемитские настроения, но в основном он вырос из внутреннего развития Советского Союза. Советская политика переживала в середине 30-ых годов один из своих наиболее

глубоких кризисов. Внутреннее развитие Советского Союза привело страну к альтернативе: либо постепенное ослабление диктатуры и переход к приближающимся к демократии формам государственности, либо консолидация диктатуры путем упрочения ее новой социальной основы, превращение диктатуры в законченную, тоталитарную диктатуру и освобождение ее от традиций героического периода революции (См. мою статью «Zur Demokratie oder zur plebiszitaeren Diktatur» в «Zeitschrift fuer Sozialismus» (редактор Рудольф Гильфердинг), Карлсбад, 1935 г., сентябрь-октябрь, стр. 792–801.).

1935 и 1936 годы были годами колебаний в рядах руководителей советской политики. В 1937 году колебания эти кончились в пользу второго, тоталитаристского решения, и это не только оказало роковое влияние на общее развитие страны, но и очень скоро сказалось усилением антисемитизма. Об этом еще будет речь впереди. Но пока — в 1935 и 1936 годах — в период, когда советское правительство только что провозгласило свою приверженность к вчера еще преследовавшейся, как контрреволюционная, идее всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов, — перед Советским Союзом неопределенно маячила перспектива демократической перестройки, будя в широких массах населения демократические надежды и настроения. В этой обстановке начинали сохнуть самые корни антисемитизма.

В качестве наглядной иллюстрации новой, более решительной официальной анти-антисемитской установки стоит отметить, что только теперь, наконец, был опубликован приведенный выше ответ Сталина на запрос ЕТА от января 1931 года. Интересна и речь Молотова, в рамках которой было оглашено это остававшееся в течение почти шести лет секретным заявление Сталина. Выступая на VIII Всесоюзном Съезде Советов в прениях о проекте новой конституции Советского Союза, Молотов противопоставил «каннибальской», антисемитской политике германского фашизма решительное заявление Сталина и затем и сам формулировал свое «отношение к еврейскому вопросу» («Правда» от 30-го ноября 1936 года.):

«Что бы ни говорили современные каннибалы из фашистских антисемитов, наши братские чувства к еврейскому народу определяются тем, что он породил гениального творца идей коммунистического освобождения человечества, научно овладевшего высшими достижениями германской культуры и культуры других народов, — Карла Маркса, что еврейский народ, наряду с самыми развитыми нациями, дал многочисленных крупнейших представителей науки, техники и искусства, дал

много героев революционной борьбы против угнетателей трудящихся и в нашей стране выдвинул и выдвигает всё новых и новых замечательных, талантливейших руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты дела социализма. Всем этим определяется наше отношение к антисемитизму и к антисемитским зверствам, где бы они ни происходили…»

Это было исключительное по своей решительности, хотя по существу — по своей чисто утилитарной установке — и не очень удачное, заявление. Но прошло очень немного времени, и в официальных кругах и в стране начали складываться совсем иные настроения.

Новый подъем антисемитизма

Сейчас — ретроспективно — 1936/38 годы очень отчетливо встают перед нами, как решающий период в процессе формирования новой социальной структуры Советского Союза. В таких государствах, как СССР, роль государственной власти в развитии социальных процессов громадна. 1936 год был годом колебаний в руководящих коммунистических кругах. В уродливой обстановке однопартийного режима борьба тенденций в развитии страны находит свое отчетливое — и тоже уродливое — выражение в борьбе внутри правящей партии.

Постановка в августе 1936 года первого большого процесса коммунистической оппозиции (Зиновьева и др.), как процесса против «врагов народа», иностранных шпионов и пр., явно указывала, что чаша весов истории начинает склоняться в сторону тоталитаристского выхода из переживаемого страной и компартией кризиса. Но руководство компартии еще само не вполне отдавало себе отчет в этом, более глубоком смысле процесса Зиновьева и др., еще колебалось на историческом перекрестке, к которому подвело его предшествующее развитие. VIII съезд советов, принявший 7 декабря 1936 г. новую конституцию СССР, в основу которой, в отличие от ранее действовавшей конституции, был положен демократический принцип (правда, уже в самой конституции изуродованный), — был последним внешним выражением колебаний компартии перед окончательным поворотом на тоталитаристский путь.

В 1937 году этих колебаний уже не было. Исторический поворот совершился. В условиях коммунистической диктатуры внешним выражением этого поворота явилась небывалая по своему размаху «чистка» правящей партии (Уолтер Дуранти, многолетний московский корреспондент нескольких

американских газет отнюдь не склонный к резкой критике советского режима и пользовавшийся в свое время симпатиями московских официозных кругов, пишет в своей книге «USSR. The Story of Soviet Russia», Philadelphia-New York, 1944, pp. 227–228:

«Число смертей выражалось тысячами, число сосланных сотнями тысяч. Цифры эти не поддаются проверке, но известно, что от двух третей до трех четвертей руководящего персонала в Советской России было «вычищено», т. е. исключено из партии и во многих случаях казнено.

Это уже была не чистка, какие партии знала и раньше, это было паническое безумие, направлявшее свои удары направо и налево почти наугад. Статистические итоги этих событий были ужасны:

Две трети советского дипломатического корпуса, — послы, посланники, советники посольств, — были «ликвидированы», т. е. либо было сообщено, что они расстреляны, либо они просто исчезли.

Не менее значительны были потери в среде высшего командного состава армии и флота. Достаточно сказать, что из восьми высших офицеров, судивших Тухачевского и генералов в июне 1937 года, только один, маршал Буденный, остается в живых. Остальные были ликвидированы, кроме казачьего генерала Горбачева, умершего естественной смертью.

Из состава Совета Народных Комиссаров, насчитывавшего в конце 1936 года 21 члена, через два года оставалось только пять человек. Один, Орджоникидзе, умер, а остальные либо были расстреляны, либо исчезли.

В ЦК ВКП в начале 1934 г. были избраны 71 человек. В конце 1938 года из них оставались лишь 21. Трое к этому времени умерли естественной смертью; один, Киров, был убит; тридцать шесть исчезли; один, Гамарник, покончил самоубийством; о девяти было сообщено, что они были расстреляны.

В городе Киеве за период с августа 1937 года по июнь 1938 года, как официально было сообщено, более половины членов компартии было вычищено.

О других больших городах такого рода сообщений не публиковалось, но известно, что процент исключенных был в них приблизительно такой же».), фактическое уничтожение старой и создание вместо нее (под старым названием) новой компартии, новой по своему социальному составу, по своей идеологии, по своим социальным и политическим тенденциям. Это был очень болезненный процесс, обеспечивающий консолидацию компартии, как орудия политического и социального господства «обновленной» партийной и советской бюрократии. (Это

изменение социального лица компартии лучше всего можно иллюстрировать анализом данных о составе компартии, опубликованных в докладах мандатных комиссий последних двух партийных съездов — 17-го в январе-феврале 1934 года, последнего съезда ВКП перед большой чисткой, и 18-го в марте 1939 года, первого съезда партии после чистки. В другом месте я писал об этом:

«…Когда-то компартия стремилась оставаться рабочей партией, в первые годы революции действительно в значительной мере была ею и пыталась даже обеспечить уставными мерами пролетарский характер партии (затруднение доступа в партию для лиц, не являющихся работниками физического труда). В то же время компартия пыталась воспитать в массах сознание особой ценности старого членства в партии, принадлежности к партии с первых лет революции и особенно со времени нелегального существования партии до революции. Но большая чистка 1936/38 годов означала разрыв с этой традицией. Достаточно взглянуть на статистику партийного членства, чтобы убедиться в том, как глубок был этот разрыв…

На 17-ом съезде среди делегатов съезда 22,6 % принадлежали к партии со времени до 1917 года и 17,7 % с 1917 года; обе группы вместе составляли таким образом более 40 % всех делегатов съезда. 80 % делегатов принадлежали к партии с 1919 года или с более раннего срока. Но через пять лет, на 18-ом съезде, уже только 5 % делегатов принадлежали к партии с 1917 года или более раннего срока (2,6 % с 1917 года и 2,4 % с более раннего срока) и вместо 80 % только 14,8 % делегатов принадлежали к партии с 1919 года или дольше.

Может быть, еще более показательны данные о членах партии в целом. Ко времени 18-го съезда в партии было 1 588 852 члена (по сравнению с 1 872 488 членами на 17-ом съезде это означало потерю почти в 300 000). Из них только 1,3 %, т. е. около 20 000 принадлежали к партии с 1917 года или ранее. Но к началу 1918 года партия насчитывала от 260 до 270 тысяч членов, главным образом молодых возрастов. Даже считаясь с высокой смертностью в годы гражданской войны, едва ли менее 200 000 из них оставались еще в живых в 1939 году. Но только 10 % среди них оставались в партии.

Высокая оценка принадлежности к партии со времени ее героического периода существования отошла в прошлое. На 18-ом съезде особенно подчеркивали, что 70 % членов партии имеют стаж не ранее 1929 года и что даже среди делегатов съезда к этой группе принадлежат 43 % (соответственная цифра для 17-го съезда была 2,6 %).

Докладчик мандатной комиссии на 17-ом съезде с удовлетворением констатировал, что 9,3 % делегатов съезда составляли «рабочие с производства». Наличность среди делегатов рабочих с производства постоянно отмечалась в докладах мандатных комиссий и на более ранних съездах. На 18-ом съезде этот вопрос более не интересовал компартию. И даже самые знаменитые стахановские рабочие — Стаханов, Бусыгин, Кривонос, Виноградова, Лихорадов, Сметанин, Мазай, Гудов — были как-то не на месте на этом съезде. Все они были уже в это время членами партии, некоторые из них были и делегатами съезда, но когда съезд перешел к выборам ЦК партии, ее руководящего органа, в состав которого вошли 139 человек (71 члены и 68 кандидатов), ни одного из знаменитых стахановцев не оказалось среди избранных. И было только последовательно, что съезд изменил устав партии и устранил уставные гарантии сохранения пролетарского характера партии. Компартия более не рабочая партия; во всё возрастающей степени она становится партией чиновников из различных областей хозяйства и государственного управления».

См. *Solomon M. Schwarz,* «Heads of Russian Factories. A sociological study», «Social Research», September 1942, pp. 330–331. См. также *Gregory Bienstock, Solomon M. Schwarz and Aaron Yugow,* «Management in Russian Industry and Agriculture», New York, Oxford University Press, 1944, pp. 28–30. Ряд дополнительных деталей читатель найдет в моей статье «ВКП на 18-ом съезде», в № 6 «Социалистического Вестника» за 1939 год.). Процесс этот сопровождался — новым подъемом антисемитизма.

Антисемитизм этот до вступления Советского Союза в войну почти нигде не принимал тех резких форм, в каких он прорывался в 20-ых годах, и вообще он носил менее взрывчатый, но зато тем более упорный характер. Выражался он прежде всего в постепенном оттеснении евреев на задний план во всех сферах общественной жизни. Это было новое явление. Советская печать упорно закрывала на него глаза. Но враждебные евреям настроения из года в год нарастали. Весною 1940 года я писал об этом («Без евреев») («Социалистический Вестник» от 10-го мая 1940 года, № 9. — Не лишено интереса, что из двух названных в этой заметке коммунистических вождей один, Щербаков, член Политбюро ЦК ВКП, оказался в годы войны главным оплотом антисемитизма в руководящих коммунистических кругах, а другой, секретарь ЦК КП Украины и член его Политбюро Бурмистенко, по проникшим в иностранную печать слухам, дождался на Украине прихода немцев, после чего будто бы выяснилось, что он и до того был агентом Гитлера. Советская

печать никогда на эти сообщения не реагировала, и Бурмистенко бесследно исчез в Советском Союзе с политической сцены.):

«24-го марта [1940 г.] состоялись выборы в Верховный Совет СССР от присоединенных к Советскому Союзу после польского похода Западной Украины и Западной Белоруссии. Избрано 43 депутата в Совет Союза и 12 в Совет Национальностей. «По национальному составу депутатами избраны», сообщил в Совете Союза докладчик мандатной комиссии Щербаков, «украинцы, белоруссы, поляки, русские; национальный состав депутатов олицетворяет сталинское содружество народов Западной Украины и Западной Белоруссии» («Правда» от 30-го марта). Докладчик мандатной комиссии Совета Национальностей Бурмистенко был более краток: «В числе избранных депутатов в Совет Национальностей имеются украинцы, белоруссы, поляки» (там же). Ни одного еврея, ни из Белостока, ни из Гродно, ни из Львова, ни из Пинска! Опубликованный 28-го марта в советских газетах полный список избранных депутатов с указанием их фамилий, имен и отчеств не оставляет на этот счет никаких сомнений.

Это, вероятно, еще не антисемитизм, но уже несомненно какой-то своеобразный *асемитизм».*

Интересное свидетельство о настроениях, которые компартия — т. е. присланные из Советского Союза ее представители — сознательно культивировала в аннексированных осенью 1939 года областях, мы находим в сообщении Еврейского Телеграфного Агентства из Парижа от 23-го февраля 1940 года. Это доклад «ответственного обследователя, только что приехавшего в Париж из Советской Польши» («Jewish Tel. Agency-News», February 28, 1940.):

«…Хотя в России и не существует еврейского вопроса и не различают между евреями и не-евреями [!], в оккупированной Советским Союзом части Польши среди лиц, занимающих влиятельные посты, нет ни одного еврея.

Евреи в Восточной Галиции имеются в небольшом количестве в милиции, среди школьного персонала и среди состоящих на государственной службе инженеров. Высшие учебные заведения, которые были закрыты для евреев, теперь открыты для них, но ни один еврей — ни даже никто из еврейских коммунистов — не пользуется политическим влиянием и нет ни одной ответственной должности, которая была бы предоставлена еврею. Все такого рода должности заняты русскими, присланными из Советского Союза, или местными украинцами.

Наглядной иллюстрацией этого может служить следующий

факт: среди 1700 [в действительности 1495] депутатов Советского Национального Собрания [т. е. Народного Собрания Западной Украины], открывшегося в Львове 1-го октября [1939 г.] для провозглашения Галиции частью Советского Союза, насчитывалось не более двадцати евреев, несмотря на высокий процент евреев в составе населения. Известно, что когда еврейские коммунисты выдвигались еврейскими рабочими в качестве кандидатов на выборах, советские власти вмешивались и предлагали снять кандидатов-евреев и заменить их украинцами. В Львове, где евреи составляют 30 % населения, только 2 еврея были выбраны в местный Совет, насчитывающий 160 членов».

Происхождение и развитие этой формы советского антисемитизма никогда не подвергалось анализу, материал, освещающий это развитие, еще очень скуден, и сейчас мы можем сделать лишь попытку выяснить его причины.

1) Бюрократия всюду в недемократических странах (иногда и в демократических странах) с более или менее заметным процентом евреев в составе населения тяготеет к антисемитизму, выражающемуся прежде всего в недопущении евреев в государственный аппарат.

В старой России исключение евреев из государственного аппарата стало традицией. Традиция эта была нарушена, но не окончательно убита революцией. В первые десятилетия революции в составе государственного аппарата (чрезвычайно выросшего) появился заметный процент евреев, значительно меньший, чем это казалось антисемитам,

(См. об этом выше в главе II, в разделе «Евреи в компартии и в руководящих партийных и советских органах».), но всё же заметный. Поразительно, однако, что даже в этот период более обособленные ведомства в значительной мере оставались верны традиции «без евреев». Наиболее яркий пример — ведомство путей сообщения. Корреспондент ETA телеграфировал 18-го июня 1930 года из Москвы («The Jewish Daily Bulletin», June 30, 1930.):

«Еврейские рабочие не принимаются на советские железные дороги, жалуется харьковская газета «Штерн», отмечающая, что, несмотря на постановление ЦК КПУ о привлечении еврейской молодежи на работу на железных дорогах, среди 181 000 работников [украинских] железных дорог только 1581 еврей.

«Штерн» подчеркивает, что поведение местных ответственных работников не позволяет надеяться на повышение этого незначительного процента».

«Трибуна» в начале 1932 года сообщила, что в Гомельском железнодорожном районе (на железных дорогах, в управлении и в железнодорожных мастерских), — а Гомель с его районом это

один из центров скопления евреев, — из 4314 рабочих лишь 239, т. е. 5,5 % составляли евреи; среди служащих процент евреев был еще значительно ниже: их было 21 из 1088, т. е. неполных 2 %; через разного рода курсы для повышения квалификации было пропущено за 1931 год 811 человек, из них только 10, или несколько более 1 % евреев; и только в железнодорожных учебных заведениях Гомельского района процент евреев был выше: в техникумах 7,2 % и в школах по подготовке обученных рабочих 19 % («Трибуна», 1932 г., № 3, стр. 10–11.). Но и этот процент значительно ниже процента евреев в составе местного населения, и «Трибуна» прямо приписывает это антисемитизму.

Во второй половине 30-ых годов эти настроения получили гораздо более широкий размах и далеко вышли из рамок отдельных обособленных ведомств, особенно в крупных центрах, где было сосредоточено большое количество еврейской интеллигенции и полуинтеллигенции, не имевших в советских условиях почти никаких иных источников существования, кроме государственной службы. Постепенно здесь вновь начала оживать легенда о «еврейском засильи» и начали создаваться преувеличенные представления о роли евреев в составе средних и высших государственных служащих.

Действительное положение вопроса наглядно может быть иллюстрировано следующей таблицей, в которой приводятся данные о численности «советской интеллигенции», т. е. служащих в различных отраслях труда, требующих какой-либо специальной подготовки.

(Данные об интеллигенции в составе всего населения заимствованы из доклада Молотова о третьем пятилетнем плане на XVIII съезде ВКП в марте 1939 года («XVIII съезд ВКП. Стенографический отчет», Москва, 1939 г., стр. 310), данные о численности еврейской интеллигенции — у Зингера, 1941 г., стр. 106, который, — по-видимому, ошибочно, — относит их к началу 1939 года. (Если принять, что данные Зингера действительно относятся к 1939 г., процент евреев в различных группах интеллигенции окажется несколько ниже показанного в последней колонке нашей таблицы). — Данные последней колонки исчислены мною.

Зингер не объясняет, почему в его таблице нет данных для пяти групп интеллигенции, в том числе для таких важных для изучения еврейской интеллигенции групп, как руководители предприятий и проч., экономисты и статистики и студенчество. Так как, по мысли Зингера, приведенная им таблица должна была показать, как значительна роль еврейской интеллигенции в Советском Союзе, следует предположить, что в пропущенных им

группах роль евреев оказалась менее значительной, чем это принято было предполагать.

СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
(январь 1937 г., в тысячах)

	Всего	В том числе евреи	Процент евреев
Руководители предприятий, учреждений, цехов, совхозов, колхозов и др.	1 751	....	....
Инженеры и архитекторы (без руководителей предприятий и цехов)	250	25	10,0
Средний технический персонал (техники, прорабы, лесничие, начальники ж.-д. станций и проч.)	810	60	7,4
Агрономы	80	1	1,25
Прочий агротехнический персонал (землемеры, землеустроители, агротехники, зоотехники)	96	1	1,1
Работники науки (профессора, преподаватели вузов и др.)	80	7	8,8
Учителя	969	46	4,7
Культурно-просветительные работники (журналисты, библиотекари, зав. клубами и проч.)	297	30	10,1
Работники искусств	159	17	10,7
Врачи	132	21	15,9
Средний медицинский персонал (фельдшера, акушерки, медсестры)	382	31	8,1
Экономисты, статистики	822	....	....
Бухгалтеры, счетоводы	1 617	125	7,7
Судебно-прокурорские работники (судьи, прокуроры, следователи и пр.)	46	....	....
Студенты вузов	550	....	....
Прочие группы интеллигенции (включая военную интеллигенцию)	1 550	....	....
Итого по всем группам	9 591	....	....
Итого по 11 группам, по которым имеются данные о евреях	4 872	364	7,5

Огромное большинство этой интеллигенции (это в особенности относится к более квалифицированным группам) вышло из среды городского населения, и при общем количестве евреев в составе городского населения, достигавшем в начале 1937 года приблизительно 5 % (в начале 1939 года, после

дальнейшего заметного увеличения количества городского населения, количество евреев в его составе достигало 4,7 процентов), этот % евреев в составе различных групп служилой интеллигенции не кажется очень высоким, а для некоторых групп оказывается даже неожиданно низким. Единственная группа, в которой процент евреев вдвое превышал процент их в составе городского населения, это врачи; но это профессия, в которой евреи издавна занимали — и почти во всех странах занимают — выдающееся положение, и 15,9 % евреев среди советских врачей это скорее скромная цифра.

Данные таблицы говорят лишь об общей численности евреев внутри каждой группы интеллигенции и оставляют открытым вопрос, происходит ли и, если да, в каких масштабах процесс оттеснения евреев на менее ответственные посты внутри каждой группы. Советская печать тщательно избегает сообщения данных, которые позволили бы ответить на этот вопрос. Но вот, напр., факт, относящийся, правда, к более позднему времени, но отражающий развитие, наметившееся еще в рассматриваемый нами период: в 1944 году была образована Академия Медицинских Наук СССР; в состав ее вошли главным образом врачи старшего поколения, среди которых имелось и сейчас имеется немало выдающихся и широко образованных врачей-евреев; однако, среди 60 членов новой Академии оказалось лишь 5 евреев (Список членов Академии Медицинских Наук с указанием их фамилий, имен и отчеств был напечатан в «Медицинском Работнике», газете Наркомздрава СССР, от 16-го ноября 1944 года.). Это, конечно, не случайность.

2) Это был всё же часто лишь полуосознанный, ползучий, еще не законченный антисемитизм новой бюрократии. И, может быть, он не вышел или не так скоро вышел бы из этой первоначальной стадии, если бы формирование новой бюрократии не происходило в болезненной политико-психологической обстановке, созданной «большой чисткой».

Чистка 1936/38 годов сопровождалась чудовищными опустошениями в составе старых партийных кадров. Поколение партийных работников, которое представляло революционную и интернационалистическую традицию компартии, было ошельмовано, его интернационализм был объявлен лишь прикрытием для национальной измены и шпионажа на службе иностранных разведок.

Примитивный русский национализм начал поднимать голову и глубоко проник в партийную среду вообще и в верхний слой советского общества. К этому присоединилось и то, что среди старых большевиков с партийным стажем до прихода партии к

власти и тем более с дореволюционным стажем процент евреев был заметно выше, чем в среднем в компартии, и в более молодых поколениях процент евреев с годами всё уменьшался (См. об этом в гл. II в разделе «Евреи в компартии и в партийном и советском аппарате».).

Но старшие поколения как раз и подверглись особенно жестокой чистке. В рамках ее сошли со сцены почти все евреи-коммунисты, игравшие сколько-нибудь значительную роль на местах в общей организации компартии, и, может быть, еще более опустошительному разгрому подверглись евреи-коммунисты, которые выдвинулись на «еврейской работе». Число ошельмованных и политически, а то и физически погибших было громадно. Назову среди них бывш. комиссара по еврейским делам и позже председателя Озет Диманштейна, председателя исполкома областного совета Еврейской автономной области Либергера, секретаря обкома ВКП той же области Хавкина, редактора «Эмес» Литвакова (умер в тюрьме), бывших вождей Бунда, перешедших в начале 20-ых годов в компартию, Рахмиеля Вайнштейна и Эстер Фрумкин, Чемериского, Мережина, Липеца-Петровского; список этот можно было бы значительно продолжить. (Большой список, составленный по данным советской печати, см. в статье *Г. Аронсона* «Ви азей Сталин хот фарнихтет кмат але вихтиге идише комунистен» в еврейском «Форвертсе» от 8-го января 1938 г.).

Все они были объявлены «врагами народа» и «предателями».

В создавшейся во второй половине 30-ых годов обстановке обвинения эти, когда они обращались против евреев, приобретали специфическое острие, и охарактеризованный выше ползучий антисемитизм нагуливал себе красные щеки.

Ко времени вступления Советского Союза в войну развитие это зашло уже настолько далеко, что в напряженной военной обстановке оно обеспечило чрезвычайно широкое распространение антисемитизма. Об этом в следующей главе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Антисемитизм в годы Второй мировой войны

Влияние советско-германского пакта

К началу 2-й мировой войны почва для широкого распространения антисемитизма в Советском Союзе была подготовлена. Заключенное в это время советско-германское соглашение чрезвычайно благоприятствовало этому развитию. Соглашение это означало не только мир с гитлеровской Германией, но и прекращение идейной борьбы с гитлеризмом.

А это вело не только к замалчиванию страшной практики гитлеризма, но и к прямому провозглашению нейтралитета по отношению к гитлеровской идеологии и даже к активной борьбе против противников этой идеологии. В докладе Молотова в Верховном Совете СССР 31-го октября 1939 г. о внешней политике Советского Союза этот идеологический про-гитлеризм нашел свое очень выпуклое выражение («Правда» от 1-го ноября 1939 года.):

«…В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является, не больше и не меньше, как «уничтожение гитлеризма». Получается так, что английские, а вместе с ними и французские сторонники войны объявили против Германии что-то вроде «идеологической войны», напоминающей старые религиозные войны. Действительно, в свое время религиозные войны против еретиков и иноверцев были в моде. Они, как известно, привели к тягчайшим последствиям, к хозяйственному разорению и культурному одичанию народов. Но эти войны были во времена средневековья. Не к этим ли временам средневековья, к временам религиозных войн и культурного одичания тянут нас снова господствующие классы Англии и Франции? Во всяком случае, под «идеологическим» флагом теперь затеяна война еще большего масштаба и еще больших опасностей для народов Европы и всего мира. Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологию, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя

покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию»…»

Политика идейного примиренчества по отношению к гитлеризму расчищала почву для молчаливой моральной полу-легализации антисемитизма. На этой почве и в Советском Союзе, и в Германии возникали — и при задавленности сколько-нибудь свободной печати не могли не возникать — чрезвычайно странные слухи.

После четырехнедельной поездки по Германии Освальд Гаррисон Виллард телеграфировал «Нэйшон» из Гааги, будто «в ответственных кругах» в Германии ждут перенесения в советскую практику основных начал «Нюренбергских законов» («The Nation» (New York), December 30th, 1939.):

«…Я должен сообщить и еще одну плохую новость. В ответственных кругах Германии распространена уверенность, что соглашение со Сталиным предусматривает применение Нюренбергских законов по отношению к русским евреям и что это будет осуществлено до истечения шести месяцев со дня подписания пакта. При этом не предполагается, что постановления такого рода будут проведены в законодательном порядке; Сталин просто сделает соответствующие распоряжения, этого будет достаточно».

Из Советского Союза доходили не менее поразительные слухи: о дружественной критике расистской теории в руководящих советских кругах («Моргн Журнал» (Н. И.) от 14-го марта 1940 года.), о советско-германском соглашении об организации общего «единого фронта» для борьбы с религией (Телеграммы ETA из Парижа от 25-го января и 5-го мая 1940 г., «JTA-News» от 26-го января и 6-го мая 1940 года.), и т. п. Почти всё это была фантастика, но она характерна для того политического «климата», который был создан германско-советским соглашением, и «климат» этот был чрезвычайно благоприятен для прорастания на советской почве семян антисемитизма.

Систематическое замалчивание в советской печати гитлеровской анти-еврейской политики было одним из проявлений дружественного нейтралитета по отношению к гитлеризму. Это замалчивание в решающий период перед вовлечением Советского Союза в войну имело для советского еврейства и еще одно роковое последствие: огромное большинство евреев в Советском Союзе плохо отдавало себе отчет

в смертельной опасности, которая грозила им от гитлеризма; и когда 22-го июня 1941 года немецкие войска внезапно вторглись в Советский Союз, советское еврейство оказалось совершенно неподготовленным к событиям и многие даже из тех, кто еще могли бежать и спастись, остались на месте и погибли. Факт этот подтверждается в не предназначавшемся для опубликования докладе из оккупированной немцами Белоруссии, написанным в июле 1941 года зондерфюрером С. представителю имперского министерства оккупированных областей при Верховном Командовании Армии (См. собрание немецких документов в Еврейском Научном Институте в Нью Йорке: Осс Е 3 а-2.):

«…Поразительно, как плохо евреи осведомлены о нашем к ним отношении и о том, как мы обращаемся с евреями в Германии и в не так уж далекой Варшаве. Не будь этой неосведомленности, был бы немыслим вопрос с их стороны, проводим ли мы разницу в Германии между евреями и другими гражданами. Если они и не ожидали, что при немецком управлении они будут пользоваться теми же правами, что и русские, они всё же думали, что мы оставим их в покое, если они будут прилежно продолжать работать».

Тем болезненнее они пережили, если пережили, гитлеровскую оккупацию.

Но в рамках настоящей работы нет возможности останавливаться на этом подробно. Мы должны здесь ограничиться анализом развития антисемитизма в Советском Союзе в годы войны, как в оккупированных областях, так и вне района немецкой оккупации.

В районах немецкой оккупации

Участвовало ли местное население в истреблении евреев?

Немецкая оккупация в Советском Союзе с первых же дней всюду ознаменовалась жестокими мероприятиями по отношению к евреям. В планы гитлеровцев входило создать впечатление, что не немцы, а само местное население начало истреблять евреев. Этот план требовал, если не повального истребления евреев в первые же дни оккупации, то, по крайней мере, немедленного пробуждения «народной стихии» в форме анти-еврейских погромов. В советской печати — и нееврейской, и еврейской, и того периода, и более поздней — сведений об этих событиях почти нет. Больше писала об этом немецкая печать, но ее сообщения не внушают доверия, так как они явно продиктованы стремлением показать, что ненависть к евреям у населения оккупированных областей носила всеобщий и стихийный

характер. Напротив, часто заслуживают доверия немецкие доклады с мест, не предназначавшиеся для опубликования и написанные часто с характерным для немецкого чиновничества вниманием к деталям. Сейчас исследователю доступно уже немало таких документов.

В докладе от 15-го октября 1941 года, представленном Гиммлеру бригадным командиром СС Шталекером о деятельности «Einsatz Gruppe A» (оперировавшей в Прибалтике, Белоруссии и прилегавших районах РСФСР) мы читаем («Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg. 14 November 1945 — l October 1946», Published by the International Military Tribunal, Nuremberg, 1949, vol. XXXVII, p. 672.):

«Хотя это и встретило значительные трудности, уже в первые часы после вступления [германских войск] удалось направить местные антисемитские силы на устройство погромов против евреев. Верная приказам, полиция безопасности готова была разрешить еврейский вопрос всеми мерами и со всей решительностью. Но желательно было, чтобы по крайней мере в первое время на нее не ложилась ответственность за применение необычайно суровых мероприятий, которые и в немецких кругах должны были вызвать изумление. Нужно было показать, что само местное население, по собственной инициативе, приняло первые меры, что это была естественная реакция на многолетний гнет со стороны евреев и на пережитый террор со стороны коммунистов».

Это была основная директива. Осуществление ее, однако, натолкнулось на трудности. Цитированный только что доклад останавливается подробно на проведении этой акции в Прибалтике (Ibidem, 682–683. — Что названный в тексте «партизанский отряд» Климатиса был не только орудием, но в значительной мере и творением немцев, отчетливо выясняется из этого же доклада:

«Из надежных элементов недисциплинированных партизанских отрядов был образован дееспособный вспомогательный отряд, насчитывавший первоначально 300 человек, руководство которым было поручено литовскому журналисту Климатису. Отряд этот… был пущен в дело не только в Ковне, но и в ряде других мест в Литве и осуществлял поставленные ему задачи, особенно по подготовке и проведению больших ликвидационных операций под постоянным надзором ЕК [Einzatz Kommando] и без существенных с его стороны возражений. — Прочие партизанские группы были беспрепятственно распущены». Ibidem, pp. 677–678.).

«Считаясь с тем, что население балтийских государств

чрезвычайно настрадалось под господством большевиков и еврейства за время инкорпорации этих государств в СССР, следовало ожидать, что после освобождения от этого чужеземного господства местное население само обезвредит противников, оставшихся в стране после отступления Красной Армии. Задача полиции безопасности должна была состоять в том, чтобы привести в движение эти стремления к самоочищению и направить их в правильное русло, чтобы поставленная цель самоочищения была достигнута возможно скорее. Не менее важно было установить на будущее время в качестве бесспорного и доказуемого факта, что освобожденное население по собственной инициативе прибегло к самым суровым мерам против большевиков и евреев, без того чтобы можно было обнаружить наличность указаний со стороны немецких органов.

В Литве это удалось прежде всего в Ковне с помощью партизан. К нашему изумлению, вызвать там еврейский погром более значительных размеров сначала оказалось не простой задачей. Вождю упомянутого выше партизанского отряда Климатису, который в первую очередь был привлечен к этому делу, удалось, руководясь указаниями, которые он получил от небольшого авангардного отряда в Ковне, организовать погром, без того, чтобы вовне можно было обнаружить наличность каких-либо распоряжений или указаний с немецкой стороны. Во время погрома в ночь с 25-го на 26-ое июня было устранено 1500 евреев, подожжено или иным способом разрушено несколько синагог и сожжен еврейский квартал, в котором насчитывалось около 60 домов. В последующие дни таким же способом было обезврежено еще 2300 евреев. В других частях страны проводились, по ковенскому образцу, аналогичные операции, хотя и меньшего масштаба, и они распространялись здесь и на оставшихся на местах коммунистов.

Так как военные органы были поставлены обо всем этом в известность и вполне отдавали себе отчет в значении этой акции, она протекала без трений. При этом с самого начала считалось само собой понятным, что только в первые дни после оккупации возможна организация погромов. После разоружения партизан эта самоочистительная акция автоматически прекратилась.

Значительно труднее было вызвать аналогичные самоочистительные операции и погромы ***в Латвии.*** В основном это объясняется тем, что весь национальный руководящий слой, особенно в Риге, был уничтожен или вывезен большевиками. Правда, и в Риге, путем соответственного воздействия на латышскую вспомогательную полицию, удалось вызвать еврейский погром, во время которого все синагоги были

разрушены и около 400 евреев убито. Так как в Риге очень скоро наступило общее успокоение, дальнейшие погромы стали невозможны.

Как в Ковне, так и в Риге, поскольку это было возможно, были сделаны кинематографические и фотографические снимки, устанавливающие, что первые стихийные погромы евреев и коммунистов были проведены литовцами и латышами.

В Эстонии, при относительно незначительном числе евреев в стране, не было возможности вызвать погромы…»

Из этого сообщения наглядно вырисовывается, что и в Литве, и в Латвии нашлись активные местные группы, энергично поддерживавшие немцев в их политике истребления евреев, но что местное население в массе своей не оправдало в этом отношении надежд, возлагавшихся на него гитлеровцами. (Ежедневные секретные донесения о деятельности ЕК неоднократно отмечали в летние месяцы 1941 года, что среди латвийцев «активный антисемитизм» находил меньший отклик, чем среди литовцев. См., напр., донесение ЕК «А» от 1-го августа 1941 года (в архиве А. Д. Далина).).

В собрании немецких документов в ИВО сохранилась переписка немецких властей по поводу найденной в январе 1942 года нелегальной литовской листовки, протестующей против использования отрядов литовской вспомогательной полиции для истребления евреев и при том не только в Литве, но и в Латвии, на Украине и пр. (в документах имеется лишь немецкий перевод листовки) (Архив ИБО, Осс E 3ba-22.). Вся листовка проникнута националистическим духом, исходит из кругов, по-видимому, не свободных от влияния антисемитской заразы, и автор ее, может быть, и сам не вполне отдает себе отчет в том, протестует ли он против истребления евреев или лишь против того, что это делается руками литовцев («Muessen wir Europas Henker sein?» *(на нем. — «должны ли мы быть палачами Европы?»; ldn-knigi)*).

Но появление этой нелегальной листовки — яркий показатель, что даже и в реакционно-националистических литовских кругах политика истребления евреев вызвала брожение.

Еще отчетливее неудача немцев привлечь широкие симпатии местного населения к делу истребления евреев выступает в немецких сообщениях ***из Белоруссии.*** Сводный секретный немецкий отчет о деятельности полиции безопасности в СССР за октябрь 1941 года сообщает о Белоруссии («Nazi Conspiracy and Agression», Office of U S. Chief of Counsel for Prosecution of Axis Criminality, Washington, 1946, vol. VIII, p. 101. В секретном донесении из Смоленска (намечавшегося немцами в качестве

центра в Белоруссии) ЕК «В» 5-го августа 1941 г. сообщало: «Вызвать погромы против евреев было до сих пор почти невозможно вследствие пассивности и политической тупости белоруссов» (из архива А. Д. Далина).):

«Необходимо отметить, что местное население, когда оно предоставлено самому себе, воздерживается от какой-либо акции против евреев. Правда, от населения поступают коллективные заявления о терроре со стороны евреев при советском режиме или оно жалуется на новые проделки евреев, но в нем нет готовности принять какое-либо участие в погромах».

Что следует понимать под «коллективными заявлениями о терроре со стороны евреев», из документа не вполне ясно. По-видимому, речь здесь идет о заявлениях, которые делались немецким властям от имени местного населения местными коллаборантами. Но среди доступных нам многочисленных документов о немецкой оккупации такого рода заявлений нам обнаружить не удалось. Это говорит за то, что они были редки и вообще большой роли не играли. И поразительно, что даже из той среды, из которой исходили такого рода заявления, немцам, по-видимому, не удавалось добиться сколько-нибудь авторитетных выражений прямой солидарности с политикой истребления евреев.

Позже — в августе 1942 года — положение в Белоруссии было следующим образом охарактеризовано в докладе «доверенного лица» немцев («белорусса из Латвии, впервые приехавшего на бывшую советскую территорию») (Архив ИВО, Осс E 3a-14. — Доклад этого «доверенного лица» переслан 22-го августа 1942 года в Reichskommissariat fuer das Ostland начальником генерального штаба при Wehrmachtsbefehlshaber Ostland майором Довен.):

«Для белоруссов не существует еврейского вопроса. Это для них чисто немецкое дело, не касающееся белоруссов. И здесь сказалось советское воспитание, не знающее различий между расами. Евреям все сочувствуют и их жалеют, а на немцев смотрят, как на варваров и палачей евреев (Judenhenker): еврей, мол, такой же человек, как и белорусс».

Возможно, что эта оценка положения была настолько окрашена в субъективный цвет, в соответствии с настроениями самого «доверенного лица», и что в действительности «сочувствие» евреям не носило такого широкого характера. Но сообщение это во всяком случае свидетельствует, что политика истребления евреев не встречала поддержки в широких слоях населения Белоруссии.

На Украине положение было значительно хуже. Антисемитов здесь и раньше было гораздо больше, а прибытие вместе с немцами значительного числа сторонников украинских крайних националистических групп, традиционно антисемитских, очень усилило, особенно в крупных украинских центрах, активность и местных антисемитов. Но даже и на Украине осуществить задачу истребления евреев главным образом силами местного населения немцам не удалось. Цитированный выше отчет о деятельности немецкой полиции безопасности за октябрь 1941 года ограничивается указанием, что «ожесточение украинского населения против евреев чрезвычайно велико, так как их считают ответственными за взрывы в Киеве. На них смотрят также, как на осведомителей и агентов НКВД, организовавшего террор против украинского народа».

Но непосредственно вслед за этим отчет переходит к рассказу об истреблении евреев силами немецкой полиции безопасности в Киеве, Житомире и Херсоне, нигде при этом не упоминая об участии в этом деле украинцев («Nazi Conspiracy and Agression», vol. VIII, p. 103.). В другом документе — в докладе д-ра Ганса Иоахима Кауша, участника трехнедельной «информационной поездки» по Украине и Крыму, организованной министерством Розенберга в июне 1943 года, — мы читаем (Архив ИБО, Осс Е4–11.):

«Украинцы довольно равнодушно наблюдали истребление евреев. При последних операциях по истреблению евреев прошлой зимой несколько деревень оказали сопротивление».

Это указание на сопротивление истреблению евреев, оказанное «несколькими деревнями», очень лаконично — и во всех доступных нам материалах оно остается совершенно изолированным, — но немыслимо допустить, что немецкий автор, облеченный доверием властей, его просто выдумал. Может быть, здесь речь идет о сопротивлении еврейских деревень? Но это как-то плохо вяжется с текстом. Что за всем этим стоит, выяснить пока невозможно.

Что было все же немало случаев, особенно в первый год — до того, как отношения между немцами и крайними украинскими националистами резко ухудшились, — когда украинцы прямо помогали немцам в деле истребления евреев, не вызывает сомнений. Активны были при этом, по-видимому, сравнительно немногочисленные группы, формировавшиеся главным образом из среды галичан, к которым, однако, всюду присоединялись и местные антисемиты, до прихода немцев таившие свой антисемитизм.

В других местах — в Белоруссии и в РСФСР — значительную

роль в активизации местного антисемитизма также играли привозимые немцами русские гитлеровцы и полу-гитлеровцы. При их содействии на местах создавалась русская полиция — и в Белоруссии обычно не белорусская, а русская, — принимавшая иногда очень активное участие в истреблении евреев. В виде примера стоит упомянуть о сохранившемся в документах большого Нюренбергского процесса официальном немецком отчете о том, как русская полиция в Борисове с жестокостью, которой могли бы позавидовать самые заправские гитлеровцы, уничтожила в течение двух дней (20 и 21 октября 1941 года) 6500 евреев («Nazi Conspiracy and Agression», vol. V pp. 772–776.). При этом автор отчета отмечает, что истребление евреев отнюдь не встретило сочувствия местного населения, даже и той части его, которая заражена была антисемитизмом (Ibidem, p. 774.).:

«…Глаза последних [не-евреев] выражали либо полную апатию, либо ужас, так как сцены, разыгрывавшиеся на улицах, были страшны. Не-евреи, может быть, еще накануне истребления евреев считали, что евреи заслужили свою судьбу; но на следующий день их ощущение было: «Кто это приказал такую вещь? Как это возможно было убить 6500 евреев всех сразу? Сейчас убивают евреев, а когда придет наш черед? Что сделали эти бедные евреи? Они ведь только работали. Действительно виновные, конечно, находятся вне опасности»…»

Дальше этих очень сдержанных выражений недовольства дело, по-видимому, в Борисове не дошло. Но и в других местах положение едва ли было многим лучше, как читатель в этом убедится, ознакомившись ниже с данными о случаях помощи евреям не-евреями.

Но всё это относится главным образом к городскому населению. В деревнях положение часто было значительно хуже. В Белоруссии и Западной Украине, где получило большое распространение партизанское движение и где в лесах скрывалось большое число евреев, частью евреев-партизан, частью небоеспособных, живших в так называемых семейных лагерях, — между евреями в лесах и окружающим крестьянским населением создались во многих местах напряженные отношения. Основной причиной этого напряжения было то, что лесное население жило — и не могло не жить — за счет деревни, и без того разоренной войной. На этом я остановлюсь ниже при анализе еврейской проблемы в партизанском движении.

Пыталось ли местное население спасать евреев?

О проявлении местным населением какой-либо активности в деле спасения евреев от истребления у нас относительно очень мало сведений. Из коммунистических кругов одно время — особенно начиная с 1943 года — энергично лансировались сообщения, которые должны были создать впечатление, будто случаи спасения евреев местным населением носили массовый характер. Илья Эренбург в предисловии к составленному им второму томику материалов о «народоубийцах» писал (*И. Эренбург,* «Мердер фун фелкер», 2-ой сборник, Москва, 1945, стр. 3.):

«…С глубоким волнением читатели ознакомятся также с фактами, которые доказывают советскую солидарность, силу братства народов, проявившиеся в стремлении большого числа [а сах, *(на идиш — «многих»; ldn-knigi)*] русских, белоруссов, поляков, украинцев спасти евреев от бойни».

Такие случаи, конечно, бывали, но по сравнению с чудовищными размерами бойни, которой подвергались евреи в оккупированных областях, их было немного. Эренбург особенно тщательно собирал для цитированного только что сборника сообщения о спасении евреев не-евреями. Но если подсчитать все такого рода сообщения в сборнике, итог получается очень скромный: всего таких случаев приведено здесь 10, с общим числом спасенных евреев достигающим 24, в том числе в двух случаях (из них в одном речь идет о 10 спасенных) помощь евреям, повидимому, носила не вполне бескорыстный характер.

В конце 1944 года Эренбург написал для американской печати статью «Маленькие люди помогали спасать евреев в оккупированной России» (Independent Jewish Press Service, October 23, 1944.), в которой вкратце сообщил о всех случаях спасения евреев неевреями, о которых подробно рассказано в названном сборнике, и дополнил этот перечень сообщением (из 1-го выпуска того же сборника) (*И. Эренбург,* «Мердер фун фелкер», 1-ый сборник, Москва, 1945, стр. 61.) о спасении семи еврейских семей (30 человек) из города Орджоникидзе (бывш. Енакиево в Донбассе) в одном украинском колхозе. Это исключительный, но всё же, вероятно, не единственный случай такого рода. Но когда Эренбург в той же статье пишет, что «в Харькове (Украина), Вильне (Литва), Львове (Галиция) были случаи казни за спасение евреев. Это не остановило благородных людей. Мы составили списки [We have kept on record] имен этих лучших из людей, оправдывающих веру в человека, каким бы испытаниям он ни подвергался», — это явное преувеличение. И такие случаи, вероятно, бывали, но в обоих составленных Эренбургом сборниках материалов ни одного такого случая не приводится.

Это значит, что они были чрезвычайно редки. Тем более оснований было бы сохранить для потомства имена этих «лучших из людей». Увы, интерес к такого рода фактам в советских кругах далеко не так значителен, как об этом можно было бы судить со слов Эренбурга: в печати мне такого рода «рекордс» не попадались.

В американской прессе, правда, таких сообщений было гораздо больше и носили они иногда прямо героический характер. Нельзя не привести в этой связи опубликованной Независимым Еврейским Бюро Печати (Independent Jewish Press Service) 6-го декабря 1943 г. телеграммы из Москвы, обошедшей большое число американских газет:

«Беженцы, возвращающиеся в освобожденный Гомель, сообщают, что в Белоруссии сотни русских крестьян были казнены нацистами за обращения к военным и полицейским властям против истребления евреев.

В деревне Ушташа крестьянское население пошло религиозной процессией, с иконами и крестами, к главному помещению нацистов, чтобы в последний момент просить о сохранении жизни двустам евреям, которых в это время вели на расстрел. Наци открыли огонь по процессии и убили 107 человек, прежде чем демонстранты успели разбежаться, чтобы спастись от пуль.

В Новоседиде 145 крестьян, были убиты за протест против массовых казней евреев».

Если бы эти сообщения были верны, советская печать — и еврейская и не-еврейская — имела бы все основания дать этим фактам самую широкую огласку. Оппортунистические соображения, по которым советская печать стремилась замалчивать страшную еврейскую трагедию — боязнь дать пищу гитлеровской легенде о «еврейской советской власти» (см. об этом ниже), — в этих случаях не могли иметь значения: на помощь евреям пришла здесь не власть, а население.

Но о широкой огласке этих фактов в советской печати нет и речи. Я не нашел никаких указаний на них ни в «Правде», ни даже в «Айникайт». И даже Эренбург не включил этих поразительных сообщений ни в один из изданных им сборников материалов. Это значит, что сообщения эти — миф, предназначавшийся лишь для идеологического экспорта.

Но даже и в этих — мифических — сообщениях ничего не говорится о попытках создания какой-либо *организации* для спасения евреев. Единственное указание на такого рода зачаточную организацию я встретил в книге Смоляра о Минском гетто (*Г. Смоляр,* «Фун Минскер гето», Москва, Огиз, «Эмес»,

1946 г., стр. 77, 78.):

«…Товарищ Михл Гебелев связан с доверенным человеком, работающим в Отделе Народного Образования оккупационного городского управления. С этим человеком было условленно, что через него нам будет дана возможность помещать еврейских детей в белорусские детские дома. Устанавливаются пароль и условный знак: если в комнату № 20 городского управления между 9 и 11 часами утра приносят будто бы подкидыша, это значит, что этого ребенка нужно спасти и отправить в городской детский дом. Для этой цели создаются две женские группы, одна в гетто — из еврейских женщин — для передачи детей через забор и другая вне гетто — из белоруссок — для приема наших детей и отправки их в условленное место.

На Оберковой улице у самой границы гетто живут рабочие фабрики «Октябрь». Во время оккупации фабрика была превращена в интендантство для гитлеровских авиационных войск. Там помещаются мастерские, в которых работают несколько сот евреев. Каждый день рано утром, еще до того как колонны выходят на работу, у границы гетто уже стоят товарищи Ривка Норман, Геня Пастернак, Гиша Сукеник и др. Они ждут сигнала с другой стороны. На той стороне, вне гетто, живет белорусская семья Вороновых. Отец работает в подпольной типографии; сын занят переправой людей и оружия к партизанам; жена сына носит передачи арестованным товарищам и укрывает людей, которым грозит опасность. Ранним утром она уже на посту и подает сигналы еврейским товарищам, всё ли спокойно на улице и можно ли перебросить детей. Дома у нее уже ждут белорусские товарищи Мария Ивановская, Татьяна Герасименко, Леля Ревинская и др. Благодаря этой организации каждый раз удается спасти из гетто нескольких детей. Уже в первую пару недель им удается переслать таким образом в белорусские детские дома более 70 еврейских детей из Минского гетто».

В этом рассказе несомненно есть преувеличения. (Немыслимо, конечно, чтобы Воронова носила передачи арестованным товарищам — и тем привлекала к себе и своему дому внимание полиции, — если ее муж занят отправкой людей и оружия в партизанские отряды, а живущий с ними отец мужа работает в подпольной типографии. Не внушает полного доверия и рассказ о соглашении с «доверенным человеком» в городском управлении: подкидышей всё равно отправляют в городские детские дома и для этого не нужно специального соглашения. Трудно представить себе также, чтобы в течение недель возможно было изо дня в день, в то же время и на том же месте перебрасывать детей через ограду гетто и чтобы это оставалось

незамеченным. Судя по всему, что известно о жизни гетто, во всех такого рода начинаниях необходимо было проявлять гораздо больше изобретательности и постоянно искать новых и новых способов обмануть внимание стражи.).

Но основной факт — образование какой-то группы белорусских женщин для спасения еврейских детей — сообщается с такими подробностями, которые внушают в известной мере доверие. Как ни минимально число спасенных детей по сравнению со многими тысячами детей, погибших в Минском гетто, моральное значение попытки организованного спасения их нельзя недооценивать.

Всё же это было редкое исключение. Что случаев спасения евреев не-евреями было очень мало, к сожалению, не может вызывать сомнений. Стоит вспомнить очерки Василия Гроссмана о впечатлениях его в освобожденной правобережной Украине в конце 1943 г. (Эти очерки Гроссмана были озаглавлены «Украина без евреев» и были напечатаны в «Айникайт» 25-го ноября и 2-го декабря 1943 года (и затем в ряде американских газет); но в «Красной Звезде», военным корреспондентом которой был Гроссман, они напечатаны не были, да и в «Айникайт» печатание этих очерков было оборвано и «продолжение следует» в № от 2-го декабря осталось не реализованным. Заслуживает внимания, что и в изданном в 1945 году в Москве (по-русски) большом томе очерков и корреспонденции Гроссмана «Годы войны» «Украины без евреев» не оказалось.):

«Я объехал и обошел эту землю от Северного Донца до Днепра, от Ворошиловграда в Донбассе до Чернигова на Десне. Я подошел к Днепру и бросил взгляд на Киев — и за всё это время я встретил одного еврея. Это был лейтенант Шлема Каперштейн, который в сентябре 1941 года попал в окружение в районе Яготина».

Он был спасен украинской крестьянкой, которая укрывала его в течение двух лет, выдавая за молдаванина. Гроссман слышал также от знакомых, что они видели отдельных евреев в Харькове и Курске. Эренбург передал Гроссману, что он встретил в северной Украине еврейскую девушку-партизанку. «Это всё». — Лейтенант Шлемин писал тогда же в «Айникайт» («Айникайт» от 2-го декабря 1943 г.), что в Гомеле после освобождения от немцев он не встретил ни одного еврея — ни в самом городе, ни в окрестных местечках.

Позже, когда были освобождены также более западные области Белоруссии и правобережная Украина, в которой много лесов и поэтому было больше возможностей скрываться от немцев и было более развито партизанское движение, выяснилось, что

число выживших евреев больше, чем сначала полагали, и спасшиеся исчисляются не единицами, но в отдельных областях десятками и, может быть, сотнями, а в целом тысячами. Но спаслись они главным образом благодаря собственным усилиям и лишь очень немногие благодаря помощи местного не-еврейского населения.

На этом я остановлюсь ниже при анализе еврейской проблемы в партизанском движении. Сомневаться нет возможности: общее количество евреев, спасенных не-евреями, оставалось ничтожным, — ничтожным и по сравнению с относительным количеством евреев (и тем более еврейских детей), спасенных не-евреями не только во Франции, Бельгии или Голландии, но и в Польше. И если в странах Западной Европы это еще можно объяснить меньшей жестокостью гитлеровского террора — и соответственно меньшей запуганностью населения — и более высоким уровнем культуры, то для Польши эти аргументы уже не действуют: террор в Польше не уступал террору в Белоруссии и Украине, а уровень культуры тут и там был приблизительно одинаков.

Между тем и абсолютное число спасенных поляками евреев, и процент спасенных евреев оказались в Польше значительно выше, чем в оккупированных областях Советского Союза.

(По-видимому, решающее значение имел при этом факт создания в Польше специальной организации для помощи евреям: в 1942 году по решению польского подпольного правительства был создан Совет Помощи Евреям (Rada Pomocy Zydom), в состав которого вошли представители всех польских демократических партий и в распоряжение которого были предоставлены правительственные средства. Кроме того, и католическая церковь, как таковая (как, кстати, и во Франции), проявила активное участие в деле спасения евреев, и немало еврейских детей были, в частности, укрыты и спасены в монастырях. См. об этом «Ин ди иорн фун идишен хурбн», Нью Йорк, 1948 г., изд. «Унзер Цайт», стр. 79–80 и 101–102, *Бернар Голдштейн,* «Финф иор ин Варшавер гетто», Нью Йорк, 1947 г., изд. «Унзер Цайт», стр. 373 сл., «Ruch Podziemny w Ghettach i Obozach (Materialy i Dokumenty)», собрала Betti Ajzenstajn, опубликовала Centraina Zydowska Komisia Historyczna w Polsce, Warszawa-Lodz-Kraköw, 1946, СТр. 68.). Почему?

Это может казаться загадкой. Мы знаем, правда, что антисемитизм не вымер в Советском Союзе. Всё же в последнее десятилетие перед войной он был здесь гораздо слабее — кроме, может быть, некоторых частей Украины, — чем в Польше, стране (по многим причинам) широко распространенного,

традиционного, народного антисемитизма. Между тем население Польши проявило гораздо больше отзывчивости к еврейскому бедствию, чем это имело место в Советском Союзе.

(С этой точки зрения — для правильной оценки относительных масштабов помощи, которую евреи встречали со стороны не-еврейского населения Советского Союза, — заслуживает внимания рассказ д-ра Марка Дворжецкого о помощи евреям со стороны поляков и литовцев в зараженной традиционным антисемитизмом Вильне. Дворжецкий отнюдь не склонен преувеличивать эту помощь; он подчеркивает, что активно помогала евреям лишь очень небольшая часть населения. Но вот важнейшие из фактов, которые он перечисляет:

Ряд профессоров Виленского университета (автор называет семь имен) тайно и с большим риском систематически помогали евреям: прятали их, помогали деньгами, продавали для них вещи и т. п. Директор виленского архива совместно с одним литовским учителем и польской монашкой укрывали и спасли двенадцать евреев (все укрывавшие и спасенные названы поименно). Много евреев были спасены несколькими польскими женщинами (автор называет трех полек, из которых каждая спасла несколько десятков человек). Широкий характер носила помощь, которую оказывали евреям их бывшие домашние работницы и няни, спасшие, в частности, немало еврейских детей. Автор особо останавливается на помощи евреям со стороны католического духовенства и называет поименно ряд священников — поляков и литовцев — которые помогали евреям, укрывали их и призывали своих прихожан делать то же (некоторые из них за это пострадали). Настоятельница Бенедиктинского монастыря под Вильной скрывала в монастыре 17 евреев, связанных с организацией сопротивления в виленском гетто, и в монастыре же в ноябре 1941 года состоялась встреча представителей этой подпольной организации с курьером (поляком), присланным варшавским еврейским подпольем. В качестве курьеров виленской подпольной организации автор называет среди других двух полек, неоднократно ездивших в Ковно, Белосток, Варшаву и пр. (одна из них погибла). И т. д.

«Я полагаю, пишет Дворжецкий, что число поляков и христиан вообще, укрывавших евреев, было значительно больше, чем нам известно. Деревенские поляки проявили при том гораздо больше сердечности, чем горожане. И наверное, значительно большее число поляков укрывало бы евреев, если бы не панический страх, что у них обнаружат евреев. Немцы повесили на Кафедральной площади в Вильне человека (это был еврей), расклеили плакаты на улицах и объявили в газетах, что это

христианин, наказанный за помощь евреям; труп висел так несколько дней».

См. д-р *Марк Дворжецкий,* «Иеурашалаим д'Лита ин камф ун умкум», Париж, изд. Еврейского Народного Союза во Франции и Еврейского Национального Рабочего Союза в Америке, 1948 г. стр. 326–331, 335, 338, 345–346. Это показания очевидца об одной лишь Вильне.).

Чем объяснить эту роковую для евреев пассивность советских людей?

Ответить на этот вопрос можно только гипотетически. Советские люди так привыкли подчиняться власти, так привыкли молчать, наблюдая акты насилия, подавлять в себе проявления естественной реакции на насилие, что в массе своей они оказались даже и психологически неспособны к здоровой реакции на гитлеровскую политику истребления евреев. Даже испытывая чувство ужаса перед совершаемыми над евреями насилиями, они пассивно наблюдали их, и едва ли многим приходила при этом в голову мысль, что они сами могли бы что-либо сделать, чтобы — с риском для себя — спасти того или иного еврея. Вероятно, было немало случаев, когда эта пассивность имела и дальнейшее психологические последствия, пробуждая у нееврев, пассивно наблюдающих гибель евреев, потребность в самооправдании и вызывая у них — в качестве защитного механизма — чувство глухой враждебности к евреям. Так пассивность по отношению к гитлеровской политике истребления евреев расчищала почву для успеха в местном населении гитлеровской пропаганды антисемитизма.

Но не всё население пассивно принимало оккупацию. Движение сопротивления оккупантам охватило значительные массы населения. Сказалось ли это в какой-то степени и, если да, то в какой и как на отношении населения к еврейской трагедии?

Боролось ли подполье с политикой истребления евреев?

Что особенно поражает при анализе отношения населения оккупированных областей к гитлеровской политике истребления еврейства, это почти полное отсутствие реакции организованного подполья на эту политику. Выше, правда, приводился протест литовской подпольной группы, выпущенный еще в первую военную зиму. Но этот протест и эта группа не характерны для массового движения сопротивления, развернувшегося почти повсюду в оккупированных областях. Движение это — главным образом в форме партизанщины — очень рано установило связи с

«большой землей», т. е. с Советским Союзом по ту сторону фронта, получая оттуда помощь и инструкции, и было по существу в преобладающей своей части советской организацией сопротивления в немецком тылу.

В коллекции немецких документов ИВО имеется большое количество подпольных листков (частью в оригинале, частью в немецком переводе), распространявшихся в Белоруссии и в Прибалтике в период немецкой оккупации и исходивших от этого просоветского подполья. Но за одним исключением в них никогда не упоминается об истреблении евреев. Приведу лишь наиболее характерные примеры.

В феврале 1942 года в Литве получил распространение листок ЦК компартии Литвы (Архив ИВО, Осс Е 3bα-63.): немцы грабят население, поджигают, убивают, принесли безработицу, принудительный труд, тиф и другие эпидемии, «уничтожают литовскую культуру, изгнали литовский язык из общественной жизни и радио, принудительно и вероломно германизируют нашу родину», «уничтожили литовскую государственность и общественную жизнь», литовцы у себя на родине превращены в бесправную расу, «на каждом шагу немцы оскорбляют литовское национальное достоинство». — Но об уничтожении евреев ни слова.

Осенью того же года в Литве был обнаружен листок, посвященный немецким зверствам в Литве, Латвии и Эстонии, подписанный рядом известных коммунистических и прокоммунистических писателей трех балтийских стран (Архив ИВО, Осс Е 3bβ19.) (вероятно, листок этот вышел и по-латышски, и по-эстонски). Но и здесь нет ни слова о евреях.

В конце лета 1942 года ЦК компартии Белоруссии выпустил воззвание «Гитлер Освободитель» (Архив ИВО, Осс Е 3a-15.):

Гитлер это «освободитель от жизни». Но даже и тут нет ни слова о евреях.

Накануне 1-го мая 1943 года в Белоруссии получило распространение воззвание «К трудящимся Белоруссии» за подписями секретаря ЦК компартии Белоруссии Пономаренко и председателя Верховного Совета Белоруссии Наталевича (Там же.). В нем очень энергично говорилось об «истреблении наших людей» гитлеровцами. «В одном лишь районе Витебска в последнее время было убито, сожжено и отравлено более 40 000 женщин, стариков и детей». Но о том, что эти «убитые, сожженные и отравленные» в подавляющем большинстве были евреями и что основной задачей всей этой гитлеровской «акции» было полное истребление евреев, — в воззвании не было ни слова.

Единственное исключение в коллекции ИВО составляет воззвание «Союза Освобождения Литвы», напечатанное в № 1 подпольной литовской газеты «Отечественный Фронт» от 1-го июня 1943 года (Архив ИВО, Осс Е 3bα-45.). Газета эта — это очень наглядно обнаруживается из всего ее содержания — выпущена была просоветским подпольем и лишь была камуфлирована (довольно неискусно), как литовско-национальный орган. Напечатанное в ней воззвание Союза Освобождения Литвы призывает литовских полицейских и солдат сопротивляться попыткам немцев использовать их для истребления «евреев и других народов». Характерна при этом аргументация воззвания, напоминающая аргументацию цитированного выше литовского националистического листка:

«Ты должен отдать себе отчет в том, что немцы хотят уничтожить литовский народ. Сперва они уничтожают нас морально, пытаясь сделать всех литовцев палачами. Позже немцы перестреляют нас, так же, как евреев, и в свое оправдание перед всем светом будут ссылаться на то, что литовцы испорченный народ, палачи и садисты».

Это воззвание, мало характерное для просоветского подполья и, по-видимому, явившееся уступкой настроениям, с которыми подполье должно было считаться, не изменяет общей картины. Подполье в решающей своей части игнорировало гитлеровскую политику истребления евреев.

(Коллекция листков в архиве ИВО, конечно, неполна, но она достаточно велика, чтобы ее можно было считать показательной. Из других источников можно отметить белорусскую подпольную газету «Червоная звязда», орган Барановичского райкома компартии Белоруссии, от 17-го февраля 1944 года, воспроизведенную фотографически в книге *Моше Кагановича о* еврейских партизанах (стр. 14–15), о которой речь будет ниже. Весь номер посвящен зверствам гитлеровцев в г. Слониме и начинается статьей «Жуткие еврейские погромы». Но это всё же печаталось уже в 1944 году, т. е. в более поздний период, когда победа над Гитлером была уже обеспечена и когда и в Советском Союзе политика замалчивания гитлеровского антисемитизма дала трещину. Возможно также, что номер этот был составлен евреем, что отразилось на его содержании; в пользу этого предположения говорит необычная ошибка при верстке номера: первая колонка его первой страницы (с началом статьи о погромах) помещена не с левой, а с правой стороны страницы, что нелепо в белорусской (и в русской) газете, но обязательно в еврейской.).

Эта установка подполья была продиктована

оппортунистическими соображениями, на которых мы остановимся ниже при анализе аналогичного явления в неоккупированных областях Советского Союза. Этот оппортунизм в основе своей не был антисемитичен, но он укреплял в населении настроения пассивности — о них уже была речь выше — пред лицом чудовищного по своему размаху гитлеровского антисемитизма, и тем расчищал почву для усиления влияния гитлеровской пропаганды на население оккупированных областей.

И всё же подполье сыграло известную роль в деле спасения евреев, главным образом поскольку сами евреи уходили в подполье и растворялись в массе партизан. Растворение это, однако, далеко не всюду было возможно и иногда сопровождалось болезненными трениями междунационального характера. На этом необходимо остановиться.

Еврейская проблема в партизанском движении

Партизанское движение сыграло огромную роль в жизни еврейства оккупированных областей, или, точнее: в жизни той незначительной части еврейства, которой удалось пережить голгофу 1941/44 годов. Пока война продолжалась, мы знали о партизанском движении мало, и только сейчас, после опубликования ряда книг, написанных бывшими партизанами или со слов бывших партизан, можно более или менее полно восстановить эти трагические и часто героические страницы новейшей истории. Имеется сейчас немало и архивного материала, доступного независимому исследователю, облегчающего изучение этой сложной проблемы. Из архивных материалов заслуживают специального упоминания показания евреев-партизан, собранные в очень большом числе Еврейской Исторической Комиссией в Польше (часть этих показаний имеется в фотостатических копиях в ИВО в Нью Йорке), значительная часть которых относится к восточным провинциям Польши, присоединенным в 1939 году к СССР, а многие и к коренным областям Советского Союза.

В рамках настоящей работы нас интересует, однако, не партизанское движение в целом, и даже не проблема участия евреев в партизанском движении во всем ее объеме, а лишь проблема взаимоотношений между партизанами-евреями и неевреями и взаимоотношений между евреями-партизанами и местным не-еврейским населением. В советской литературе, посвященной партизанскому движению, вопросы эти обычно просто обходятся молчанием. Так, в воспоминаниях Ковпака

(*Сидор А. Ковпак,* «От Путивля до Карпат», Москва-Ленинград, 1945 г.), самого знаменитого вождя советских партизан, «дивизия» которого в течение более двух лет оперировала в Белоруссии и Западной Украине, или в гораздо более содержательных воспоминаниях одного из ближайших сотрудников Ковпака Вершигоры (*Петро Вершигора,* «Люди чистой совести», «Знамя», 1945 г., август, 1946 г. апрель-июль. Есть и отдельное издание.) нет даже и намека на существование какой-либо еврейской проблемы в партизанском движении, да и евреи встречаются среди партизан в этих воспоминаниях лишь в виде редкого исключения (Воспоминания Ковпака и Вершигоры это наиболее интересные работы, появившиеся в советской русской литературе о партизанском движении в западной части Советского Союза, т. е. главным образом в Белоруссии и правобережной Украине. В левобережной Украине, почти безлесной, партизанское движение почти отсутствовало, а в партизанском движении в Крыму и на Северном Кавказе еврейской проблемы даже и не возникало, так как количество евреев в этих краях было относительно невелико.). Но и еврейские советские авторы, писавшие о еврейском движении сопротивления и об участии евреев в партизанском движении (См. книги *Г. Смоляра,* «Фун Минскер гето», Москва, «Эмес», 1946 г.; *М. Елина и Д. Гельперна,* «Партизанер фун Каунасер гето», Москва, «Эмес», 1948 г. (много интересных данных о еврейском движении сопротивления, но нет ничего по интересующему нас вопросу); *М. Лев,* «Партизанер вегн», Москва, 1948 г. (полу-репортаж очень невысокого качества; еврейского вопроса для автора не существует).), либо просто обходят проблему взаимоотношений между евреями и не-евреями в партизанском движении молчанием, либо касаются ее лишь мимоходом, не сообщая ничего сколько-нибудь важного.

Большую работу по собиранию материалов об участии евреев в партизанском движении проделали бывшие партизаны в лагерях Италии и в Палестине. Значительное большинство переживших войну партизан-евреев, участвовавших в партизанском движении в Белоруссии и Западной Украине, эвакуировались в последний период войны или тотчас после ее окончания в Польшу (причины этого массового бегства из Советского Союза евреев — бывших партизан будут выяснены ниже).

В Польше бывшие партизаны организовали — в мае 1945 года в Лодзи — Союз (бывших) Партизан (евреев), «Пахах» («Партизан-Хаил-Халуц»), члены которого впоследствии в большинстве своем двинулись на запад, в Австрию и главным образом в Италию,

чтобы отсюда пробираться в Палестину (или — меньшинство — в Америку). Уже при образовании Союза в рамках его была создана Центральная Историческая Комиссия, которая немедленно приступила к собиранию материалов и заинтересовала очень большое число партизан составлением докладов об отдельных партизанских отрядах, отдельных эпизодах и отдельных проблемах партизанской борьбы и жизни евреев в лесах в годы оккупации. Многие партизаны очень целесообразно заполнили позже этой работой свой вынужденный досуг в итальянских (отчасти и в австрийских) лагерях, и на основании всего собранного таким образом материала неутомимый бессменный председатель Исторической Комиссии Моше Каганович, сам бывший партизан (из городка Ивье близ Лиды), выпустил осенью 1948 года в Риме большой том, посвященный участию евреев в советском партизанском движении (*Моше Каганович,* «Дер идишер онтайл ин партизанер-бевегунг фун Совет-Русланд», изд. Центральной Исторической Комиссией Союза Партизан «Пахах» в Италии, Рим, 1948 г.).

Автор ограничил свою задачу анализом развития партизанского движения в районах, где движение это ориентировалось на Советский Союз и получало от него помощь и руководство. О партизанском движении собственно в Польше он говорит лишь мимоходом. Сам автор относится с симпатией к Советскому Союзу и с большим доверием к советской пропаганде. Это сказывается на изложении им событий, там, где он пишет, доверяя слухам, и иногда приводит его к ошибкам.

Но это исключает подозрение по отношению к автору, в том, что он — вольно или невольно — сгущает краски из-за враждебности к Советскому Союзу. При всей своей доверчивости к советским сообщениям автор, однако, внутренне независим и стремится в основном опираться на свой собственный опыт и на показания партизан, которых он знает, проверяя эти показания всюду, где это возможно. И он не останавливается пред раскрытием и теневых сторон партизанского движения, как бы это ни противоречило советской легенде. Автор, конечно, не бесстрастный историк, а свидетель и участник событий о которых он пишет, и он и сейчас еще находится во власти впечатлений и настроений недавнего прошлого, что затрудняет ему объективное изложение и анализ событий. Но субъективно он стремится к беспристрастному и спокойному анализу, что ему во многих местах удалось в гораздо большей степени, чем это могло казаться вероятным, и он написал действительно во многих отношениях замечательную книгу.

(Говоря о книге Кагановича, нельзя обойти молчанием одну

ее резко выраженную черту, которая к нашей теме отношения не имеет, но достоинство книги понижает. Это прямо кровожадное отношение автора к немцам, в котором чувствуется влияние гитлеровской заразы и которое делает автора неспособным поставить жестокость партизан-евреев по отношению к немцами и к тем, кто им помогали, в правильную историческую перспективу. Можно и должно признать, что в условиях зачаточного существования человеческого общества жестокая месть с воздаянием равным за равное не есть просто проявление жестокости, а зачаточная форма права. И нельзя осуждать евреев оккупированных областей за то, что кровавый разгул гитлеровского безумия вернул их к этим первобытным представлениям. Но трудно, напр., примириться с тем, что автор в обстановке мира, через три года после уничтожающего разгрома гитлеризма, не столько исторически и психологически объясняет, сколько глорифицирует предание еврейскими партизанами пленных немцев «еврейской смерти» по страшным, установленным Гитлером, образцам.). В частности по интересующему нас вопросу — о еврейской проблеме в партизанском движении — книга эта содержит исключительно ценный материал.

Уход евреев в оккупированных областях в подполье носил в целом иной характер, чем уход в подполье не-евреев. Среди не-евреев в подполье уходили лишь люди, способные принять участие в борьбе и готовые бороться. Часто и для них уход в подполье был единственным путем к личному спасению, и личное спасение открывалось для них лишь в рамках активного участия в партизанском движении. Тот, кто физически был к этому неспособен, либо оставался на месте, либо перебирался в другое место, испытывал на себе гнет немецкой оккупации, но не рвал с привычным окружающим миром.

У евреев положение было иное. Пред евреями вставала неумолимая альтернатива: смерть или бегство в леса, и чем леса глуше, тем лучше. Бежать было чрезвычайно трудно, вероятность гибели была громадна.

Но другого выхода не было. Поэтому бежали целыми семьями, со стариками и детьми, запасшись по возможности каким-либо оружием (обычно покупавшимся — через третьих лиц — у немецких солдат или у полицейских), бежали иногда очень значительными группами из гетто, бежали из поездов смерти. Лишь бы попасть в лес, а там будь что будет.

Таких беглецов были многие тысячи. Они не могли сгруппироваться в боевые партизанские отряды и тем более не могли влиться в уже существующие боевые отряды. Это привело к

созданию в глухих лесах еврейских семейных лагерей и нередко и еврейских партизанских отрядов, одной из главных задач которых была охрана еврейских семейных лагерей. К образованию еврейских партизанских отрядов толкали боеспособных молодых евреев и трудности, на которые они наталкивались при попытках войти в какой-либо из существующих не-еврейских отрядов.

В этой обстановке создавались часто напряженные отношения между партизанами не-евреями и евреями. Среди партизан не-евреев очень значительный процент составляли люди, побывавшие в немецком плену или на немецких принудительных работах и в течение довольно продолжительного времени находившиеся под влиянием гитлеровской антисемитской пропаганды. Влияние этой пропаганды проникало очень глубоко, и антисемитские настроения в партизанской среде — особенно в 1942 и 1943 годах — сказывались и часто, и резко. Вот как описывает Каганович «тернистый путь еврейских партизан» (*Каганович,* стр. 165–167.):

«Быть принятым в советский боевой отряд было не легкой задачей. Были отдельные русские отряды, которые принципиально не принимали евреев. Они мотивировали это тем, что евреи будто бы не умеют и не хотят бороться.

Для еврея первым условием принятия в отряд было — иметь оружие. Многие молодые евреи, у которых не было возможности достать оружие, должны были уходить в семейные лагеря или семейные отряды, которые принимали всякого спасшегося еврея.

Прибывавшие не-евреи тотчас же получали от партизан оружие. Нередко случалось, что для этого у еврея-партизана отбиралось его оружие, с которым он прибыл в отряд, или оно заменялось худшим оружием. Этот поразительный факт национальной дискриминации начальство и политические руководители объясняли высшими политическими соображениями: для еврея нет другого выхода, для него нет возврата; а перед белоруссом, поляком или украинцем открыто много возможностей: он может поступить в полицию, во власовскую армию или на какую-либо должность у немцев, хорошо оплачиваемую и позволяющую грабить население и широко пользоваться бесхозяйным еврейским имуществом, поэтому его нужно во что бы то ни стало втянуть в ряды борцов против немецких оккупантов.

Следует по справедливости отметить, что с усилением притока советского оружия боеспособные молодые евреи начали и без оружия приниматься в отряды. Но евреи всё же оставались в заколдованном кругу. Небоеспособных упрекали: «Для чего вы сюда пришли? Почему вы не боретесь?» А боеспособным,

желавшим поступить в отряды, отвечали: «Ваше золото [!] вы отдали немцам, а теперь пришли к нам, чтобы спасти свою шкуру?» Тем, кто пришел позже, бросали упрек: «Где вы были до сих пор? Работали на немцев? Спали под перинами [!] в гетто?»

При таком отношении к евреям-партизанам не приходится удивляться, что часть евреев (особенно русских евреев из восточных областей), которые благодаря своей внешности и знанию русского языка могли это сделать, скрывали свое еврейское происхождение и выдавали себя за русских, татар, армян и др.

Особенно страдали от партизан-антисемитов семейные лагеря.

Когда евреи при ликвидации гетто бежали в партизанские районы, их подстерегали в засаде русские партизаны и грабили их до нитки. Так лидские евреи, бежавшие из поезда, который отвозил их в Майданек, были ограблены партизанами отряда «Искра» (Ново-грудского района). Когда Белицкий семейный лагерь вынужден был перейти в семейный лагерь близ деревни Демьяновцы, евреи подверглись в пути нападению и были ограблены, а некоторые даже избиты партизанами антисемитского отряда «Ворошилов», известного под именем Лидского.

Бывали также случаи, когда русские отряды устраивали засаду против возвращавшихся с «хоззадания» евреев и отнимали у них добытое с опасностью для жизни продовольствие. Не раз отряды Бельского и Зорина [еврейские отряды] подвергались такому ограблению, и не всегда начальникам этих отрядов удавалось добиться через высшее партизанское руководство возвращения отнятого. Нередко события такого рода сопровождались также человеческими жертвами».

Особенно поражает в этом рассказе глубокое непонимание еврейской трагедии партизанами не-евреями и упреки их евреям, бегущим в леса. Поразительно, что такие же упреки евреям-партизанам приходилось слышать и из уст людей, не прошедших страшной гитлеровской школы. Каганович вспоминает «октябрьскую ночь в 1943 году в Липичской пуще» и беседу у костра с парашютистами, только что прибывшими с другой стороны фронта (Там же, стр. 70.):

«Они засыпали нас вопросами. Вопросы эти нас жгли и не давали нам покоя. Вместо симпатии к единицам, оставшимся в живых из состава больших еврейских общин, мы наблюдали тенденцию уязвить нас, оскорбить, сыпать соль на наши раны. Мы пытались приподнять завесу, мы рисовали перед ними картину гетто и останавливались на всех моментах, которые должны были

объяснить им трагедию нашего народа»…

Но все аргументы евреев-партизан как-то не производили ожидавшегося впечатления. На почве такой предвзятости по отношению к евреям нередко в партизанской среде возникали чудовищные обвинения против евреев в сотрудничестве с немцами и в шпионстве в пользу немцев (Там же, стр. 183. См. также книгу братьев *М. и З. Бельских.* «Иехудей яар» («Евреи в лесах»), Тел-Авив, 1946 г., стр. 164.):

«Как это еще в 1943 году евреи остаются в живых в Лидском гетто? Почему евреи работают в мастерских для немцев и на их военные нужды? Разве это не лучшее доказательство того, что евреи сотрудничали с немцами? Может быть, последние выжившие в Лидском гетто евреи действительно благодарны своему доброму областному комиссару и они уходят в леса, чтобы шпионить?»

Такие обвинения повторялись не раз. Дошло до того, что в сентябре 1943 года предостережение против евреев-шпионов было высказано в приказе по партизанским отрядам (*Каганович,* стр. 183.). Доходило и до худшего, вплоть до подозрений, выдвинутых против бежавших из Минского гетто еврейских женщин, будто они подосланы немцами, чтобы подбрасывать яд в приготовляемую для партизан пищу (Там же.).

Это, конечно, крайний случай, но возможен он был в партизанской среде только в обстановке широко распространенной враждебности к евреям. В книге Кагановича приводится множество материала, рисующего часто невыносимое положение евреев в партизанском мире. Элементарная враждебность по отношению к семейным лагерям и к небоеспособным вообще, как к «лишним ртам».

(Там же, стр. 149). Заметное количество случаев убийства евреев из семейных лагерей, и — особенно из-за оружия — из среды партизан-евреев (Там же, стр. 149, 170, 177, 180–181, 185.). В некоторых отрядах антисемитизм был так силен, что евреи чувствовали себя вынужденными бежать из этих отрядов и уходить в другие районы (Там же, стр. 175.). Был даже случай, когда начальник 53-ей группы отряда «Щорс» в районе Волчьей Норы приказал всем евреям уйти из его района; многие сумели пробраться в другие районы, но часть евреев вынуждена была вернуться в гетто, где они вскоре и погибли (Там же, стр. 155–156.).

О масштабах этих тяжелых явлений судить трудно. Но судя по книге Кагановича — а выше приведена лишь сравнительно небольшая часть сообщаемого им материала — партизанское движение в массе своей было заметно заражено антисемитизмом.

(Много данных, подтверждающих эти наблюдения Кагановича, можно найти в материалах Еврейской Исторической Комиссии в Польше (см. показания бывших партизан Лазаря Бромберга, Веньямина Домбровского, Иосифа Эльмана, Фимы Гельфанд, Абрама Лерера, Янкеля Резника, Исера Шварца; фотостатические копии в ИВО, Нью Йорк) и в «Bulletin of the Joint Rescue Committee of the Jewish Agency for Palestine», в показаниях бывших партизан Р. К. («Bulletin», March, 1945, pp. 19–20), Абрама Л. (April B, 1945, p. 21), Иом-Тува М. (May B, 1946 pp. 9–14), Т. Бельского (August, 1947, p. 13).).

Были, правда, и факты иного характера, свидетельствовавшие о готовности части партизанского движения защищать евреев. Автор передает, что Москва будто бы предписала партизанскому командованию заботиться о небоеспособных — т. е. практически о еврейских семейных лагерях, — подчеркнув, что спасение советских людей должно рассматриваться, как одна из боевых задач партизанского движения (*Каганович,* стр. 143.). Подлинность этого приказа вызывает некоторые сомнения (Автор не сообщает даже, когда было дано это распоряжение. К сожалению, уверенности, что это не апокриф, быть не может. В другом месте автор не только упоминает, но и прямо цитирует (!) указ Президиума Верховного Совета СССР за подписями Калинина и Горкина, «от конца 1941 года», предписывающий предоставлять специальные транспортные средства для эвакуации евреев из угрожаемых Гитлером областей (стр. 188). Но такого указа в действительности никогда издано не было. См. об этом ниже страницы 238–239. Это вынуждает отнестись с некоторым скептицизмом и к сообщению автора о приказе Москвы о защите евреев.).

Но если такого приказа и не было, факты такой помощи еврейским семейным лагерям имели место, и они, конечно, скрашивают тяжелую картину жизни евреев в лесах. «В Липичской пуще были отдельные русские отряды, которые из своих собственных продуктов выделяли продовольствие для семейных лагерей» (*Каганович,* стр. 151.). На Волыни, где вообще установилась более здоровая обстановка, так как большая часть территории находилась здесь во власти партизан и партизанское командование создало здесь зачаточную регулярную администрацию, семейные лагеря находились под защитой и снабжались продовольствием партизанскими отрядами (Там же, стр. 153–154.). О двух таких случаях сообщается и из Полесья (Там же, стр. 154.)

Были даже случаи нападения партизан на небольшие города в целях освобождения евреев из гетто и лагерей. Автор

перечисляет четыре таких случая. Это нападение отряда «Жуков» на Сверж и спасение 170 евреев, нападение 51-ой группы отряда «Щорс» на Коссово и спасение около 300 евреев, нападение одного из отрядов Ковпака на Скалат (в Галиции) и спасение нескольких сот евреев и нападение отряда «Дядя Ваня» на Молодечно и спасение и здесь значительного числа евреев (Там же, стр. 189–190.). Сомнений не вызывает, однако, только первое сообщение, но осуществлено было нападение на Сверж еврейским отрядом. Случай с Коссовым уже сложнее: в 51-й группе отряда «Щорс», сообщает Каганович, было значительное еврейское меньшинство и по его инициативе и состоялось будто бы нападение на город и освобождение евреев. Но об этом инциденте сохранилось в печати сообщение, рисующее события в Коссово иначе: это рассказ одного из спасенных в Коссово, Давида Лейбовича. 2-го августа 1942 года партизаны в количестве 300 человек действительно напали на город и выбили из него немцев; но вот как сложилась при этом судьба евреев (*Давид Лейбович,* «Бай Коссове ин Полесье» ин «Фун Лецтн Хурбн» (Цайтшрифт фар Гешихте фун Идишн Лебн бем Наци-Режим), Мюнхен, № 6, август, 1947 г., стр. 50.):

«После боя, который продолжался четыре часа, партизаны опять ушли в лес. Они взяли с собой молодых людей из среды наших [еврейских] рабочих. Более старших и слабых евреев они не согласились взять и оставили их в городе. Я с моим братом ушли с партизанами в лес.

На утро в понедельник [3-е августа] прибыли немцы из окружающей местности и перестреляли всех оставшихся в живых евреев».

Еще меньше доверия вызывает сообщение о спасательной операции в Скалате: оно явно основано на непроверенных слухах. (В воспоминаниях Ковпака упоминается и о занятии им Скалата (стр. 126), но здесь нет ни слова о спасении евреев. Между тем Ковпак обычно подробно перечисляет всё, что ему удалось осуществить: столько-то эшелонов пущено под откос, столько-то немецких складов уничтожено, столько-то продовольствия захвачено, немцев убито, железнодорожных станций разрушено и т. п. Если бы сообщение об освобождении евреев в Скалате было верно, тем более сообщение о нападении на город для спасения евреев, — о нем, конечно, в книге Ковпака было бы упомянуто. — В документах, собранных Еврейской Исторической Комиссией в Польше, имеется показание еврейской партизанки Фимы Гельфанд (Материалы Лодзинского Архива, протокол № 714, копия в ИВО), более двух лет проведшей в дивизии Ковпака и проделавшей с этой дивизией поход из Белоруссии в Галицию и

обратно, но и здесь нет ни слова о спасении евреев в Скалате.

В новейшей работе о Скалате история однодневного налета дивизии Ковпака на Скалат рассказана иначе: Войдя в город, партизаны Ковпака завладели немецкими складами, разрушили здания, в которых находились немецкие учреждения, взорвали мосты, — и всё это при активном содействии местных евреев. «Когда партизаны начали сборы в дорогу, почти все евреи просили их взять их с собой. Но их не захотели взять, так как — заявили партизаны — им нужны солдаты, здоровые люди, а не лагерные евреи, которые едва волочат ноги. Всё же когда советские оставили город, за ними убежало около 30 более здоровых лагерных евреев, ни за что не желавших оставаться там, где их ждала верная смерть. Солдаты отгоняли их палками, но они продолжали следовать за ними. После многих испытаний они через несколько дней получили оружие и их зачислили в партизанский отряд. Большая часть этой скалатской молодежи погибла в большом сражении на Карпатах». См. *Абрам Вейссброд,* «Эс штарбт а штэтл. Мгилес Скалат», изд. Центральной Исторической Комиссии Центрального Комитета Освобожденных Евреев в Американской Зоне Германии, под ред. *И. Каплана,* Мюнхен, 1948 г., стр. 133–135.).

А сообщение о Молодечно слишком лаконично, чтобы можно было судить о степени его достоверности (Об отряде «Дядя Ваня» нигде в книге Кагановича более не упоминается; по-видимому, в составе Союза Партизан не оказалось никого из этого отряда и сообщение о нападении на Молодечно основано на слухах.).

Автор рассказывает и о других фактах, которые должны быть отнесены в актив партизанского движения (*Каганович,* стр. 189.):

«Русское партизанское движение помогало евреям переходить через линию фронта на советскую сторону. Бригады Старека, Домбровского, Романова, Железняка, Дяткова и Мельника, оперировавшие непосредственно за немецкой линией фронта, переправили через фронт много тысяч евреев, разбежавшихся по лесам Западной Белоруссии, спасаясь от бойни.

Объединение генерал-майора Федорова-Черниговского (его операционный район: Черниговская область, позже Волынь) приняло из еврейских семейных лагерей в лесах более 500 еврейских детей, охраняло их и заботилось о них, доставляя им всё необходимое. После того, как Красная Армия заняла Сарны (на Волыни), некоторые отряды прорвали фронт и отослали еврейских детей в Москву».

Эти сообщения, вероятно, сильно преувеличены. Если бы речь шла действительно о спасении «многих тысяч евреев» и спасении еврейских детей сотнями, это оставило бы какой-либо заметный

след в советской печати, русской и еврейской, в воспоминаниях партизан, в материалах Еврейской Исторической Комиссии в Польше, в показаниях большого числа евреев, выбравшихся из Советского Союза после войны. Немыслимо, однако, допустить, что все эти сообщения просто основаны на ложных слухах. В основе их, вероятно, лежат реальные факты. И факты эти, даже если масштабы их значительно скромнее, чем сообщает Каганович, заслуживают внимания.

Картина в целом остается, однако, достаточно неприглядной. По-видимому, в большинстве отрядов антисемитизм либо прорывался открыто, либо существовал в приглушенном состоянии, создавая у евреев-партизан ощущение, что они в любой момент могут встретиться с проявлениями антисемитизма. Это отражалось даже на организационной политике высшего партизанского командования (Там же, стр. 141–142.):

«Зная о сильных антисемитских настроениях среди части партизан, руководство советским партизанским движением считало необходимым разбросать евреев по русским отрядам, чтобы евреи не так бросались в глаза и не давали повода антисемитам в партизанском движении обвинять евреев в трусости, если специальный еврейский отряд потерпит в борьбе поражение или если он будет вынужден по той или иной причине отступить…

В действительности оказалось, что евреи, разбросанные по большому числу русских отрядов, всё равно привлекали к себе внимание и вызывали вражду антисемитов.

Евреев обычно посылали на самые опасные боевые задания. Евреи в русских отрядах, хотели ли они этого или нет, должны были выполнять самые опасные поручения, чтобы только не усиливать антисемитских толков о еврейской небоеспособности и трусости.

Если русский отряд, рота, взвод, отделение терпел в борьбе или при выполнении диверсионного задания поражение или неудачу, это часто относилось за счет евреев. Евреи и здесь были козлами отпущения.

Геройские акты евреев часто приписывались нееврeям. Напротив, неудачи не-евреев приписывались нередко евреям…

В первой половине 1943 года атмосфера по отношению к евреям в некоторых русских отрядах сгустилась до того, что евреи опасались выходить на боевое задание с некоторыми из своих не-еврейских боевых товарищей».

После того, как с конца 1943 года начало все усиливаться в партизанском движении влияние более дисциплинированных

элементов, прибывших из Советского Союза, общее положение несколько улучшилось. Но всё же тяжелым оно оставалось до конца (Там же, стр. 186–187.):

«Антисемитизм и ненависть к евреям были так сильны, в такой степени захватывали временами в некоторых районах широкие круги партизан и даже часть руководства, что трудно было применять против антисемитов репрессии.

Нередко партизан-антисемит, которого нужно было судить за преступление, имел особые заслуги, отличился в борьбе с оккупантами, имел на своем счету много спущенных с рельс эшелонов и убитых немцев и пользовался славой бесстрашного героя. Командиры отрядов в известной степени защищали своих партизан-антисемитов и оправдывали это соображениями общетактического характера и военной необходимостью. Не приходится удивляться поэтому, что во многих случаях расследование совершенных преступлений заканчивалось ничем за невозможностью выяснить, кем совершено было преступление.

Всё это ответственные вожди партизанского движения и уполномоченные [коммунистической] партии объясняли следующим образом: Сейчас война, ничего нельзя сделать. Трудно остановить источник, из которого питается антисемитизм. Сейчас не время сводить счеты. Они [партизаны-антисемиты] храбро борются против оккупантов, не будем этому мешать. Трудно поддерживать строгую дисциплину в такой гигантской массе людей в условиях жизни в лесах. Настанет день, когда они за всё заплатят».

Одним из источников антисемитских настроений в партизанской среде был рост антисемитизма в среде местного крестьянского населения. Партизаны жили фактически за счет местного крестьянства, по хозяйству которого война и без того ударила очень тяжело, и которое подвергалось тяжелым поборам со стороны немцев (Там же, стр. 68–69.):

«Крестьянин находился между молотом и наковальней. Если он не сдавал «нормы» немцам, те сжигали его двор и убивали его, объявляя его «партизаном». А партизаны, с другой стороны, силой брали у него всё, что им было необходимо… Два с половиной года партизанского движения опустошили крестьянское хозяйство в партизанских районах. В Липичской пуще, например, были деревни, в которых перед освобождением оставалось по одной корове на четыре-пять дворов, по одной лошади на два-три двора».

По отношению к боевым отрядам крестьяне еще с этим кое-как мирились, сознавая необходимость борьбы с оккупантами. Но по отношению к семейным лагерям положение было гораздо

труднее, и реакция крестьян на изъятие у них их имущества — не только продовольствия, но иногда и обуви, и платья, в том числе и женского — была гораздо острее, причем реакция эта обращалась против евреев-партизан вообще и против еврейских отрядов, ведавших снабжением семейных лагерей, в особенности. В этой обстановке семена немецкой антисемитской пропаганды давали иногда в местном крестьянском населении пышные всходы, что чрезвычайно усиливало антисемитизм в среде партизан, связанных с местным крестьянством. Каганович, по-видимому, не вполне отдает себе отчет в этой причинной связи, но фактов антисемитизма местного населения он приводит множество.

Жизнь евреев в лесах — особенно это относится к небоеспособным — была очень тяжела и процент убыли был огромный — и от лишений, и от организуемых немцами облав и карательных экспедиций (при участии украинских, русских и иных наемников), и от всякого рода бандитов, которых много было в эти годы в лесах и часть которых проникала и в партизанские отряды (Там же, стр. 280.):

«До освобождения дожила лишь очень небольшая часть евреев, с такими нечеловеческими усилиями вырвавшихся из гетто в Западной Белоруссии и Украине.

Из гетто в Джетле бежало в Липичскую пущу около 800 евреев. Сейчас из них живы лишь 250.

Из более тысячи евреев, спасшихся из гетто в Пружанах, осталось в живых не более ста человек.

Из волынских городов и из Камень Каширска, Тутчина и Серника в Полесья спаслась очень значительная часть еврейского населения; но среди живых сейчас лишь единицы.

В городке Мире ушло из гетто 180 евреев, осталось в живых из них 40».

Замечательно, что процент гибели среди партизан был значительно ниже. Общее количество партизан-евреев в Белоруссии и Западной Украине достигало, по Кагановичу, 10–11 тысяч, из них погибло в боях около трех тысяч (Там же, стр. X.).

Приход Красной Армии привел к освобождению переживших эти страшные годы обитателей семейных лагерей. Но евреев-партизан ждали новые испытания: в отношении их элементы национальной дискриминации возникли после освобождения в новой, своеобразной форме.

(Там же, стр. 281–282. — Это не была общая политика: при освобождении власть на местах переходила непосредственно к местному партизанскому руководству, в деятельности которого

было много импровизации. Названные Кагановичем отряды, в которых при демобилизации проводилась национальная дискриминация, оперировали в Новогрудском районе (отряд «Орджоникидзе», *Каганович,* стр. 44), в районе Пинска («Красногвардейский», *Каганович,* стр. 55), в районе Слонима («Победа», *Каганович,* стр. 25 и 144–145). Но, как я выяснил из расспросов бывших виленских партизан в Нью-Йорке, принцип национальной дискриминации не проводился при демобилизации в Виленском районе, хотя и здесь был случай (в Ошмянах), когда начальник отряда при демобилизации послал всех евреев в армию; но этот начальник сам был евреем.

О национальной дискриминации при демобилизации отряда «Орджоникидзе» сообщают в своей книге и братья *Бельские* (см. выше, прим. к стр. 156), стр. 194–195.).

«Тотчас после освобождения еврейские партизаны были мобилизованы в Красную Армию в ее продвижении в Германию.

Были случаи, когда после демобилизации партизанских отрядов почти всех евреев посылали на фронт (отряды «Орджоникидзе», «Красногвардейский», «Победа» и др.)… Как правило, из не-еврейских отрядов посылали на фронт лишь тех, кто служил раньше в германской Вермахт и пришел в леса лишь во второй половине 1943 года, словом, тех, кто должен был загладить свою измену родине.

Партизан в их гражданском платье, с партизанским оружием, не подготовленных к этим условиям борьбы, не знакомых с тактикой открытого боя, — бросали в первые линии…

Немногие, которым «посчастливилось» стать тяжелыми инвалидами, остались в живых. Почти все другие погибли в боях под Волковыском, Белостоком и у озера Нарев».

От всего этого трехлетнего опыта у евреев, участвовавших в партизанском движении в Белоруссии и Западной Украине, осталось столько горечи и так обострилось еврейское национальное чувство, что когда к концу войны пред ними открылась возможность уехать из Советского Союза под видом «реэвакуации» в Польшу, большинство из них — в том числе и многие, награжденные орденами и медалями, — поспешили воспользоваться этой возможностью (*Каганович,* стр. 185.):

«Еврейский партизан должен был в лесу вести борьбу и против части антисемитски настроенных партизан. Он не мог ни на минуту освободиться от сознания, что он еврей. Ему это постоянно напоминали.

Редко национальное самосознание было так сильно среди евреев, как среди партизан в лесу. И не случайно, партизаны были первыми, заявившимися к репатриации, — чтобы

пробираться в Палестину, строить свой дом и, если уж отдать свою жизнь, отдать ее за свой народ».

Каганович, в соответствии со своими личными настроениями, может быть, несколько преувеличивает положительный элемент в этой психике бегства из Советского Союза — желание добраться до Палестины. Для большинства основным, по-видимому, был отрицательный момент: желание уйти оттуда, где пережито столько разочарований и столько обид. Это массовое бегство из Советского Союза бывших партизан-евреев, может быть, наиболее яркое свидетельство трагичности современного положения советского еврейства.

Вне районов немецкой оккупации

В районах немецкой оккупации положение было совершенно ясно: антисемитизм был официальной идеологией, энергично навязывавшейся населению. Антисемитизм встречал здесь активную поддержку лишь **со** стороны сравнительно небольшой части населения и активное противодействие со стороны ничтожного меньшинства. Огромное большинство относилось к нему с равнодушием и пассивностью, но пассивность эта при отсутствии энергичной контрпропаганды, постепенно подчиняла и это большинство влиянию гитлеровской антисемитской пропаганды.

Вне районов немецкой оккупации положение было гораздо сложнее. Об официальной пропаганде антисемитизма или о его неофициальной открытой пропаганде здесь, конечно, не могло быть и речи. Советское правительство отдавало себе отчет в том, что антисемитизм является очень острым оружием в руках Гитлера и что влияние гитлеровской антисемитской пропаганды проникает глубоко и в находящиеся вне района оккупации области, усиливая здесь элементы антисемитизма, выросшие на советской почве. Но советское правительство не только не вело систематической борьбы с антисемитизмом, но даже не давало населению возможности в полной мере оценить масштабы и значение гитлеровской политики истребления евреев. Это, конечно, не была политика прямого поощрения антисемитизма, это была лишь пассивная политика, но она имела чрезвычайно тяжелые последствия. На этих последствиях и на мотивах этой политики я остановлюсь ниже. Сейчас нам необходимо прежде всего установить факты.

Замалчивание гитлеровской политики истребления евреев

Борьба против гитлеровской идеологии и гитлеровской политики в разные периоды со времени прихода Гитлера к власти велась советским правительством различно. Но в этой борьбе советского правительства против гитлеризма поставленная себе Гитлером задача физического истребления еврейского народа никогда не получала сколько-нибудь полного освещения.

А в течение почти двухлетнего периода сталинско-гитлеровской дружбы гитлеровская политика истребления евреев и вовсе исчезла из поля зрения руководителей советского государства, и советская печать систематически замалчивала все проявления этой политики. Но и после разрыва этой дружбы и нападения гитлеровской Германии на Советский Союз положение в этом вопросе изменилось сравнительно мало.

До руководителей советской политики доходили, конечно, сведения о чудовищном размахе гитлеровской антисемитской пропаганды словом и действием, об ужасах, которые переживало еврейское население оккупированных областей. Но советская печать не только не пыталась бороться с этой пропагандой (в советской печати этого периода я не встретил *ни одной* статьи об антисемитизме!), но и просто почти ничего не сообщала о фактах истребления евреев. Правда, это не была политика полного замалчивания страшного еврейского бедствия. В этой политике чувствовалась, особенно в первый год войны против Гитлера, какая-то неуверенность. Но основная тенденция ее определилась очень ясно с самого начала.

В первые месяцы войны советская печать просто почти ничего не сообщала о том, что творится с евреями по ту сторону фронта. Но вот, 6-го января 1942 года советское правительство разослало всем правительствам, с которыми оно поддерживало дипломатические отношения, ноту — за подписью В. М. Молотова — «о повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях» («Правда» от 7-го января 1942 года. Нота эта перепечатана в изданном посольством СССР в Вашингтоне в декабре 1943 года сборнике «Soviet War Documents. June 1941 — November 1945», pp. 86–99.). Молчать в этой ноте о евреях не было, конечно, возможности; нужно было рассказать и об истреблении евреев. Но вот как это было сделано:

«Германские захватчики ни перед чем не останавливаются, чтобы в оккупированных ими районах советских республик всячески оскорблять национальное чувство русских, украинцев, белоруссов, латышей, литовцев, молдаван, эстонцев, а также тех отдельных лиц других населяющих СССР национальностей, которых они, встречая на своем кровавом пути, подвергают таким

же издевательствам и насилиям — евреев, грузин, армян, узбеков, азербайджанцев, таджиков и других представителей советских народов».

Здесь евреи еще совершенно тонут — к тому же в качестве «отдельных лиц» — в массе русских, литовцев, молдаван, узбеков и пр… Но нота Молотова этим не ограничивается:

«30 июня гитлеровские бандиты вступили в город Львов и на другой же день устроили резню под лозунгом «бей евреев и поляков». Перебив сотни людей, гитлеровские бандиты устроили «выставку» убитых в здании пассажа».

После этого приводится ряд конкретных фактов немецких жестокостей в Львове и в других местах и называется много имен пострадавших, но среди этих имен нет ни одного еврейского.

Всё же когда к концу ноты Молотов в третий раз вспоминает о евреях, мы находим и прямое указание на исключительный характер еврейского бедствия:

«Страшная резня и погромы были учинены немецкими захватчиками в украинской столице — Киеве. За несколько дней немецкие бандиты убили и расстреляли 52 тысячи мужчин, женщин, стариков и детей, безжалостно расправляясь со всеми украинцами, русскими, евреями, чем-либо проявившими свою преданность советской власти. Вырвавшиеся из Киева советские граждане описывают потрясающую картину одной из этих массовых казней: на еврейском кладбище гор. Киева было собрано большое количество евреев, включая женщин и детей всех возрастов; перед расстрелом всех раздели догола и избивали; первую отобранную для расстрела группу заставили лечь на дно рва, вниз лицом, и расстреливали из автоматов; затем расстрелянных немцы слегка засыпали землей, на их место вторым ярусом укладывали следующую партию казнимых и вновь расстреливали из автоматов.

Много массовых убийств совершено германскими оккупантами и в других украинских городах, причем эти кровавые казни особенно направлялись против беззащитных и безоружных евреев из трудящихся. По неполным данным, в гор. Львове расстреляно не менее 6000 человек, в Одессе — свыше 8000 человек, в Каменец-Подольске расстреляно и повешено около 8500 человек, в Днепропетровске расстреляно из пулеметов свыше 10 500 человек, в Мариуполе расстреляно более 3000 местных жителей, включая многих стариков, женщин и детей, поголовно ограбленных и раздетых донага перед казнью. В Керчи, по предварительным данным, немецко-фашистскими разбойниками было убито около 7000 человек».

Даже и тут Молотов пытается представить истребление евреев — и Киевскую бойню в Бабьем Яре — как часть репрессивной политики против «украинцев, русских и евреев». Но он не выдерживает этой роли до конца. И тот, кто прочитал целиком эту огромную ноту, узнал из нее о массовом истреблении евреев в Киеве, Львове, Одессе, Днепропетровске и др. Но советская печать этих сообщений не подхватила и еврейская проблема и после ноты Молотова осталась для печати табу. А в новой ноте Молотова от 27-го апреля 1942 года «о чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» («Правда» от 28-го апреля 1942 года, «Soviet War Documents», стр. 100–127 (здесь нота перепечатана с сокращениями, но они не коснулись тех мест, где речь идет о евреях).) тенденция отмолчаться от истребления евреев, как первоочередной, специальной задачи гитлеровской политики, сказалась уже гораздо резче:

«Расправы гитлеровцев над мирным советским населением… полностью разоблачают фашистские кроваво-преступные планы, направленные на истребление русского, украинского, белорусского и других народов Советского Союза. Этими чудовищными фашистскими планами продиктованы приказы и инструкции германского командования об истреблении мирных советских жителей».

Авторы ноты отлично знали, что гитлеровская политика, при всей ее жестокости и по отношению к русским, украинцам, белоруссам и др., не преследовала прямой задачи физического истребления русского, украинского и других народов и «советских жителей» вообще, что только в отношении евреев гитлеровцы ставили себе целью уничтожение всего народа. И нота сознательно вводит в заблуждение, лишь бы избегнуть необходимости говорить о гитлеровской политике истребления еврейского народа. Тенденция эта проходит красной нитью через всю ноту. В ней подробно сообщается об уничтожении гитлеровцами «мирных жителей» в Таганроге, в Керчи, в Витебске, в Пинске, в Минске. «Сотни тысяч украинцев, русских, евреев, молдаван и мирных граждан других национальностей погибли от руки германских палачей в городах Украины. В одном только Харькове гитлеровцы казнили уже в первые дни оккупации 14 тысяч человек».

— А во введении к ноте так прямо и говорится, что гитлеровцы поставили себе задачей «истребление советского населения, военнопленных и партизан путем кровавого насилия,

пыток, казней и массовых убийств советских граждан, независимо от их национальности, социального положения, пола и возраста». — «Независимо от национальности!» Эта характеристика гитлеровской политики может служить школьным образцом политического лицемерия.

Это не случайная обмолвка, это система политики, продолжавшейся годы.

Значительная часть еврейской печати вне Советского Союза (и, конечно, вся коммунистическая печать Америки) пыталась в годы войны представить советскую еврейскую политику в ином свете, рисуя Советский Союз, как чемпиона в борьбе против гитлеровской политики истребления еврейского народа.

В подтверждение такой оценки советской военной еврейской политики обычно делалась ссылка на обширную декларацию советского правительства «об осуществлении гитлеровскими властями плана истребления еврейского населения Европы», опубликованную в декабре 1942 года (Декларация эта в виде коммюнике Информбюро Наркоминдела была опубликована в «Известиях» и в «Правде» от 19-го декабря 1942 года.). Это очень интересный документ, и при беглом его чтении он действительно может показаться имеющим тот смысл, который ему приписывает просоветская еврейская легенда. К сожалению, действительное значение этого документа совсем иное.

Советская декларация 19-го декабря 1942 года резко противоречит всей системе советской пропаганды в последние два слишком года до ее опубликования и — как будет показано ниже — не менее резко расходится и с основной линией советской еврейской политики в течение добрых двух лет после опубликования этой загадочной декларации. Что же это, странная случайность, капризный зигзаг советской политики? Отнюдь нет.

Правильно оценить декларацию 19-го декабря можно лишь в связи с другой декларацией «о проводимом гитлеровскими властями истреблении еврейского населения Европы», опубликованной двумя днями раньше (в советской печати даже одним днем раньше) и подписанной двенадцатью правительствами стран анти-гитлеровской коалиции. В этой союзнической декларации, подписанной всеми европейскими противниками Германии, включая и Советский Союз, и Соединенными Штатами Америки, отчетливо характеризуется гитлеровская политика «истребления еврейского народа», причем подписавшие декларацию правительства «подтверждают свое торжественное обязательство обеспечить со всеми Объединенными Нациями, чтобы лица, ответственные за эти преступления, не избежали заслуженного возмездия». Только в

свете этой союзнической декларации советская декларация 19-го декабря приобретает свой подлинный смысл. Это была попытка внести корректив в союзническую декларацию, несколько смягчить остроту, с которой в ней была поставлена еврейская проблема.

Декларация 19-го декабря в своей вводной части прямо ссылается на союзническую декларацию и публикуется как бы в дополнение к ней, но тут же пытается вставить проблему борьбы с гитлеровской политикой истребления евреев в иную рамку — в соответствии с цитированной выше нотой Молотова от 27-го апреля 1942 года:

«За последнее время на территориях оккупированных немецко-фашистскими захватчиками стран Европы повсеместно наблюдается усиление гитлеровского режима кровавых расправ с мирным населением…» Гитлеровцы «проводят в жизнь зверский план физического истребления значительной части гражданского населения оккупированных немцами территорий, — ни в чем неповинных людей разной национальности, разного социального положения, разных убеждений и веры, любого возраста».

Последовательно проводить эту концепцию, не вступая в слишком очевидное противоречие с союзнической декларацией (подписанной и Советским Союзом), было, однако, невозможно. И декларация 19-го декабря признает у Гитлера, наряду со «зверским планом физического истребления значительной части гражданского населения разной национальности», наличие «особого плана поголовного истребления еврейского населения на оккупированной территории Европы», «а также и [еврейского населения] самой Германии». Следуют страшные подробности и называются страны: Германия, Венгрия, Румыния, Польша, Чехословакия, Австрия, Франция, Бельгия, Голландия и Норвегия. Это и есть «Европа», на территории которой осуществляется Гитлером его «особый план».

Переходя к Советскому Союзу, декларация приобретает неожиданную сложность с отчетливым противопоставлением оккупированных «советских районов» оккупированным странам «Европы» и с явной тенденцией представить дело так, будто жертвы гитлеровского антисемитизма и в оккупированных советских районах это главным образом евреи, привезенные из Центральной и Западной Европы:

«Сведения, поступающие из временно захваченных противником советских районов…. дополняют информацию о кровавых расправах гитлеровцев над еврейским населением оккупированных стран Европы. О зверских расправах с привезенными из Центральной и Западной Европы евреями

сообщают также из Минска, Белостока, Бреста, Барановичей и других городов Белорусской ССР».

Гитлеровцы уничтожают, правда, и советских евреев, но уничтожение их происходит в основном лишь в рамках истребления советского населения вообще:

«Чудовищные преступления гитлеровских грабителей, насильников и палачей над мирными советскими гражданами уже изобличены пред всем миром. Подавляющее большинство жертв этой оргии разбоя и убийств состоит из русских, украинских и белорусских крестьян, рабочих, служащих, интеллигентов. Тяжелы жертвы в рядах литовского, латвийского и эстонского народов, среди молдаван, среди жителей Карело-Финской республики. Относительно к своей небольшой численности, еврейское меньшинство советского населения…. особенно тяжело пострадало от звериной кровожадности гитлеровских выродков.

За последнее время гитлеровские оккупанты еще более усилили на всем протяжении захваченной советской территории кровавый режим массовых убийств, карательных экспедиций, сожжения деревень, угона сотен тысяч мирных жителей в рабство в Германию… Имеются сведения [!], что в этой обстановке бешеного разгула террора гитлеровцы проводят и [!] в отношении советских граждан еврейской национальности свой план поголовного истребления. Так усиление террора против украинского населения летом и осенью текущего года ознаменовалось рядом кровавых антиеврейских погромов в ряде населенных пунктов Украинской ССР».

За этим следовал ряд сообщений о еврейских погромах. Взятые изолированно — так они были переданы в телеграмме ЕТА из Москвы от 22-го декабря 1942 года («JTA-News» от 23-го декабря 1942 года.) — сообщения эти действительно производят впечатление, будто советское правительство энергично разоблачает гитлеровскую политику истребления евреев. Но полный текст декларации этого впечатления не подтверждает и, напротив, свидетельствует об отсутствии у советского правительства решимости на открытую и последовательную борьбу с гитлеровским антисемитизмом.

Но декларация 19-го декабря 1942 года была лишь эпизодом, вызванным, как мы видели, желанием руководителей советской политики изменить — т. е. ослабить — в Советском Союзе впечатление от союзнической декларации 17-го декабря. Что, вырабатывая свою декларацию, советское правительство отнюдь не имело ввиду усилить борьбу с антисемитизмом и что опубликование декларации диктовалось для советского

правительства специальными временными соображениями, — ясно и из того, что в советской печати декларация эта не нашла никакого отклика, что в Советском Союзе она была вскоре забыта и что она не была даже включена в цитировавшийся выше сборник «Советских Военных Документов».

В период, непосредственно следовавший за опубликованием этой декларации, советские власти не только не усилили, но, напротив, — если это только было возможно, — даже ослабили свою борьбу с гитлеровским антисемитизмом. Чрезвычайно показательна в этом отношении серия официальных сообщений о гитлеровских зверствах в разных городах и областях Советского Союза. Сообщения эти — за двумя исключениями очень обширные, со множеством конкретных данных — печатались время от времени в больших советских газетах, начиная с апреля 1943 года по май 1945 года. Публиковались они от имени образованной в ноябре 1942 года специальной Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию гитлеровских злодеяний (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2-го ноября 1942 г., «Правда» от 4-го ноября 1942 г., «Soviet War Documents», стр. 155–157.). За весь период Чрезвычайная Государственная Комиссия опубликовала 17 такого рода сообщений.

(Сообщения эти перечислены ниже в порядке их опубликования; в скобках каждый раз показана дата опубликования сообщения в «Известиях» и в «Правде».

О гитлеровских зверствах в городах Вязьма, Гжатск и Сычевка, Смоленской области, и п г. Ржеве, Калининской области (7-го апреля 1943 г.), в г. Краснодаре и Краснодарском крае (14-го июля 1943 г.), в Ставропольском крае (5-го августа 1943 г.), в г. Орле и Орловской обл. (8-го сентября 1943 г.), в г. Смоленске (6-го ноября 1943 г.), в Сталинской обл. (13-го ноября 1943 г.), в г. Харькове и Харьковской обл. (13-го декабря 1943 г.), в г. Киеве (1-го марта 1944 г.), в г. Новгороде и Новгородск. районе, Ленинградской обл. (5-го мая 1944 г.), в г. Ровно и Ровенской обл. (7-го мая 1944 г.), в г. Одессе и Одесской обл. (14-го июня 1944 г.), в Карело-Финской ССР (18-го августа 1944 г.), в г. Минске (20-го сентября 1944 г.), в Эстонской ССР (26-го ноября 1944 г.), в Литовской ССР (20-го декабря 1944 г.), в Львовской обл. (23-го декабря 1944 г.) и в Латвийской ССР (5-го апреля 1945 г.). — 1-ое, 3-ье, 4-ое и 6-ое из этих сообщений включены в сборник «Soviet War Documents», pp. 158–165 and 171–195.), кроме того сообщение о лагере в Освенцим, на польской территории («Правда» от 7-го мая 1945 года.), и несколько специальных сообщений (О директивах гитлеровского правительства и

военного командования об истреблении советских военнопленных и мирных граждан (11-го марта 1944 г.), об истреблении советских людей путем заражения сыпным тифом (30-го апреля 1944 г.), об истреблении советских военнопленных (3-го августа 1944 г.), о разрушении культурных ценностей (26-го июня 1943 года и 30-го августа и 3-го сентября 1944 года), и итоговое сообщение о материальном ущербе, причиненном оккупантами (13-го сентября 1945 г.).), на которых мы уже здесь останавливаться не будем.

Чтобы более отчетливо представить себе развитие в этом вопросе советской политики полезно вкратце проанализировать эти сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии, сгруппировав их по годам. За 1943 г. было опубликовано семь такого рода сообщений, но из них в шести о евреях просто не было упомянуто ни одним словом. Единственное исключение составляло сообщение о Ставропольском крае. Но это как раз такое исключение, которое, по латинской поговорке, подтверждает правило.

В Ставропольском крае в работах Комиссии принимал участие широко известный писатель, член Академии Наук, член Верховного Совета СССР, Алексей Н. Толстой. Он лично руководил раскопками рва близ станции Минеральные Воды, в который были свалены трупы более шести тысяч евреев, в том числе большого числа профессоров, ученых, врачей и других представителей интеллигенции из Ленинграда, эвакуированных в начале войны на Северный Кавказ вместе с учреждениями, в которых они работали. То, что Толстой здесь увидел, произвело на него потрясающее впечатление, и он написал об этом статью «Кровавый дурман», появившуюся в «Правде» («Правда» от 5-го августа 1943 г.) одновременно с опубликованием сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии. Несомненно, личному влиянию Толстого следует приписать и включение в сообщение Комиссии подробного рассказа об истреблении евреев в Ставропольском крае. Но, как видно из дальнейшего, это исключение вызвало неудовольствие на верхах советского государства.

В декабре 1943 года в Харькове разбирался судебный процесс участников гитлеровских зверств в Харькове и Харьковской области. Обвинительный акт по этому делу и подробные — частью почти стенографические — отчеты о судебных заседаниях день за днем печатались в «Правде» («Правда» с 16-го по 20-ое декабря 1943 года.). Но в этих отчетах не встретить даже и слова «еврей». Вот, например, как в приговоре суда рассказывается об истреблении харьковских евреев («Правда» от 20-го декабря 1943

года. — О том, что бараки на территории Харьковского тракторного завода были местом заключения Харьковских евреев, см. у *Эренбурга,* «Мердер фун Фелкер». вып. 1-й, Москва, 1944 г., стр. 11 и след.):

«В ноябре 1941 года в городе Харькове, по распоряжению Гестапо, из городских квартир было переселено в бараки, расположенные на территории Харьковского тракторного завода, около 20 000 мирного советского населения. Впоследствии группами по 200–300 человек они направлялись в близлежащую балку и там расстреливались».

Толстой присутствовал на процессе, почти ежедневно писал о нем в «Правде», но в этих его статьях о евреях тоже не упоминалось, вернее, ему не позволили упомянуть о них ни одним словом. И когда после процесса взволнованный Толстой написал статью «Возмездия!», по своему характеру (и по своим размерам) явно предназначавшуюся для газеты, но остро ставившую и вопрос об истреблении евреев, ему пришлось искать для нее убежища — на страницах журнала Академии Наук («Вестник Академии Наук СССР», № 1/2 за 1944 год, стр. 59–60.).

Эта политика продолжалась почти без колебаний до конца 1944 года. Среди опубликованных в этот период сообщений были сообщения из таких бывших крупных еврейских центров, как Киев и Одесса, но даже и в этих — очень подробных — сообщениях не было ни слова о евреях. В первой половине 1944 года только в сообщении о Ровно и Ровенской области — тоже область в прошлом с очень значительным еврейским населением — можно отметить незначительное нарушение этого заговора молчания: здесь цитировалось показание одного из свидетелей, который «не раз видел, как гитлеровцы уничтожали советских граждан — украинцев, русских, поляков, евреев». В том же духе были выдержаны и ставшие в это время популярными обращения трудящихся той или иной области к Сталину, в которых подробно перечислялось всё, что население области перенесло от оккупантов. И тут, в обращениях из областей с таким значительным (до войны) еврейским населением, как Житомирская (Правда» от 2-го августа 1944 года.), Витебская («Правда» от 6-го августа 1944 года.). Винницкая («Правда» от 17 августа 1944 года.), ни слова о евреях.

Эта практика была нарушена обращением в начале августа минчан к Сталину («Правда» от 5-го августа 1944 года.). Обращение это впервые в такого рода документе прямо говорило о массовом истреблении евреев:

«В Минске убито, сожжено и повешено гитлеровскими палачами свыше 150 тысяч мирного населения. Минск с трех

сторон окружен кладбищем истерзанных, замученных немецкими извергами жертв. Поголовному истреблению подверглось еврейское население. Немецко-фашистские захватчики согнали 50 тысяч человек из Минска и районов в так называемое гетто. Кроме того, в Минское гетто было привезено более 40 тысяч еврейского населения из Гамбурга, Варшавы и Лодзи. Всё население в гетто было зверски замучено немецкими палачами [т. е. число мучеников гетто достигало 90 тысяч, т. е. трех пятых всех убитых в Минске; а сколько еще евреев погибло, не пройдя через гетто?]. Невыразимым мукам и страданиям были подвергнуты представители науки и культуры. После долгих издевательств немецкие изверги зверски убили выдающегося врача профессора Ситтермана, одного из лучших хирургов — профессора Хургина, крупнейшего специалиста по глазным болезням — профессора Дворжица, гинеколога профессора Клумова, популярного врача в городе по детским болезням Гуревича и многих других».

Но опубликованное через полтора месяца сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по г. Минску было формулировано уже гораздо осторожнее. Конечно, после обращения минчан просто обойти массовое истребление евреев молчанием было немыслимо, но в сообщении Комиссии, особенно если его сопоставить с сообщением минчан, отчетливо сказывается желание как-то отодвинуть в тень страшное еврейское бедствие, и приводимые в виде примеров в сообщении Комиссии имена погибших или чудом спасшихся все не-еврейские: Савинская, Голубович, Семашко, проф. Анисимов и др.; из перечисленных выше погибших евреев здесь назван лишь один человек — с заведомо не-еврейской фамилией, проф. Клумов.

После этого отступления от принципа замалчивания гитлеровской политики истребления евреев Чрезвычайная Государственная Комиссия вновь вернулась к своей практике. В сообщении об Эстонской ССР, между прочим, подробно рассказывается о лагере в Клогах, в котором, как известно, нашли смерть много тысяч евреев, но во всем этом сообщении не встретишь даже и слова «еврей». В сообщении о Литве с методической точностью перечисляются и описываются лагеря, в которых погибли десятки тысяч, «ученые и рабочие, инженеры и студенты, ксендзы и православные священники — жители не только Вильнюса, но и других городов, местечек и деревень Литовской ССР» (лагерь в местечке Понеряй близ Вильнюса), «мирные советские граждане из Каунаса» и «граждане из Франции, Австрии, Чехословакии» («форт смерти» в Каунасе) и

т. д., но о евреях здесь просто не упомянуто ни одним словом.

Только в самом конце 1944 года — в сообщении о Львовской области — Чрезвычайная Государственная Комиссия, казалось, освободилась от боязни говорить открыто о гитлеровском воинствующем антисемитизме и уделила необходимое внимание жестокостям по отношению к евреям. И то же повторилось в сообщении о гитлеровских зверствах в Латвии; здесь впервые в сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии появилась даже специальная глава: «Кровавая расправа немцев с еврейским населением Латвийской ССР». Казалось, что Чрезвычайная Государственная Комиссия окончательно отказалась от вчерашней близорукой политики. Так нет же. Через месяц с небольшим после сообщения о Латвийской ССР Чрезвычайная Государственная Комиссия опубликовала сообщение о лагере Освенцим, вероятно, самом страшном в эти годы месте на земном шаре, где было отравлено, сожжено, истерзано, замучено более четырех миллионов человек, в огромном большинстве евреев. Но в сообщении Комиссии о лагере Освенцим — этому просто трудно поверить — опять даже не встретить слова «еврей».

Очень характерен для Чрезвычайной Государственной Комиссии и подбор ею людей для расследования немецких злодеяний. В состав самой Чрезвычайной Государственной Комиссии был включен и один еврей, профессор И. П. Трайнин; но он включен был в состав комиссии не как еврей, а лишь как специалист по вопросам международного права. Что это так, подтверждается составом действовавших от имени Чрезвычайной Государственной Комиссии местных органов: в состав этих местных комиссий, кроме одного члена Центральной Комиссии, обычно входил председатель исполкома, т. е. глава местной администрации, представитель военного ведомства, представитель прокуратуры, один-два депутата Верховного Совета и еще несколько именитых граждан. В ряде случаев в комиссии были включены и представители православного духовенства; о них упоминается в сообщениях по Сталинской области, по г. Новгороду и Новгородскому району, по г. Одессе и Одесской области, а по г. Ровно и Ровенской области в состав комиссии включены даже и православный, и католический священники. Но евреев в этих комиссиях не было нигде — ни даже в Киеве, Ровно, Минске, Освенциме — и только в Одессе в комиссии участвовал, в качестве представителя Центральной Комиссии, всё тот же проф. И. П. Трайнин. Этот состав комиссий ясно говорит о желании по возможности не вспоминать о еврейской трагедии.

Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии лишь

наиболее наглядная иллюстрация этой политики. Иллюстрировать ее можно было бы еще множеством примеров. Ограничусь одним. Достаточно известно, какую страшную трагедию пережило украинское еврейство. Об этом с большой силой писал в своих цитированных выше очерках «Украина без евреев» Василий Гроссман. Но когда 1-го марта 1944 года собрался — впервые после освобождения — Верховный Совет Украинской ССР, председатель украинского Совета Народных Комиссаров (и секретарь ЦК компартии Украины) Никита Хрущев в своем пространном докладе о пережитом Украиной и о стоящих перед нею задачах («Правда» от 16-го и 17-го марта 1944 года.) с большим чувством говорил о сотнях тысяч убитых и замученных, о неслыханных страданиях, которым подверглись при оккупации «наши люди», но что среди замученных огромный процент, вероятно, подавляющее большинство составляли евреи, он не упомянул ни одним словом. Не только Украина после Гитлера осталась «без евреев»; для них не нашлось и маленького места и в обширном докладе главы украинского правительства.

Чем диктовалась эта политика фактического отказа от борьбы с гитлеровским антисемитизмом? Открыто эта политика никогда не защищалась и не мотивировалась. Но, присматриваясь к ней ближе, нетрудно отдать себе отчет в ее мотивах. Она, конечно, не была продиктована симпатиями к гитлеровской политике истребления евреев. Подозревать руководителей советской политики в таких симпатиях нет решительно никаких оснований. *Рациональной основой* охарактеризованной выше советской политики — вернее, ее псевдорациональной основой — несомненно было опасение, что открытая и решительная борьба против гитлеровской политики истребления евреев облегчит Гитлеру пропаганду борьбы против «иудео-большевизма». Но *психологическая почва* для политики пассивности по отношению к воинствующему антисемитизму Гитлера была, вероятно, в значительной мере подготовлена распространением в верхних слоях советского общества в последние годы перед войной того ползучего полускрытого антисемитизма, о котором речь шла выше, в главе четвертой.

Это была страусова политика. Замалчивание антисемитизма пред лицом бешеной гитлеровской антисемитской пропаганды — пропаганды не столько даже словом, сколько делом — психологически обезоруживало массы перед натиском антисемитизма и создавало психологию фактического его толерирования. Этим облегчался бурный разлив антисемитских настроений не только в оккупированных областях, но и далеко за их пределами. Так отказ от борьбы с антисемитизмом не только

не затруднил гитлеровской пропаганды, но имел как раз обратное действие.

И на Украине, например, антисемитизм в годы войны фактически стал популярной формой украинского сепаратизма. До какой степени это развитие встревожило в конце концов советские власти, видно из того, что вскоре после освобождения Украины советское украинское правительство предложило — безуспешно — амнистию украинским крайним националистам, боровшимся против Красной Армии и принимавшим активное участие в осуществлении — частью в сотрудничестве с Гитлером, частью параллельно с ним — политики истребления евреев (Об амнистии подробно говорил Хрущев в упомянутой выше речи в Верховном Совете Украинской ССР.).

Политика замалчивания воинствующего антисемитизма во имя его ослабления потерпела полное банкротство.

Распространенность антисемитизма

Упорство советских властей в замалчивании гитлеровской политики истребления евреев уже само по себе является тревожным симптомом. Если не объяснить это замалчивание активным антисемитизмом самого коммунистического руководства, для чего, как уже отмечено выше, нет оснований, — из приведенных выше фактов невольно напрашивается вывод: настойчивость, с которой проводилась политика игнорирования гитлеровского антисемитизма, свидетельствует о том, как глубоко было в руководящих советских кругах ощущение, что разоблачение гитлеровских жестокостей по отношению к евреям не столько вызовет возмущение в стране, сколько, напротив, может найти в каких-то более или менее значительных кругах населения сочувственный отклик. Что это была близорукая политика, мы уже знаем. Но сейчас она нас интересует с другой стороны: в этой политике нашло свое выражение молчаливое признание влияния антисемитизма на настроения значительной части населения страны.

Доказать распространенность антисемитизма в Советском Союзе в годы войны прямыми ссылками на советскую печать, правда, нет возможности: печать хранила и хранит об антисемитизме молчание. Но косвенных показателей очень значительного влияния антисемитизма среди населения и постепенного проникновения во все поры государственного аппарата готовности толерировать антисемитизм — имеется немало. Прежде всего в виде нарочитого уклонения советской печати от борьбы с получившими в это время широкое

распространение антисемитскими аргументами.

Достаточно известно, например, какую роль в гитлеровской антисемитской пропаганде на фронте играл аргумент об уклонении евреев от участия в боевых частях. Эта пропаганда доходила и до советских войск на фронте, и, как будет показано ниже, часто находила здесь — а затем и в тылу — сочувственную аудиторию.

Что пропаганда эта покоилась на лжи, не может вызвать сомнений. Достаточно упомянуть, что по данным о группировке по национальностям награжденных в Красной Армии за время войны по 1-ое декабря 1944 года орденами и медалями евреи среди всех национальностей Советского Союза занимали пятое место (после великороссов, украинцев, белоруссов и татар) и что общее число награжденных таким образом евреев достигало к этому времени 59 003, что число евреев, награжденных за годы войны и по 1-ое октября того же года званием Героя Советского Союза достигло 52 (См. подробные данные по национальностям в статье «Дружба народов СССР — могучий фактор победы над врагом» в «Большевике» за 1944 год, № 23/24 стр. 6.). Но широко распространенное и в армии, и в тылу представление об уклонении евреев от участия в боевых частях не только не встречало отпора в советской печати, но даже хуже: советская печать явно преуменьшала, а то и просто скрывала роль евреев на фронте.

В Америке многим этому просто трудно поверить. Многие еще помнят, как часто они читали во время войны в американской еврейской печати сообщения Независимого Еврейского Бюро Печати из Куйбышева и Москвы о том, что «советская печать» публикует имена таких-то евреев, отличившихся в боях, «особо отмечая их еврейство» (См. телеграммы из Куйбышева I. J. P. S. от 1-го, 8-го, 22-го, 25-го, 29-го января, 12-го, 19-го февраля 1943 года и т. д.). — Это только формально было правдой. «Советская печать», о которой здесь шла речь, это была лишь еврейская «Айникайт» (что никогда в телеграммах не отмечалось), но отнюдь не «Правда», не «Известия», не «Красная Звезда».

Но и больше. Роль евреев в войне систематически скрывалась. Ярким образцом этой политики может служить, например, заслуживший очень широкую популярность, написанный зимой 1941/42 года очерк Василия Гроссмана «Народ бессмертен» (См. в сборнике *Василия Гроссмана,* «Годы войны», Москва, 1945 г., стр. 5–140.). Здесь с большой искренностью и с большим волнением показано отступление Красной Армии в первые месяцы войны. Действие развертывается

в районе Гомеля, в местности с очень значительным еврейским населением. В отступающей армии было, конечно, и немало евреев. Пред читателем проходит множество лиц: солдат, офицеров, политработников, медработников, всё живые лица с именами и индивидуальными чертами, но среди них нет ни одного еврея. Да и среди местного населения только один раз упоминается еврей, когда автор рассказывает, как солдаты в Гомеле выносят из горящего дома на складной кровати старика-еврея (Там же, стр. 29). Если так писал Гроссман, который умеет очень остро чувствовать еврейскую трагедию (См. выше на стр. 140 ссылку на его очерк «Украина без евреев».), да и сам полу-еврей, это значит, что такова была обязательная директива.

Позже эта директива была, видимо, несколько смягчена, и у того же Гроссмана — в позднейших очерках — встречаются иногда среди военных и еврейские имена.

(Всего в большом томе очерков Гроссмана я встретил семь евреев-военных: лейтенанта Вейсмана (стр. 144), командира технического взвода Шолома Аксельрода (стр. 209), командиров батареи Вейсмана (стр. 312) и Кецельмана (стр. 327), политруков Шнейдермана (стр. 310) и Носонова (стр. 312), сапера Рывкина (стр. 394). Обо всех, кроме Рывкина, упоминается, как об убитых. Среди младших офицеров, особенно в частях войск, требовавших некоторой технической подготовки, процент евреев часто был больше, чем среди солдат. Но младшие офицеры подвергались в этой войне на фронте — так это, по крайней мере, было в советской армии — отнюдь не меньшей, а часто большей опасности, чем солдаты. Мне случилось как-то беседовать с известным общественным деятелем, старым американцем русско-еврейского происхождения, д-ром Р., поддерживающим переписку со своими братьями и сестрами, оставшимися в России. В войне участвовали в Советском Союзе десять его племянников и мужей племянниц, все в качестве младших офицеров в разных частях войск. На мой вопрос, сколько из них погибло, последовал ответ: все.).

Но основная тенденция оставалась неизменной, и, например, в книге Константина Симонова «Дни и ночи», описывавшей Сталинградскую эпопею и написанной в 1943/44 году, среди огромного количества фамилий солдат, офицеров, политработников и проч. опять нет ни одной еврейской фамилии.

К косвенным показателям антисемитизма в Советском Союзе мы еще вернемся ниже, при анализе послевоенного развития. Сейчас необходимо остановиться на некоторых прямых свидетельствах об антисемитизме в Советском Союзе в годы войны. Правда, эти свидетельства это почти исключительно

показания евреев, которые являются в этом вопросе страдающей стороной и которым поэтому трудно по своим непосредственным впечатлениям правильно оценить масштабы антисемитизма. Мы поэтому заранее должны быть готовы признать, что картина, которая вырисовывается из этих показаний, требует какого-то поправочного коэффициента, преимущественно с количественной, меньше с качественной стороны. Это обязывает нас к осторожности в выводах, но отнюдь не делает эти выводы невозможными.

Таких свидетельских показаний имеется сейчас множество. Они относятся частью к областям, пережившим оккупацию, куда после освобождения — частью уже в 1943 году — начали возвращаться эвакуированные и бежавшие жители. Здесь — особенно на Украине — немецкая оккупация оставила глубокий след в общественной психике, и возвращавшиеся евреи наталкивались нередко на очень резкие проявления антисемитизма. Но есть немало свидетельств и об антисемитизме в областях глубокого советского тыла, за тысячи километров от фронта — в Казахстане, в Узбекистане, в Западной Сибири и проч. И сюда доходили отголоски гитлеровской пропаганды, особенно когда сюда хлынули с фронта массы раненых и военных инвалидов. Резко сказалось усилением антисемитизма и сосредоточие в этих районах большого числа польских евреев, вырванных из традиционной обстановки, переброшенных в новую для них, экономически и социально гетерогенную среду и воспринимавшихся этой средой, как инородное тело.

И. Г. Гликсман, проведший в годы войны около трех лет в Советском Союзе (в тюрьмах, в лагере и в местах рассеяния польских ссыльных и беженцев), бывший варшавский адвокат и осторожный наблюдатель, не склонный к преувеличениям, в своем докладе Американскому Еврейскому Комитету о судьбах польских евреев в Советском Союзе в годы войны писал об антисемитизме, на который наталкивались польские евреи в Средней Азии (*Dr. Jerzy George Gliksman,* «Jewish Exiles in Soviet Russia (1939–1943)», part II (July 1947), p. 6 (в архиве Американского Еврейского Комитета).):

«Депортированные [польские евреи] встречались на работе с местным населением, русскими, украинцами, татарами и другими, тоже сосланными или свободными. Те часто были настроены антисемитски и пытались затруднить работу евреев и причинить им максимум неприятностей. Сравнительно низкий уровень производительности труда депортированных евреев — результат физического истощения и отсутствия опыта — служил в глазах местного населения доказательством нежелания евреев

заниматься физическим трудом, что будто бы составляет характерную черту евреев. Таково же часто было мнение и директоров различных предприятий, в которых работали депортированные. Иногда и высшие служащие из среды свободного русского населения относились с нескрываемой враждебностью к евреям, поручая им самую трудную работу.

Даже и практика НКВД, решающего и наиболее авторитетного фактора в русской жизни, не была свободна от антисемитизма: допуская льготы для не-еврейских беженцев, нквд-сты открыто создавали трудности для евреев».

Росту этих настроений много содействовала активность, которую беженцы из Польши вскоре начали проявлять на товарном рынке. Черта эта очень отчетливо сказалась в показаниях беженцев из Советского Союза — польских и советских евреев, — среди которых Американским Еврейским Комитетом летом 1948 года был произведен в Нью-Йорке опрос о пережитом ими в годы войны. В докладе Рахили Эрлих об итогах этого опроса мы читаем (*Rachel Erlich.,* «Summary Report on Eighteen Intensive Interview with Jewish DP's from Poland and the Soviet Union» (October 1948), p. 9 f. (в архиве Американского Еврейского Комитета).):

«Польские евреи сначала думали обеспечить свое существование, работая в качестве рабочих в промышленных предприятиях, колхозах, кооперативах ремесленников. Но вскоре они убедились, что регулярный заработок, который им обеспечивает этот труд, не спасает их от угрозы голодной смерти. Чтобы выжить, был только один путь — рынок, торговля, «спекуляция». Ш. [один из опрошенных] рассказывает:

«Я поступил на работу на хлопковую плантацию [совхоз?]. За вычетом подоходного и военного налогов, удержаний на правительственный заем и взносов в фонд культуры [?] мой заработок достигал 150–180 рублей в месяц. На эти деньги можно было прожить лишь несколько дней. Я взял поэтому дополнительную ночную работу. Во время эпидемии я рыл могилы и делал гробы. Я собирал также тряпки и шил из них обувь и домашние туфли, которые продавал на рынке».

«Рынок» отнюдь не был изобретением польских евреев. Это подлинная советская реальность. Голод и страх ослабеть настолько, что они уже не сумеют выжить и добраться до дому, заставлял польских евреев прибегать к рыночным операциям, хотели ли они этого или нет… Опрошенные сообщают в один голос о тех из польских беженцев и депортированных, кто не пошел на рынок, что они медленно умирали от истощения».

Но не только польские евреи, но и эвакуированные в глубь

страны советские евреи часто чувствовали враждебное к себе отношение местного населения.

Здесь сказалась старая болячка, обострившаяся в обстановке резкого ухудшения общих условий существования населения в годы войны и лишь осложненная характерной аргументацией военного времени. Гликсман в своем докладе писал об этом (*Gliksmann.* p. 17.):

«Во время последней войны антисемитизм в России значительно усилился. Евреев несправедливо упрекали в уклонении от военной службы и особенно от службы на фронте. В это время наблюдались также случаи оскорблений евреев, угроз, выбрасывания евреев из хлебных очередей и т. п.»

Но была, по-видимому, и еще одна причина роста антисемитских настроений в районах, куда направлялся эвакуационный поток. Здесь в скрытой форме проявился антагонизм между основной массой населения в провинции и привилегированной частью бюрократии в центрах страны. Эвакуация учреждений из этих центров в глубокий тыл дала возможность местному населению очень осязательно ощутить этот социальный контраст. Привилегированный слой составлял, правда, лишь небольшое меньшинство среди эвакуированных и евреи в свою очередь составляли лишь небольшое меньшинство в рамках этого привилегированного слоя. Но при невозможности открытого проявления общественного недовольства, недовольство это ищет своего выражения на окольных путях и — такова уже механика этого болезненного социально-психологического процесса — находит выход в антисемитизме. Гликсман правильно это отметил (Ibidem, p 16.):

«Другая группа русских евреев, принадлежавшая главным образом к бюрократии и располагавшая значительными денежными средствами, вызывала враждебность местного населения за вздувание цен на вольном рынке, которые и без того были очень высоки».

Наблюдения других свидетелей не менее характерны. В показаниях опрошенных в Нью-Йорке летом 1948 г. евреев-беженцев из Советского Союза есть немало указаний на антисемитизм местного советского населения (*Rachet Erlich,* p. *26.* — Из приведенных показаний первое (Л.) принадлежит молодому советскому еврею-интеллигенту; второе и третье показания (К. Р. и Х.) принадлежат польским евреям-рабочим. Наблюдения К. Р. относятся к колхозу в Кировской (бывш. Вятской) области. Аналогичное сообщение — по случайности тоже из Кировской области, но из другого колхоза — имеется и в показании молодого советского еврея: когда семья его прибыла в колхоз, их

приняли за русских и хорошо к ним относились; но вскоре до колхоза дошла сброшенная немцами с аэроплана листовка, в которой евреи обвинялись в том, что они вызвали войну, и когда при этом кто-то сказал, что приезжие — евреи, колхозники начали проявлять к ним столько враждебности, что им пришлось уехать из колхоза.):

«Не-еврейское население Ташкента встретило евреев, эвакуированных с Украины, недружелюбно. Раздавались голоса: «Посмотрите-ка на этих евреев. У них у всех много денег»» (Л.).

«В колхозе, в котором нас поселили, нас сначала встретили хорошо, приняв нас за поляков. Но когда колхозники узнали, что мы евреи, начался ропот: «Евреи убили Христа. Евреи не хотят воевать»» (К. Р.).

«В овцеводческом колхозе в Астраханском районе колхозники, особенно молодежь, утверждали, что они знают наверняка, что вина за войну лежит на евреях» (Х).

В этой группе показаний особенно выделяются показания об антисемитизме в Красной Армии (Там же, стр. 27.):

«Брат мой рассказывал мне, что русские солдаты на фронте часто говорили о богатстве евреев, о том, что у них много денег и что следовало бы всех их убить» (Л.).

«В армии стар и млад старались убедить меня, что есть много евреев в Минске и Москве, но что на фронте нет ни одного еврея. «Мы должны воевать за них». В «дружеской» форме мне говорили: «Вы сумасшедший. Все ваши сидят дома, в безопасности, как же это вы оказались на фронте?»» (М. К.).

Последнее показание (М. К.) принадлежит польскому еврею, который вскоре после прихода советских войск в восточную Польшу добровольно уехал в Советский Союз, позже поступил в Красную Армию, был затем произведен в офицеры, был дважды ранен и закончил войну в польской армии Берлинга. Тот же свидетель передает свой разговор с советским офицером (Там же.):

«Вы еврей. Я тоже. Я из Бердичева. Русское имя мне дали в армии. Это делается сейчас потому что власти боятся в армии антисемитизма».

Еще острее антисемитизм проявился на Украине непосредственно после ее освобождения. В «Бюллетене» Комитета Помощи при Еврейском Агентстве был помещен рассказ украинского еврея, уехавшего из Харькова весною 1944 года и из Советского Союза. (чтобы пробираться в Палестину) в конце того же года («Bulletin of the Rescue Committee of the Jewish Agency for Palestine», March 1945, p. 2–3.):

«…Украинцы встречают возвращающихся евреев враждебно. В

первые недели после освобождения Харькова никто из евреев не решался выйти ночью один на улицу. Положение улучшилось лишь после вмешательства властей, усиливших в городе полицейские патрули. Было много случаев избиения евреев на базарных площадях, а однажды еврей был убит на рынке украинцем. На место преступления была вызвана полиция, но присутствовавшие при убийстве крестьяне начали ссору с полицией; все они были арестованы вместе с убийцей. В Киеве 16 евреев были убиты во время погрома, вызванного убийством русского офицера женщиной, которую приняли за еврейку.

Евреи, возвращающиеся в свои квартиры, получают обратно лишь небольшую часть своих вещей. Когда они обращаются в суд против украинцев, завладевших этими вещами, последних поддерживают другие украинцы, дающие на суде ложные свидетельские показания.

Украинские власти в значительной мере заражены антисемитизмом. Обращения евреев не рассматриваются надлежащим образом. Когда Коммерческий Институт возвращался из Харькова в Киев, еврейские профессора просили о разрешении ехать туда же. Их просьба была отвергнута. Они обратились к председателю Совета [Президиума Верховного Совета УССР?], но не получили никакого ответа. Еврейский театр не получил разрешения вернуться в Харьков. Радиопередача на еврейском языке не возобновлена. Официальный ответ на все жалобы евреев гласит, что антисемитизм, которым немцы отравили сознание населения, можно искоренить лишь постепенно…»

Аналогичны впечатления, о которых рассказывали в своих письмах в Союз Русских Евреев (в Нью-Йорке) бывшие солдаты и офицеры Красной Армии, бежавшие после окончания войны из Советского Союза и дожидавшиеся отправки в Палестину (или Америку) в лагерях ди-пи в Европе (*A. R. L. Gurland,* «Glimpses of Seviet Jewry. 1,000 letters from the USSR and DP camps. Report on material collected by the Union of Russian Jews, Inc., New York City», (June 1948), pp. 72–78 (в архиве Американского Еврейского Комитета).).

«Капитан И. Г….. открыто признается, что до приезда его в Букарест в 1945 году, когда другие обратили его внимание на антисемитизм, он не обращал внимания на антисемитские инциденты. Продумав всё пережитое еще раз, он пришел к выводу, что «антисемитизм вырос в советской армии за годы войны».

Другой капитан, в прошлом активный член компартии, полагает, что «антисемитизм в Советском Союзе носит бурный

характер, которого не может себе и представить тот, кто не жил в этой страшной стране». Он утверждает, что многие евреи, герои войны, не получили повышения по службе или военной награды из-за антисемитских настроений некоторых лиц на верхах и что имена многих высших офицеров-евреев не предлагались для упоминания их председателем Совета Народных Комиссаров «благодаря роковому влиянию покойного комиссара армии Щербакова, члена политбюро и секретаря Московских областного и городского комитетов компартии». Сообщение это совпадает с информацией из других источников.

Тот же капитан убежден, что не на вершине советской иерархии, гражданской или военной, нужно искать первичный источник антисемитских настроений. Щербаков, полагает он, это сравнительно редкое исключение. Он утверждает, что генералов-евреев в советской армии значительно больше, чем это открыто признается, так как правительство, как он думает, боится огласки, которая могла бы усилить антисемитизм, и без того широко распространенный в стране».

В этих высказываниях резко проявились настроения, как они сложились в Советском Союзе в годы войны. Кривая антисемитизма в эти годы вновь резко поднялась вверх и антисемитские проявления приняли не только значительно более острые формы, чем в последний период перед войной, но по своей напряженности и распространенности далеко оставили позади и антисемитизм второй половины двадцатых годов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

После войны

В годы войны антисемитизм получил в Советском Союзе очень широкое распространение. Тому были особые причины, на которых я остановился выше. После окончания войны эти причины постепенно исчезали. Исчез ли вместе с ними антисемитизм военного времени? Рассуждая *а приори,* это кажется возможным, но не необходимым: достигнув значительной напряженности и силы, антисемитизм может продолжать существовать в качестве самостоятельного фактора долго после того, как исчезли причины, вызвавшие его к жизни, особенно если против него не ведется открытой, решительной и упорной борьбы. Что такая борьба несовместима с замалчиванием антисемитизма, но что замалчивание антисемитизма и во время войны, и в послевоенные годы является характерной чертой советской внутренней политики, к сожалению, не вызывает сомнений. В этих условиях представляется вероятным, что антисемитские настроения, выросшие на взрыхленной войной почве, долго еще будут жить в сознании широких слоев населения Советского Союза.

Пытаться выйти за рамки этих общих соображений мы можем пока лишь предположительно. Доступный нам фактический материал, на основании которого можно было бы судить о степени влияния антисемитизма в Советском Союзе в новейшее время, еще слишком скуден, чтобы можно было сделать из него окончательные выводы. Но некоторые осторожные предварительные выводы всё же, по-видимому, сделать можно.

Мы видели выше, какой остроты антисемитизм достиг в годы войны на Украине. Приведенное выше сообщение (См. выше стр. 195–196) характеризует положение на Украине в первой половине 1944 года. Приблизительно так же рисовал положение на Украине в 1944 и 1945 годах Гершель Вайнраух в серии статей в Нью-йоркском еврейском «Форвертсе» и позже в выпущенной им книге (*Гершель Вайнраух,* «Блут ойф дер зун», Нью Йорк, 1950 г.), и таковы же впечатления многих беженцев из Советского Союза в Нью Йорке и корреспондентов Союза Русских Евреев в Италии. С 1944/45 годов, однако, кое-что переменилось. Об этом у нас имеется несколько необычное свидетельство, на первый взгляд не имеющее отношения к интересующему нас вопросу, но при внимательном анализе многое выясняющее.

Это указ Президиума Верховного Совета СССР от 23-го января 1948 года «о награждении орденами и медалями работников промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры и искусства Украинской ССР» («Ведомости Верховного Совета СССР» от 13-го февраля 1948 года, приложения 1–4.). В указе этом, изданном по случаю тридцатилетия Советской Украины, приводится огромный список награжденных с обозначением их положения в социальной и служебной иерархии Советской Украины. Выделив среди них евреев — что при обозначении в списке полностью имен, отчеств и фамилий награжденных в большинстве случаев не представляет трудностей, — мы можем в общих чертах выяснить положение евреев в современном украинском обществе. Правда, не во всех случаях по имени, отчеству и фамилии можно судить о том, является ли данное лицо евреем: в некоторых случаях еврейство награжденного остается под сомнением и этих лиц пришлось оставить вне рассмотрения. (Есть еще в списке, конечно, кроме сомнительных евреев, ряд лиц, сознательно изменивших свои имена и фамилии, чтобы скрыть свое еврейское происхождение. Их, вероятно, не очень много. Они во всяком случае не представляют для нас сейчас большого интереса, так как социальное положение этих крипто-евреев не показательно для характеристики положения евреев в украинском обществе.). Но имея сравнительно большой список несомненных (или почти несомненных) евреев, мы можем уже сделать некоторые осторожные выводы.

Всего в списке 4754 награжденных орденами и 2721 награжденных медалями. Последние имеют для нас меньшее значение, это больше люди, выдвинувшиеся в самое последнее время, и среди них, естественно, евреев немного, так как число евреев на Украине за годы войны резко сократилось. Но первая группа это украинская советская элита, которая в значительной своей части в годы войны была эвакуирована (или частью ушла в подполье) и после войны вернулась на свои посты. В 1944/45 годах евреев среди них на Украине еще почти не было. Каково их положение сейчас?

Из 4754 награжденных орденами 102 еврея, т. е. 2,1 %. Кроме того, в списке имеется 47 лиц, относительно которых можно с некоторой долей вероятности предположить, что они евреи. Вместе с ними процент евреев среди награжденных орденами доходит до 3,1. Если не только всех этих сомнительных евреев считать евреями, но и допустить, кроме того, что еще какое-то число евреев в списке осталось необнаруженным, общее количество евреев среди награжденных орденами — по самому оптимистическому расчету, — может быть, доходит до 3,5 %. Это

скромная цифра не только по сравнению с количеством евреев среди довоенного населения украинских городов, к которому в подавляющем большинстве случаев принадлежала эта элита, но и по сравнению с количеством евреев среди всего довоенного населения Украины (по переписи января 1939 года 5,3 %). В какой степени на этом проценте сказалось истребление евреев в годы войны и в какой мере незначительность числа награжденных евреев объясняется национальной дискриминацией, установить нет возможности. Что здесь сказались оба фактора, не может, кажется, подлежать сомнению.

Гораздо интереснее данные о том, к каким группам принадлежат 102 награжденных орденами еврея. Выделяются среди них пять групп: инженеры (в особенности директора промышленных предприятий), хозяйственники, врачи, работники партийного аппарата и работники искусств. Бросается в глаза почти полное отсутствие работников местного административного аппарата — областных и районных исполкомов. Стоит ближе присмотреться к этим данным.

Среди награжденных — одиннадцать директоров промышленных предприятий, в большинстве случаев не очень значительных, но среди них и директор такого гиганта, как Мариупольский металлургический завод, Павел Коган. Кроме того награждены орденами и еще шесть евреев-инженеров на руководящих постах в промышленных предприятиях, в том числе главный инженер Харьковского Тракторного Завода Яков Невяжский.

Хозяйственников, если отнести к ним и шесть плановиков и пять кооператоров, среди награжденных имеется 27. Среди них ни один не занимает сколько-нибудь выдающегося положения.

Врачей среди награжденных шестнадцать. Относительно это, пожалуй, самая значительная группа.

Среди них половину — восемь — составляют профессора и доценты высших учебных заведений. Кроме того среди награжденных имеется еще четыре профессора-еврея: профессор педагогических наук Одесского университета и трое заведующих кафедрами Донецкого индустриального института.

Заслуживает особого внимания значительность группы работников партийного аппарата. Всего в этой группе тринадцать человек, включая и Лазаря Кагановича, в течение около года — с марта 1947 года — бывшего первым секретарем ЦК Компартии Украины. Среди награжденных секретари Житомирского и Сталинского областных комитетов КПУ (по странной случайности оба М.С. Спиваки — Моисей Семенович в Житомире и Марк Сидорович в Сталине, последний, впрочем, может быть и не

еврей), два секретаря районных комитетов компартии, трое руководящих работников аппарата ЦК компартии Украины. Эти факты заслуживают внимания и на них я остановлюсь ниже.

Относительно очень значительна и группа работников искусств: их девять; среди них директор Киевской консерватории Абрам Луфер, главный дирижер симфонического оркестра УССР Натан Рахман, главные дирижеры Киевского и Львовского оперных театров Самуил Солтерман и Лев Брагинский.

Кроме того среди награжденных имеется четверо агрономов, пять человек на различных административных должностях, из них только один в местном аппарате, на скромной должности заведующего отделом Днепропетровского областного исполкома, Моисей Корецкий; в остальном два редактора, 1 лесовод, 1 директор средней школы, 1 директор детдома, 1 пилот, 1 пенсионер. Всего 102.

Из приведенных выше данных можно сделать некоторые выводы:

Во-первых: Политика отказа от реэвакуации на Украину видных советских работников-евреев, характерная, как было показано выше, для первого периода после освобождения Украины от немецкой оккупации, — была временной. Позже — когда, мы точно не знаем, — от нее решено было отказаться, и многие евреи-врачи, хозяйственники, инженеры, работники искусств и др. вернулись на Украину.

Во-вторых: Компартия не вступила в открытую борьбу с украинским антисемитизмом, но, сознавая опасность антисемитизма, как наиболее доходчивой формы украинских антисоветских настроений, повела против антисемитизма кампанию исподволь, постепенно приучая население к факту выдвижения евреев на ответственные посты в разных областях работы и в частности партийной работы. Особенно показательно в этом отношении назначение двух евреев (или только одного?) секретарями областных комитетов компартии Украины. Возможно, что проведение этой политики и было одной из задач, для осуществления которых Каганович был послан на Украину.

В-третьих: Политика постепенного ослабления антисемитизма уже дала некоторые результаты в промышленности, в медицине (в прочих областях науки еще почти нет перемен), в мире искусства и в некоторых других областях. Сейчас уже возможно — что едва ли было бы возможно в 1944 году, — чтобы, например, председателем Кировоградской областной плановой комиссии был Мейер-Лейба Айзикович Коган или директором Макеево-Подольского завода Аврам Гершкович Кордон.

В-четвертых: Что антисемитизм, хотя несколько и оттеснен с авансцены общественной жизни, всё же остается влиятельным фактором, о котором стараются не говорить, но с которым считаются, свидетельствует почти полное отсутствие евреев в местном административном аппарате. Факт этот придает несколько ненадежный и непрочный характер всем отмеченным выше проявлениям ослабления антисемитизма: антисемитизм остается на Украине как бы затаившейся, но реальной опасностью.

Как было показано выше, ослабление внешних проявлений антисемитизма на Украине отнюдь не было результатом лишь стихийного развития, а в значительной мере было вызвано политикой компартии, имевшей все основания опасаться украинского антисемитизма. В других частях Советского Союза у компартии этих специальных мотивов для борьбы с антисемитизмом не оказалось, и подъем и упадок антисемитизма протекали здесь больше в порядке социально-психологического автоматизма. Характерно, например, что в РСФСР, где антисемитизм никогда не получил такого развития, как на Украине, евреи в аппарате компартии почти нигде не играют сейчас роли (в отличие от того, что наблюдалось еще до середины тридцатых годов), и в последние годы мне ни разу не встречалось в печати сообщения о еврее, секретаре обкома партии в какой-либо из областей РСФСР (кроме, конечно, Еврейской автономной области). Это тем более подчеркивает «плановой» характер назначения евреев на «ответственные» партийные должности на Украине.

Как же складывалось развитие антисемитизма в коренных областях Советского Союза? Рассуждая *a priori,* мы должны ожидать здесь значительного ослабления антисемитизма: созданное войной болезненное напряжение миновало, эвакуированные реэвакуировались, польские ссыльные и беженцы уехали в Польшу, Гитлер канул в Лету и отголоски гитлеровской пропаганды не отравляют больше общественного сознания. При отсутствии у антисемитизма глубоких корней в сознании народных масс в большей части Советского Союза изживание антисемитских настроений военного времени — при прочих равных условиях — должно было протекать здесь значительно быстрее, чем на Украине. Но этих общих «равных условий» как раз и не было. На Украине компартия, пусть и не очень мужественно, боролась с антисемитизмом. Вне Украины о такой борьбе ничего не известно. Это заставляет опасаться, что изживание антисемитизма, как он сложился во время войны, потребует еще здесь немало времени.

Но если сейчас еще трудно установить, в какой степени сохраняется в русских частях Советского Союза агрессивный и ищущий внешнего выражения антисемитизм, который широко разлился по Советскому Союзу в годы войны, то другой антисемитизм, знакомый нам из довоенного времени, несомненно вновь подымает голову. Это скрытый, ползучий антисемитизм советской бюрократии, как он начал отчетливо складываться во второй половине тридцатых годов, тот, назовем его условно *новый антисемитизм,* который находит свое выражение в оттеснении евреев на задний план во всех областях жизни Советского Союза.

Наличность этого ползучего антисемитизма может быть показана на примерах. В январе 1946 года происходили первые после войны выборы в Верховный Совет Советского Союза. На предыдущих выборах, в декабре 1937 года, только начинали чувствоваться первые признаки «нового» антисемитизма, и в Верховный Совет оказались тогда избранными 47 евреев; из них 32 в Совет Союза с его 569 депутатами и 15 в Совет Национальностей с его 574 депутатами. («Выборы в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных и автономных республик, 1937–1938 гг. (Цифровой сборник)». Изд. Информационно-Статистического Отдела при Секретариате Президиума Верховного Совета СССР, Москва, 1939 г., стр. 12–13. — Система выборов в Верховный Совет СССР способствует усиленному представительству в Совете Национальностей (но не в Совете Союза) национальностей, имеющих свои союзные республики. Союзных республик ко времени выборов 1937 года было 11, ко времени выборов 1946 г. 16.).

Соответственные цифры по выборам 1946 года опубликованы не были, и докладчики мандатных комиссий в обеих палатах Верховного Совета были чрезвычайно скупы на конкретные данные, когда коснулись в своих докладах вопроса о национальном составе палат Верховного Совета. «Состав избранных депутатов отражает многонациональный характер нашего государства», говорил в Совете Союза докладчик мандатной комиссии Н. С. Патоличев: в Совете Союза «полно представлены национальности, населяющие Советский Союз» («Правда» от 15-го марта 1946 года.). Докладчик мандатной комиссии Совета Национальностей П. А. Шария пошел несколько дальше (Там же.):

«Состав депутатов Совета Национальностей представляет живую картину великого содружества народов Советского Союза. В числе депутатов — русские, украинцы, белоруссы, азербайджанцы, грузины, армяне, туркмены, узбеки, таджики,

казахи, киргизы, карелы, молдаване, литовцы, латыши, эстонцы, абхазцы, осетины, татары, коми, буряты, якуты, чуваши, удмурты, башкиры, евреи, мордвины, финны, каракалпаки» и т. д.

Порядок, в котором перечислены здесь различные национальности отражает, конечно, численность депутатов различных национальностей, и евреи при этом оказываются на 26-ом месте. Между тем в 1937 году впереди евреев оказались в Совете Национальностей лишь девять национальностей: русские, украинцы, грузины, азербайджанцы, армяне, узбеки, казахи, киргизы и татары, все, кроме татар, представляющие союзные республики. На десятом, одиннадцатом и двенадцатом местах следовали евреи, белоруссы и туркмены, каждая группа с 15 депутатами (т. е. в среднем евреи могут быть отнесены на 11-ое место), на тринадцатом месте следовали таджики с 14 депутатами. Сейчас евреи оказываются отодвинутыми далеко назад.

Правда, количество евреев в стране изменилось. Оно сначала резко возросло, благодаря присоединению к Советскому Союзу новых территорий со значительным еврейским населением, потом резко сократилось, благодаря массовому истреблению евреев в период немецкой оккупации. По переписи января 1939 года евреи по своей численности (три с небольшим миллиона) стояли на седьмом месте (после русских, украинцев, белоруссов, узбеков, татар и казахов) (См. абсолютные данные у С. *Сулькевича,* «Территория и население СССР», Москва, 1940 года, стр. 16.). После присоединения новых территорий количество евреев превысило 5 миллионов и евреи передвинулись на четвертое место, непосредственно после русских, украинцев и белоруссов. (См. таблицу о численности населения Советского Союза и его национальных подразделений и о группировке населения по национальностям ко времени вступления Советского Союза в войну у *Corliss Lamont,* «The Peoples of the Soviet Union», New York, 1946, pp. 213–213. — Количество евреев в этой таблице, кажется, немного преувеличено и евреи занимали, может быть, не четвертое, а пятое место.). Большинство их погибло. Точное количество погибших неизвестно, но и сейчас в Советском Союзе, вероятно, несколько более 1 800 000 евреев (См. приложение в конце книги.), т. е. — если в остальном использованная только что таблица сохраняет свое значение, что представляется вероятным, — евреи по своей численности занимают одиннадцатое место среди всех народностей Советского Союза. (Следующая по численности группа — молдаване — насчитывала в таблице Ламонта 1 625 000 человек.). Отодвинутые с 1937 по 1946 год в составе населения с

7-го на 11-ое место, евреи оказались отодвинутыми среди депутатов Совета Национальностей с 11-го на 26-ое место. Это само за себя говорит.

Таковы данные по Совету Национальностей. По Совету Союза, в который в 1937 году было избрано значительно больше евреев, наши сведения более скудны, и тут мы можем составить себе представление о численности евреев-депутатов, лишь анализируя список депутатов, в котором приводятся полностью их имена, отчества и фамилии. («Правда» от 14-го февраля 1946 года.). Но и тут еще нужно устранить одну трудность: в списках депутатов трех Закавказских республик (Азербайджан, Грузия и Армения) и пяти азиатских республик (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Казахстан и Киргизия) иногда трудно отличить евреев, так как среди депутатов от этих республик могут быть так называемые восточные евреи, имена которых часто трудно отличимы от имен кавказских и азиатских народов, среди которых они живут, и, с другой стороны, среди кавказских не-еврейских племен иногда встречаются чисто библейские имена. Поэтому мы не воспользуемся полным списком 682 депутатов Совета Союза, а оставим вне рассмотрения список депутатов 8 названных республик (81 депутат — по численности населения этих республик). В 1937 году, как мы уже знаем, среди 569 депутатов Совета Союза было 32 еврея; в 1946 году среди 601 депутата (без 8 республик) их оказалось только пять. Контраст, может быть, даже больший, чем в Совете Национальностей.

Когда в марте 1950 года в третий раз состоялись выборы в Верховный Совет СССР, выборы эти показали, что процесс вытеснения евреев из советского «парламента», так отчетливо наметившийся на выборах 1946 г., дошел почти до своего логического конца; на этот раз выборы привели почти к полному исчезновению евреев из числа депутатов. Просматривая списки депутатов («Правда» от 15-го марта 1950 года.) — 678 депутатов Совета Союза и 638 депутатов Совета Национальностей, — мы убеждаемся, что в Совет Союза избраны на этот раз лишь один несомненный и один вероятный еврей, в Совет Национальностей два несомненных и один вероятный еврей.

Три несомненных еврея-депутата это Лазарь Каганович, избранный в Совет Союза от одного из избирательных округов Ташкента, Илья Эренбург, избранный в Совет Национальностей от одного из избирательных округов Риги, и главный врач городской больницы гор. Биробиджана Розалия Гольденберг, избранная в Совет Национальностей от Еврейской автономной области. Это, кстати, единственный еврей среди депутатов области в Совете Национальностей. Исчезли из Верховного Совета даже

занимавшие, казалось, такое прочное положение в советской иерархии евреи, как Лозовский, Литвинов, Мехлис, Гинзбург. Последние два еще и после выборов оставались членами Совета Министров. Вскоре они и тут сошли со сцены.

Когда в июне 1950 года новоизбранный Верховный Совет собрался на свою первую сессию, докладчик мандатной комиссии Совета Союза А. М. Пузанов, перечислив тридцать национальностей, представители которых были избраны в Совет, назвал еще — на 28-ом месте — и евреев (приведу наименования последних пяти перечисленных национальностей: «авары, лезгины, евреи, тувинцы, хакассы») («Правда» от 15-го июня 1950 года.). Но среди 33 национальностей, перечисленных докладчиком мандатной комиссии Совета Национальностей И. Г. Кэбиным, в качестве имеющих своих представителей в этом Совете, евреев уже не оказалось и они растворились в анонимной группе: «и представители других национальностей» (Там же.).

Таких примеров можно было бы привести немало из разных сфер жизни Советского Союза. Остановимся еще лишь на наиболее характерном — на почти полном исчезновении евреев из советского ведомства иностранных дел. Факт этот, как будет показано ниже, представляет большой интерес отнюдь не только с точки зрения изучения развития в Советском Союзе антисемитизма.

В иностранную печать не раз в последнее десятилетие проникали слухи, что Наркоминдел (сейчас Мининдел) систематически освобождается от евреев, что высшая школа для подготовки кадров для советского ведомства иностранных дел закрыта для евреев и т. п. Проверить эти слухи на основании советской печати пока не было возможности. Но вот характерные наблюдения образованного американского журналиста, проведшего несколько месяцев в Советском Союзе в составе миссии УНРРА (*John Fisher,* «Why They Behave like Russians», New York-London, Harper, 1947, p. 108.):

«В последние годы пред евреями закрылась возможность поступления на службу в ведомство иностранных дел, в котором, благодаря знанию языков и внешнего мира, они когда-то играли очень большую роль».

Другой американец, бывший московский корреспондент, скорее склонный скептически относиться к слухам о советском антисемитизме, писал в 1946 г. (*Harrison Salisbury,* «Russia on the Way», New York. 1946, p. 293.):

«Шопотом передавали, что евреев больше не принимают на курсы по подготовке к дипломатической службе. Я не знаю, верно ли это. Трое из заместителей Наркома иностранных дел евреи; но

я никогда не встречал там молодого еврейского атташэ, и у меня было ощущение, что там отдавали предпочтение блондинам нордического типа».

Говоря в 1946 году о евреях заместителях наркома (сейчас министра) иностранных дел, автор имел, конечно, в виду Литвинова, Лозовского и (полу-еврея) Майского. Но, может быть, не случайность, что все трое — хотя об освобождении их от должностей сообщено не было — вскоре совершенно исчезли с авансцены Министерства Иностранных Дел.

Но не только в Министерстве Иностранных Дел, но и в другом советском ведомстве, обращенном лицом к заграница, явно обнаруживается в последние годы тенденция стать «юденрейн». В заграничном аппарате Народного Комиссариата (Министерства) Внешней Торговли роль евреев еще не так давно была очень значительна; сейчас она ничтожна. В журнале Министерства «Внешняя Торговля» из месяца в месяц печатаются списки лиц, которым предоставляется право подписи по сделкам по внешней торговле в разных странах по многочисленным подчиненным Министерству «организациям».

Иногда в таком месячном списке около десятка имен, в других случаях их значительно больше: 30–40 и более. Возьмем для примера наугад большой список, опубликованный в майском выпуске «Внешней Торговли» за 1948 год. В нем перечислены 48 лиц, которым предоставлено право подписи по заграничным сделкам, из них только двое евреи. В январском списке «Внешней Торговли» за 1950, год перечислены 22 представителя, среди них только один, может быть, еврей; в февральском списке один еврей на 19 названных лиц, в апрельском (в мартовском выпуске такого списка вообще не было) один на 46. Итого за четыре первые месяца 1950 года среди 87 лиц, которым предоставлено право подписи по ведомству внешней торговли, оказалось только два или — максимум — три еврея.

То, что происходило в ведомствах иностранных дел и внешней торговли, лишь более отчетливо отражало тенденцию, которая под покровом тайны начала постепенно проводиться и в некоторых других ведомствах. В книге бывшего шифровальщика советского представительства в Оттаве Игоря Гузенко были в свое время сообщены поразительные факты, которые, правда, не поддаются проверке по советской печати, но, по крайней мере частично, находят себе косвенное подтверждение в некоторых других не вызывающих сомнений сообщениях. Гузенко писал (*Igor Gousenko,* «The Iron Curtain», New York, Dutton a. Co., 1948, p. 157.):

«В 1939 году нас частным образом и в индивидуальном

порядке «предупреждали» в Архитектурном Институте [в Москве], что на евреев сейчас смотрят косо. Нам сообщили о секретном постановлении ЦК ВКП, принятом около этого времени. Постановление это было разослано директорам учебных заведений по всему Советскому Союзу. В нем устанавливался точный процент для приема евреев, имевший целью ограничить их приток в советские учебные заведения».

Тот же автор сообщил и еще об одном секретном антиеврейском распоряжении (Ibidem, p. 168.):

«Летом 1945 года начальник секретного отдела Алексашкин прибыл в Оттаву и рассказал нам, что ЦК компартии разослал «конфиденциальную» инструкцию директорам фабрик и заводов с предписанием отстранить под каким-либо предлогом евреев от ответственных должностей и поручить им менее ответственную работу».

Особенно поражает сообщение о введении в советских учебных заведениях (по-видимому, речь идет о высшей школе) тайной процентной нормы для евреев. Возможно, что это мероприятие относилось не ко всем, а к определенным специальным учебным заведениям, как мы видели это выше в отношении высшей школы для подготовки кадров для дипломатического ведомства. Во всяком случае оно свидетельствует о том, что «освоение» антисемитизма сделало в советских официальных кругах значительные успехи.

О неблагополучии в советской школьной политике и о проникновении в эту политику элементов антисемитизма в печати имеется свидетельство американца, прожившего в Советском Союзе около десяти лет, хорошо владеющего русским языком и завоевавшего себе репутацию спокойного, внимательного и объективного наблюдателя. Это Эдмунд Стивенс, бывший многолетний московский корреспондент большой бостонской газеты «Кристиан Сайенс Монитор». В одной из своих статей, написанной вскоре после отъезда из Советского Союза, Стивенс рассказывает следующий поразительный случай («The Christian Science Monitor», January 10, 1950.):

««Нужен ли вам секретарь», спросил меня мой старый друг-еврей. «Не возьмете ли вы моего сына?»

Я был изумлен. Мой собеседник знал так же хорошо, как и я, что для советского гражданина, если он только не получил специального «поручения», было небезопасно работать у иностранного корреспондента. К тому же сын его недавно сдал с отличием экзамены на знание магистра истории, что должно было открыть ему возможность получить место преподавателя почти в любом высшем учебном заведении. Я всё это и высказал,

но мой друг ответил мне с горечью: «И мой сын думал так же, пока он не начал обходить учебные заведения».

Оказалось, что куда его сын ни обращался в поисках работы, — а он не похож на еврея, — его повсюду встречали приветливо и предлагали заполнить формулярный бланк. Но когда принимавший его чиновник доходил в его формуляре до слова «еврей», ему вежливо сообщали, что, к сожалению, вакансий сейчас нет. Потеряв так несколько месяцев, сын моего друга в отчаянии готов взять любую работу.

Разговор наш происходил в начале зимы прошлого года. Сначала я отнесся к рассказу моего друга с некоторым недоверием. Но вскоре я получил подтверждение его из другого источника. Начальник отделения большого учебного заведения сообщил мне, что он получил предписание не принимать больше евреев на должности учителей и под благовидным предлогом уволить тех, кто уже входят в штат».

В новейшее время в развитии антисемитизма в Советском Союзе наметилась новая черта, резко отличающая новейшее развитие от наблюдавшихся ранее проявлений антисемитизма. Как было показано выше, антисемитизм никогда в Советском Союзе не сходил целиком со сцены и временами кривая антисемитизма даже высоко подымалась, как это было, например, во второй половине двадцатых годов или в годы 2-ой мировой войны. Но всегда — и в годы его подъема, и в годы упадка — антисемитизм оставался в Советском Союзе явлением, с которым советское правительство либо боролось, либо, если и не боролось, то не по антисемитским мотивам, а по мотивам политического оппортунизма. До самого последнего времени антисемитизм никогда не пользовался в Советском Союзе прямым и открытым поощрением со стороны правительства или, как принято говорить в Советском Союзе, «правительства и партии». Лишь в отмеченных выше фактах национальной дискриминации, обращенной своим острием против евреев, начали складываться к концу тридцатых годов черты официального антисемитизма. Но факты эти держались в секрете и их деморализующее влияние на общественное сознание было поэтому ограничено.

С начала 1949 года положение переменилось. С этого времени впервые в Советском Союзе появились признаки официального и открыто поощряемого антисемитизма.

Официальная советская идеология всё явственнее приобретает в последние годы характер воинствующего национал-коммунизма. При этом в чрезвычайно активной советской национал-коммунистической пропаганде явственно звучит нота русского национализма.

В свое время обратил на себя всеобщее внимание тот факт, что на банкете в честь вождей армии, устроенном в Кремле 24-го мая 1945 года, т. е. тотчас после окончания войны в Европе, Сталин провозгласил тост в честь «русского народа», «наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза» («Известия» от 25-го мая 1945 года.). Это выделение русского народа среди народов Советского Союза, противоречившее всей коммунистической традиции, отнюдь не было случайностью. За истекшие с тех пор годы идея эта прочно вошла в официальный советский политический обиход. А с 1946 года она получила и дальнейшее развитие, и сейчас в советской печати настойчиво проводится мысль, что русский народ — не народы Советского Союза, а именно русский народ — является самым одаренным уже не только в СССР, но и во всем мире, и что почти во всех областях человеческого знания и творчества на его долю приходятся наиболее выдающиеся достижения.

Больше того: самая мысль, будто высшие достижения человеческого гения оказались возможными лишь благодаря творческим усилиям выдающихся людей разных наций, объявляется выражением «безродного космополитизма» и «низкопоклонства перед Западом».

С начала 1949 года «борьба с безродным космополитизмом» приняла чрезвычайно широкий характер и из области преимущественно идеологической перешла к «оргвыводам» по всему «фронту культуры и искусства». Началось с театральных критиков, перешли к литературным критикам, искусствоведам, музыкальным критикам и т. д. Всюду была проведена энергичная «чистка» и «безродные космополиты» пачками выбрасывались за борт.

Стоит присмотреться к выдвигавшимся против «безродных космополитов» обвинениям. Иоган Альтман, главный редактор журнала «Театр», автор ряда книг о драматургии («Лессинг и драма», «Драматургия» и др.), в течение ряда лет один из самых авторитетных советских театральных критиков, был объявлен «врагом советского искусства» и «диверсантом на нашем идеологическом фронте»; «Альтман ненавидит всё русское, всё советское: буржуазный национализм и отвращение ко всему русскому неизбежно приводили его к рабскому угодничеству перед Западом» (*Г. Гурко,* «Буржуазный националист Альтман», «Советское Искусство» от 19-го февраля 1949 года.). Другой, еще более влиятельный советский театральный критик, А. Гурвич, был прямо обвинен в «издевательстве над русским народом, над русским человеком, над русскими национальными традициями» (*Константин Симонов,* «Задачи советской драматургии и

театральной критики», «Литературная Газета» от 2-го марта 1949 года.). Может показаться невероятным, что театральный критик, к голосу которого в течение десятилетия прислушивалась вся советская театральная общественность, только и делал, что издевался над русским народом. Но вот доказательства («Об одной антипатриотической группе театральных критиков», «Правда» от 28-го января 1949 года.):

«Какое представление может быть у А. Гурвича о национальном характере русского советского человека, если он пишет, что в «благодушном юморе и наивно доверчивом оптимизме» пьес Погодина, в которых якобы выразился «национальный характер мироощущения драматурга», зритель видел свое отражение и «испытывал радость узнавания», ибо, дескать, «русским людям не чуждо благодушие».

Поклеп это на русского советского человека. Гнусный поклеп. И именно потому, что нам глубоко чуждо благодушие, мы не можем не заклеймить этой попытки оболгать национальный советский характер».

То, что вызывает здесь возмущение «партийного руководства» и «выжигается каленым железом», это отголоски гуманистической традиции старой русской литературы, оказавшей сильное влияние и на советскую литературу. Сейчас всё это лишь «благодушие», недостойное «нашей героической эпохи».

Что обвинение в издевательстве над всем русским и в «гнусном поклепе на русского советского человека» приобретает специфический характер, когда оно в такой заостренной форме обращено против людей с явно не-русскими фамилиями (и Альтман, и Гурвич — евреи), само собой понятно. К этому мы еще вернемся.

Читателю, мало знакомому с советской печатью и наслышанному о попытках коммунистов выступать — особенно вне Советского Союза — в качестве чемпионов борьбы за «культуру и свободу», трудно принять мысль, что приведенные выше слова не несчастная, случайная обмолвка. Но это очень далеко от обмолвки. Вот, например, как строится обвинение против популярного украинского поэта Леонида Первомайского (тоже еврея). В докладе «Леся Украинка и современность», прочитанном Первомайским на юбилейной сессии украинской Академии Наук, Первомайский говорил:

«Так расширяет свои границы и углубляется гуманизм украинской классической литературы, дополняя шевченковский прометеизм, его гневную непримиримость к врагам и любовь к своему народу более широким пониманием Франко и светлой человечностью и всечеловечеством Леси Украинки.

Только в творчестве Леси Украинки впервые в истории нашей культуры национальное перерастает в общечеловеческое».

Собрание членов украинской Академии Наук, вероятно, наградило докладчика шумными и на этот раз не просто обязательными аплодисментами. Но всё это было до январьских — 1949 года — статей «Правды» и «Культуры и Жизни», которыми открылась новейшая кампания против «безродных космополитов». После этих статей секретарь правления Союза Советских Писателей Украины Л. Дмитерко, из статьи которого заимствована приведенная выше выдержка из доклада Первомайского, загорелся священным негодованием. (*Л. Дмитерко,* «Состояние и задачи театральной и литературной критики на Украине», «Литературная Газета» от 9-го марта 1949 года.):

«Здесь Первомайский дает законченную теорию космополитизма. Выходит, что Шевченко со своей непримиримостью к врагам и любовью к своему народу был ограниченным: Иван Франко, любимцем которого якобы был Гейне [и это сейчас оскорбительно для памяти Франко — любить такого «безродного космополита», как Гейне!], расширил «миропонимание», а Леся Украинка вывела украинскую литературу к «всечеловеческой человечности».

Это законченный космополитизм… Первомайский развил гнилые, космополитические теории, скатившись в болото буржуазного гуманизма».

«Буржуазный гуманизм» в действительности есть не что иное, как «космополитизм», а «космополитизм» в свою очередь это — лишь американская агентура. На состоявшемся в конце зимы 1948/49 года собрании актива работников советской кинематографии заместитель министра кинематографии СССР В. Щербина так прямо и сказал («Советское Искусство» от 5-го марта 1949 года.):

«Космополитизм — это знамя американской империалистической реакции, которая стремится духовно разоружить народы, лишить их воли к борьбе, повергнуть народы мира в рабство хозяевам Уолл-стрита, мечтающим о мировом господстве. К одному и тому же, по сути, призывали Гурвич, Трауберг и Блейман, охаивая советское искусство, высмеивая национальные формы нашей культуры и холуйски восторгаясь американскими пьесами и фильмами».

Словом, космополитизм это «холуйство» перед американцами. После этого нетрудно объявить «космополитов» «диверсантами» — и это и делается — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Всякому, кто читал в эти месяцы советскую печать, не могло не броситься в глаза, что среди множества лиц, которые оказывались повинными в «безродном космополитизме», огромное большинство составляли евреи. Верно, что в Советском Союзе среди литературных, театральных, музыкальных и иных критиков много евреев — сейчас уже правильнее сказать: было много евреев.

Но всё же евреи составляли среди критиков меньшинство в некоторых областях, может быть, лишь небольшое меньшинство. Причем в преобладающем большинстве своем критики-евреи принадлежали к совершенно ассимилированному слою еврейства, и как внимательно ни присматриваться к тому, что писали советские критики евреи и не-евреи, трудно обнаружить какую-либо идеологическую разницу между ними. Уже самый факт огромного преобладания евреев среди «вычищенных» наводит поэтому на мысль, что в процессе «чистки» сознательно производился отбор не на основании лишь прошлой и настоящей деятельности, даже, может быть, не столько на основании прошлой и настоящей деятельности «вычищаемых», сколько в расчете на будущее. И правильно: если официальная идеология перестраивается в духе воинствующего русского национализма, евреи в массе своей — даже ассимилированные евреи — не могут считаться вполне надежными проводниками официальной политики.

Но евреи не только составляли подавляющее большинство «вычищаемых»; «правительство и партия» сознательно принимали меры к тому, чтобы новейшая «чистка» была воспринята населением прежде всего, как освобождение советской критики от «антипатриотического» влияния евреев. Что это именно так, говорит широко применявшийся в борьбе с «безродными космополитами» прием, явно заимствованный из арсенала антисемитизма. Впервые к нему прибегла «Культура и Жизнь», орган Центрального Комитета ВКП, специальной задачей которого являлось наблюдение за идеологической чистотой и за верностью «линии партии». В статье, посвященной «проискам антипатриотической группы театральных критиков» (30-го января 1949 года), которой — вместе со статьей «Правды», появившейся двумя днями раньше, — открылась новейшая кампания против «безродных космополитов», «Культура и Жизнь», перечисляя «антипатриотов», отметила, что фамилия критика, подписывающегося Е. Холодов, в действительности Меерович.

Это был как бы пробный шар. Немного времени спустя «Литературная Газета» (от 12-го февраля) раскрыла Яковлева-Хольцмана и Мельникова-Мельмана. В течение февраля печать

жевала Мееровича и Хольцмана. В марте этого оказалось уже недостаточно. 6-го марта 1949 г. «Комсомольская Правда» открыла Ясного-Финкельштейна, Викторова-Злочевского, Светлова-Шейдлина (*Бор. Иванов и Е. Родиков,* «Буржуазные космополиты в спортивной литературе», «Комсомольская Правда» от 6-го марта 1949 года.). Тремя днями позже «Литературная Газета» в цитированной уже выше статье Л. Дмитерко, посвященной украинским делам, разоблачила Бурлаченко-Бердичевского, Жаданова-Лифшица, Гана-Кагана, Мартича-Финкельштейна, Стебуна-Кацнельсона, Санова-Смульсона.

В напряженной украинской обстановке, где до сих пор не изжиты антисемитские настроения, получившие очень широкое распространение в годы оккупации и резко сказавшиеся и в первый период после освобождения, такая борьба против евреев-«антипатриотов» — в руководящих кругах это должны были сознавать — это социально-психологический динамит.

Сейчас уже самое понятие «еврейство» является одиозным. Началось это еще осенью 1948 года, и первым, еще относительно осторожным выражением этой новой ориентировки была статья Ильи Эренбурга в «Правде» от 21-го сентября, вызвавшая смятение в еврейских коммунистических кругах Америки. Вскоре эта новая ориентировка приобрела и практическое значение и сказалась роспуском Еврейского Антифашистского Комитета и арестом его руководителей (См. об этом подробно в моей книге «The Jews in the Soviet Union», Syracuse University Press, 1951, pp. 196 ff.). А когда развернулась кампания по борьбе с «безродными космополитами», отрицательное отношение к идее «мирового еврейства» приобрело характер универсального принципа, определяющего направление «идеологической политики». Иллюстрирую это примером. В «Литературной Газете» появилась статья по поводу только что выработанного «проекта словника 2-го издания Большой Советской Энциклопедии» (*Е. Ковальчик,* «Безродные космополиты», «Литературная Газета» от 12-го февраля 1949 года.). Куда только ни проникает космополитическая крамола! Оказывается, в словнике «проступают самые дикие, отвратительные явления космополитизма»:

«Космополитические, объективистские взгляды авторов этого словника особенно проявились в том, как они рассматривают еврейскую литературу и какие имена включили в этот раздел. Авторы дали весьма любопытное примечание: «этот словник охватывает *всю* еврейскую литературу». Современная еврейская литература в словнике занимает такое же место, как узбекская, казахская и грузинская, вместе взятые.

Авторы словника…. берут «всю еврейскую литературу» без различия страны, государственных систем, вытаскивают космополитическую, буржуазно-националистическую идейку, играющую на руку врагам нашей Родины, о существовании якобы «общемировой» еврейской литературы. В их списке советские писатели стоят в одном ряду с прожженными современными бизнесмэнами Америки, Палестины и других стран…»

На Украине тайные антисемиты среди советской «элиты», которые до недавнего времени должны были скрывать свои подлинные настроения, вздохнули с облегчением. Секретарь правления Союза Советских Писателей Украины Л. Дмитерко вспомнил — оказывается, так возмутившее его в свое время — стихотворение Саввы Голованивского «Авраам», навеянное страшной еврейской трагедией в Киеве 1941 года, и он берет сейчас реванш (*Л. Дмитерко,* «Состояние и задачи театральной и литературной критики на Украине», «Литературная Газета» от 9-го марта 1949 года.):

«Голованивский является автором открыто-враждебного советскому народу националистического стихотворения «Авраам». В этом стихотворении Голованивский возводит страшную, неслыханную клевету на советский народ и нагло врет, будто бы советские люди — русские и украинцы — равнодушно отворачивались от старого еврея Авраама, которого немцы вели на расстрел по улицам Киева.

Это страшный поклеп на советский народ, который в тяжелой кровавой борьбе, ценой больших жертв и усилий отстоял свободу и независимость советских людей всех национальностей…»

Что советский народ позже действительно отстоял свою свободу, верно. Но это не устраняет факта, что уничтожение евреев в Бабьем Яру в Киеве осенью 1941 г. не вызвало никакой сколько-нибудь заметной реакции со стороны местного не-еврейского населения. Фальшивой и в своей психологической основе антисемитской реторикой о «страшном поклепе» (опять «поклеп»!) нельзя сделать бывшее не-бывшим. И аргумент Дмитерко не становится убедительнее оттого, что он обращает его одновременно и против другого украинского поэта — и тоже еврея — Первомайского, «повторяющего поклепы Голованивского на советских людей».

Травля в Советском Союзе «безродных космополитов», оказывающихся в огромном большинстве случаев евреями, и особенно раскрытие псевдонимов, явно имеющее целью обратить внимание на еврейство разоблачаемых «антипатриотов» и повторяющее стародавний прием воинствующего антисемитизма, произвели очень тягостное впечатление на широкие круги

заграницей, особенно на еврейские круги, и не могли не вызвать смущения в еврейской коммунистической среде. Американская коммунистическая и «симпатизирующая» печать пыталась багателизировать эту кампанию и прежде всего устранить одиозное впечатление от раскрытия псевдонимов: в Советском Союзе будто бы является нормальным, что рядом с псевдонимом указывается и действительная фамилия пользующегося псевдонимом лица. — Это, конечно, неверно. Такая практика еще могла бы иметь какой-то смысл в первые годы революции в отношении псевдонимов, принятых до революции по соображениям конспирации. Но в отношении псевдонимов, принятых уже в годы революции, — а все без исключения псевдонимы, раскрытые в советской печати в первые месяцы 1949 года, это псевдонимы революционного времени — аргумент этот явно несостоятелен: ведь если бы стало обычным ставить рядом с псевдонимом и действительную фамилию, псевдонимы просто перестали бы существовать.

Гораздо важнее должен был бы быть другой квазиаргумент в защиту новейшей советской практики: «В капиталистическом мире мы реагируем очень болезненно» против такой практики, но для Советского Союза делать из нее выводы об официально-поощряемом антисемитизме недопустимо, писала Нью-Йоркская коммунистическая газета (*Joseph Starobin,* «Soviet Record Refutes Anti-Semitism Slanders», «The Worker» (воскресное издание «The Daily Worker»), April 17,1949.). Но это просто не аргумент, а лишь свидетельство полной растерянности апологетов советской борьбы против евреев-«антипариотов».

По-видимому, и в Москве очень скоро поняли, что подчеркивание анти-еврейского характера борьбы с «безродным космополитизмом» ставит в невыносимое положение многих верных «друзей» Советского Союза, и уже с весны 1949 года анти-космополитической кампании был придан несколько более осторожный характер и в частности прекратилась слишком откровенно антисемитская практика публичного раскрытия псевдонимов еврейских авторов. А при опубликовании — в апреле 1949 года — очередного списка лиц, награжденных так называемыми Сталинскими премиями, ряд писателей и деятелей искусства не-евреев, известных под псевдонимами, были названы и по своим действительным фамилиям. Но это явно было сделано с целью замести следы: в прежние годы (а Сталинские премии выдаются ежегодно) при опубликовании списков так называемых Сталинских лауреатов указание подлинных фамилий лиц, пользующихся псевдонимами, имело место лишь в виде редкого исключения, если эти лица жили не под своими литературными

именами (как это обычно в Советском Союзе), а под действительными фамилиями. Такого рода раскрытие псевдонимов применялось лишь в интересах самих носителей псевдонимов и отнюдь не имело целью, как при раскрытии псевдонимов Мееровичей и Финкельштейнов, возбудить против них недружелюбные чувства населения.

Но если в вопросе о раскрытии псевдонимов опубликование списков Сталинских лауреатов и не могло рассеять тревоги, вызванной в широких кругах еврейства новейшей советской кампанией против евреев-«антипатриотов», то, с другой стороны, списки эти всё же поколебали представление о существовании в Советском Союзе официально поощряемого антисемитизма: среди награжденных Сталинскими премиями и в 1949 году, как и в прежние годы, оказалось значительное количество евреев.

Стоит присмотреться ближе к этим спискам («Правда» от 9-го и 10-го апреля 1949 года.): они облегчают понимание границ современного советского антисемитизма, понимание его статики и его динамики.

Так как в списках награжденных Сталинскими премиями приводятся фамилии, имена и отчества награжденных, установить, кто среди них евреи, в огромном большинстве случаев не представляет затруднений. Всего в 1949 году были выданы 302 премии, но только 119 премий присуждены в индивидуальном порядке, а в большинстве случаев — особенно за технические усовершенствования, за улучшение методов работы и за театральные и кинематографические постановки — одна премия присуждалась нескольким лицам, и общее число лауреатов по спискам одного лишь 1949 года (за 1948 год) достигло 1033. Среди них, по нашим подсчетам, было 107 несомненных и 29 возможных евреев. Не все среди последних в действительности евреи, но если мы отнесем всех их к числу евреев, ошибка будет невелика, тем более, что небольшое число евреев среди лауреатов, вероятно, ускользнуло от нашего подсчета. Словом, в списках 1949 года мы можем принять в качестве евреев 136 человек, (В американской коммунистической печати чрезвычайно энергично аргументировали списками сталинских лауреатов 1949 года, как доказательством отсутствия антисемитизма в Советском Союзе; при этом здесь приводились несколько более низкие цифры евреев-лауреатов, чем показано мною: *Moses Miller,* «Soviet «Anti-Semitism» — the Big Lie!», Jewish Life Publeations, n. d., p. 13, обнаружил в списках 1949 года лишь 120 евреев, а *Tom O'Connor B* статье «Hoax of «Soviet Anti-Semitism» в «The Daily Compass», May 26, 1949, и позже в брошюре «The Truth about Anti-Semitism in the Soviet Union», American Committee

of Jewish Writers, Artists and Scientists, New York, n. d., p. 9, называет даже более низкую цифру: 99 лауреатов-евреев по отделам технологии (т. е., очевидно, по отделу изобретений и пр.) и искусства (т. е., очевидно, литературы и искусства), почему-то оставляя вне поля зрения премии по отделу науки.)

из 1033, т. е. 13,2 %. Если принять во внимание, что евреи составляют сейчас лишь около 1 % населения Советского Союза, нужно признать, что 13,2 % евреев среди лауреатов это очень высокий показатель.

Это значит, что далеко не все пути закрыты в Советском Союзе для евреев. Чтобы лучше отдать себе отчет в том, на каких путях перед евреями остаются еще открытыми относительно благоприятные перспективы, необходимо ближе присмотреться к тому, кто и за что получает премии.

За выдающиеся достижения в области литературы и искусства награждены премиями 238 человек, из них 25 евреев. Среди награжденных в этой группе 144 лауреата — и среди них 21 еврей — приходится на театр и кинематограф. Но премии за театральные и кинематографические достижения все носят групповой характер и при значительности роли евреев в театральной и кинематографической жизни они естественно попадают в число лауреатов, когда премия присуждается коллективу, в котором они играют сколько-нибудь значительную роль.

На 40 награжденных за выдающиеся научные достижения евреев 6, но только двое из них — специалист по математической физике Георгий Гринберг и математик Леонид Канторович — награждены в индивидуальном порядке, остальные четверо вместе с другими.

Еще явственнее та же черта сказывается в группировке лауреатов, награжденных за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов работы. В этой группе 755 лауреатов, в том числе 104 еврея, но только двое из них получили премии в индивидуальном порядке.

Всего среди 119 лиц, награжденных в индивидуальном порядке, только семь евреев.

Из этих данных можно сделать два вывода:

1) Роль евреев в среде технической интеллигенции сейчас относительно очень значительна; по-видимому, технические профессии привлекают сейчас евреев больше, чем это наблюдалось когда бы то ни было, и остаются для евреев открытыми. Характерно, что и в мире науки евреи выдвигаются прежде всего в области математико-физических наук. Напротив, в области гуманитарных наук, в области литературы и в основном в

области искусства евреи сейчас уже далеко отодвинуты на задний план.

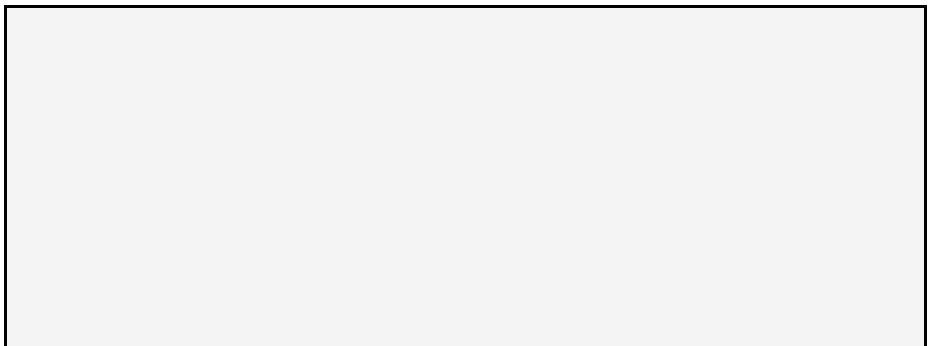
2) Но и в тех областях, где перед евреями открыто относительно широкое поле деятельности для применения их знаний и творческой энергии, они добиваются публичного признания за редкими исключениями лишь вместе с коллективом, в котором работают, и крайне редко в индивидуальном порядке. Факт этот говорит о том, что даже и в этих областях начинает отчетливо сказываться национальная дискриминация.

Встающая здесь перед нами картина подтверждает вывод, напрашивающийся из охарактеризованного выше развития борьбы против «безродного космополитизма» и, вероятно, уже сделанный внимательным читателем: антисемитизм, окрашивающий новейшую официальную советскую идеологию, вторичного происхождения; первичное это воинствующий национализм, на почве которого и расцветает антисемитизм.

Поэтому и мероприятия, направленные против евреев, захватывают первоначально лишь те области, которые непосредственно связаны с идеологией, с политикой, с орудиями воздействия на общественное мнение и лишь постепенно и значительно медленнее антисемитизм проникает в идеологически нейтральную сферу человеческой деятельности.

Но он проникает и сюда, как об этом убедительно свидетельствуют приведенные только что данные о Сталинских лауреатах. Это становится еще очевиднее если проследить изменения процента евреев среди Сталинских лауреатов за несколько лет.

Если по тому же методу, который был применен выше в отношении списков лиц, награжденных Сталинскими премиями в 1949 году, произвести подсчет всех лауреатов и лауреатов-евреев за несколько лет, явственно обнаруживается быстрое падение процента евреев во всех группах награжденных, как это видно из следующей таблицы:



		Общее число лауреатов	Число лауреатов евреев	Евреи в %
Литература и искусство	1948	189	27	14,3
	1949	238	25	10,5
	1950	317	28	8,8
	1951	499	47	9,5
	1952	303	21	6,9
Наука	1948	45	7	15,6
	1949	40	6	15,0
	1950	60	7	11,7
	1951	135	7	5,2
	1952	170	10	5,9
Изобретения и пр. .	1948	476	89	18,7
	1949	755	104	13,8
	1950	1 210	145	12,0
	1951	2 063	164	7,9
	1952	1 284	82	6,4
Всего	1948	710	123	17,3
	1949	1 033	135	13,1
	1950	1 587	180	11,3
	1951	2 697	218	8,1
	1952	1 757	113	6,4

(См. «Правду» от 2-го и 21-го апреля, 30-го мая и 3-го июня 1948 года, от 9-го и 10-го апреля 1949 года, от 4-го и 8-го марта 1950 года, от 15-го, 16-го и 17-го марта 1951 года и от 13-го 14-го и 15-го марта 1952 года.)

Постепенное падение процента евреев-лауреатов следовало бы считать нормальным явлением, объясняемым расширением рядов интеллигенции и подъемом в ряды квалифицированных профессий всё большего числа лиц.

Но наблюдаемый в последние годы темп падения процента евреев среди этих лауреатов трудно объяснить этими причинами. Какую-то и, вероятно, немалую роль играет здесь и процесс сознательной или полусознательной дискриминации по отношению к евреям. Сейчас процесс этот протекает» уже почти автоматически.

Антисемитизм в Советском Союзе в последнее время как бы притаился и избегает выступать с открытым забралом. Но тем активнее, настойчивее и упорнее становится тот скрытый, ползучий антисемитизм, который всё явственнее проникает во все поры советской жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эвакуация евреев в Советском Союзе в годы войны

Объем немецкой оккупации

Население Советского Союза вместе с присоединенными к нему в 1939–40 годах новыми территориями (прибалтийские страны, восточная Польша, Буковина и Бессарабия) достигало ко времени нападения гитлеровской Германии на Советский Союз около 200 миллионов.

(По переписи 17-го января 1939 года население Советского Союза достигало 170,5 миллиона; за почти два с половиной года до начала советско-германской войны оно увеличилось в порядке естественного прироста не менее, чем на 6–7 миллионов (вероятно, больше). — Население новых областей достигало к моменту их присоединения к Советскому Союзу около 23 миллионов («Большая Советская Энциклопедия», специальный том «Союз Советских Социалистических Республик», Москва, 1946 г., стр. 49).).

В том числе евреев было в старых границах СССР около 3 100 000, (Общее количество еврейского населения СССР достигало по переписи 1939 года 3 020 171 *(Л. Зингер,* «Дос банайте фолк», Москва, 1941 г., стр. 126). Почти за два с половиной года до вступления СССР в войну оно увеличилось, вероятно, не менее, чем на 100 000. — При производстве переписи 1939 года в качестве евреев отмечались лишь лица, которые и сами признавали себя евреями. Какое-то число евреев по своему происхождению, показавших себя при переписи русскими (или украинцами, белоруссами и пр.), в показанное число евреев не вошли. Я. *Лещинский* («Иди ин Советфарбанд — 1946» в «Идишер Кэмфер» от 27-го сентября 1946 года, стр. 95) полагает, что число таких лиц — евреев по происхождению, не отмеченных в статистике в качестве евреев, — достигало в СССР ко времени переписи от 250 до 300 тысяч. В наши подсчеты они нигде не вошли.) и на новоприобретенных территориях (Для еврейского населения советской зоны Польши принята польская официальная цифра («Concise Stastical Year-Book of Poland», Polish Ministry of Information [London], December 1941, p. 10); для Литвы (до присоединения Виленского района), Латвии и Эстонии, см. «American Jewish Year-book, 1947/48», published by the American Jewish Committee, p. 740, для северной Буковины и Бессарабии

«Jewish Affaires», August 1941, p. 2.).

Восточной Польши	1 390 000
Литвы	155 000
Латвии	95 000
Эстонии	5 000
Северной Буковины и Бессарабии	330 000
Всего около	1 900 000

Общее количество еврейского населения на расширенной территории Советского Союза достигало таким образом к моменту вступления Советского Союза в войну, не считая беженцев из занятой немцами западной Польши (судьба которых была отлична и о которых речь будет особо), около 5 миллионов, а вместе с беженцами из Западной Польши около 5,4 миллиона.

Общее количество довоенного населения на советской территории, подвергшейся немецкой оккупации, достигало 88 миллионов (См. «Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков» в «Правде» от 13-го сентября 1945 года.), в том числе на новой территории, как отмечено выше (см. Сноску на стр. 233), около 23 миллионов и на старой советской территории около 65 миллионов. Из пяти миллионов коренного еврейского населения на расширенной территории СССР подавляющее большинство жило на территории, подвергшейся немецкой оккупации: новые территории были заняты целиком; из старой территории также целиком были заняты Белоруссия и Украина с очень значительным еврейским населением; кроме того, были заняты ряд областей РСФСР. Общее количество довоенного коренного еврейского населения на оккупированной территории можно приблизительно определить следующим образом:

Белоруссия и Украина	1 908 000
оккупированные области РСФСР более ..	250 000
новые территории около	1 900 000
Всего от 4 050 000 до	4 100 000

(Для Белоруссии и Украины принята цифра еврейского населения по переписи 17-го января 1939 года без учета

естественного прироста за почти два с половиной года до начала советско-германской войны. С 1926 по 1939 год — если взять весь период в целом — естественный прирост еврейского населения этих республик не покрывал переселения евреев из этих республик на восток, главным образом в пределы РСФСР, и общее количество евреев в Белоруссии и на Украине даже уменьшилось с 1981 до 1908 тысяч (*Л. Зингер,* как в сноске на стр. 36). Миграция евреев из Белоруссии и Украины была особенно интенсивной с конца двадцатых до середины тридцатых годов. В дальнейшем, с ростом хозяйства на Украине и в Белоруссии, усилился процесс поглощения избыточного еврейского населения в пределах этих республик — особенно это относится к Украине — и миграция на восток, по-видимому, ослабела. Поэтому кажется вероятным, что процесс сокращения еврейского населения Украины и Белоруссии остановился и возможно даже, что цифры миграции за пределы этих республик начали отставать от цифры естественного прироста. 1 908 000 коренного еврейского населения Украины и Белоруссии к началу советско-германской войны это поэтому минимальная цифра.

Общее количество евреев в Псковской, Новгородской, Смоленской, Брянской, Орловской, Курской и Воронежской губерниях, в Донском округе и в Крымской автономной республике достигало, по переписи 1926 года, 184 тысяч (подсчитано по данным в «Всесоюзная перепись населения 17-го декабря 1926 года. Краткие сводки», Москва, 1928 г., выпуск 4-ый, стр. 46 и ел.) при общем количестве еврейского населения РСФСР в 566,9 тысяч. Ко времени переписи 1939 года еврейское население РСФСР возросло до 948 тысяч (*Зингер,* стр. 126), т. е. более, чем в полтора раза. Еврейское население этих областей достигало поэтому в 1939 году никак не меньше 250 000. А кроме названных областей немцами были заняты частично и некоторые другие области РСФСР, правда, со сравнительно немногочисленным еврейским населением. Общее количество довоенного коренного еврейского населения на территории РСФСР, подвергшейся немецкой оккупации, было, вероятно, выше 250 000, достигая, может быть, 275 000).

Коренное еврейское население той части Советского Союза, которая не подверглась оккупации, было таким образом несколько менее миллиона. Оккупация распространилась на территорию, на которой жило не менее 2/3 еврейского населения СССР в его старых границах и не менее 4/5 коренного еврейского населения расширенного Советского Союза.

Общий характер эвакуации

В годы войны о характере эвакуации населения в восточные области Советского Союза ходили самые фантастические слухи. В американской печати в частности получило широкое распространение мнение, что советское правительство, кроме общих мероприятий по эвакуации правительственных учреждений, промышленных предприятий и пр. с их персоналом, принимало энергичные меры по эвакуации евреев, как таковых, чтобы спасти их от угрожавшей им опасности. Такого рода утверждения и позже можно было встретить и в серьезных работах, у свободных от просоветских иллюзий авторов. Так еще через три года после окончания войны Е. М. Кулишер писал (*Eugene M. Kulisher,* «Europe on the Move, War and Population Changes, 1917–47», New York, Columbia University Press, 1948, p. 260.):

«…Правительство приняло меры, чтобы не допустить общего ухода населения, что привело бы к тому, что дороги были бы забиты, и имело бы своим дальнейшим последствием массовый приток населения в области, неспособные ни приютить, ни прокормить такого количества беженцев. Лишь небольшая часть сельского населения была эвакуирована. Из городских центров были вывезены фабрики вместе с обученными и многими другими рабочими. Кроме того, были эвакуированы государственные служащие и широкие массы евреев (large population of the Jews), чтобы спасти их от немецких жестокостей».

Сейчас такого рода высказывания, правда, встречаются всё реже; в годы войны таково было господствующее мнение.

В советской печати, поскольку она проникает заграницу, никаких правительственных декретов или инструкций об эвакуации опубликовано не было. Не было и высказываний советских вождей, которые позволили бы составить представление о задачах эвакуации и ее характере. Единственное исключение составляет радио-речь Сталина от 3-го июля 1941 года, в которой была выдвинута мысль о «выжженной земле» (еще без употребления этого термина) (*И. В. Сталин,* «О великой отечественной войне Советского Союза», 5-ое издание, Москва, 1946 года, стр. 14.):

«При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Всё ценное имущество, в том числе цветные металлы,

хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться».

Термин «выжженная земля» не совсем верно характеризует эту политику: судя по многочисленным описаниям эвакуации в советской периодической печати и в художественной литературе, задачи, которые стояли перед уходящими советскими властями, сводились не столько к уничтожению, сколько к увозу всего того, что могло быть использовано для нужд войны и прежде всего к эвакуации более ценных с точки зрения работы на оборону промышленных предприятий с наиболее ценной частью их персонала и к скорейшей мобилизации и эвакуации всех, кто может носить оружие. Эвакуация евреев, как таковых, в рамки этого плана как-то просто не укладывалась. Этой проблемы для советской администрации не существовало.

В еврейской литературе, посвященной трагическим событиям периода второй мировой войны, есть, правда, одно указание на декрет советского правительства об эвакуации евреев. В известной книге Моше Кагановича об участии евреев в советском партизанском движении мы читаем (*Моше Каганович,* «Дер идишер онтайл ин партизанер-бе-вегунг фун Совет-Русланд», изд. Центральной Исторической Комиссией Союза Партизан «Пахах» в Италии, Рим, 1948 г., стр. 188.).:

«Уже в конце 1941 года был опубликован указ (декрет), подписанный Калининым (председателем [Президиума] Верховного Совета) и Горкиным (секретарем [Президиума] Верховного Совета) об эвакуации из областей, угрожаемых врагом, в первую очередь граждан еврейской национальности».

Однако, в «Известиях» и в советской печати вообще нет никаких следов этого указа, и сообщение Кагановича явно лишь отголосок одной из многочисленных легенд, складывавшихся в годы войны. Замечательно, что и коммунистическая печать, подхватившая сообщение Кагановича, не в состоянии привести текста этого декрета и указать, где и когда он был опубликован, и ограничивается ссылкой на книгу эмигранта Кагановича (См., напр., *Moses Miller,* «Soviet Antl-Semitism — the Big Lie», New York, n. d. [1949], p. 21.).

Действительная картина эвакуации отчетливо вырисовывается из многочисленных рассказов очевидцев. Картина эта пестра. В наиболее близких к западной границе областях, подвергшихся оккупации в первые же дни и недели после начала германо-советской войны, эвакуация носила хаотический и очень ограниченный характер. Чем дальше на восток, тем относительно больше было элементов организованности и тем значительнее были масштабы эвакуации.

Чтобы составить себе представление об эвакуации в целом, необходимо поэтому предварительно присмотреться к эвакуации по большим районам.

В новоприобретенных областях

В новоприобретенных областях Советского Союза и власти, и население оказались совершенно неподготовлены к событиям. Часть населения — особенно беженцы из западной Польши — была депортирована отсюда еще до начала войны. Но сколько-нибудь планомерной эвакуации из этих областей не было, да и быть не могло; почти совершенно безуспешны оказались и попытки прямого бегства части населения на восток в целях спасения от наступающих немцев: моторизированные немецкие воинские части обгоняли бегущих, и последние оказывались вынужденными возвращаться обратно.

Вот как описывает эвакуацию и бегство населения из Вильны переживший оккупацию, виленское гетто и партизанское движение врач-еврей (*Др. Марк Дворжецкий,* «Ерушалаим д'Лита им камф ун умкум», Париж, 1948 г., стр. 23–24.):

«В первый же день войны немцы подвергли город воздушной бомбардировке. Советские войска немедленно начали отходить на восток. Одновременно и вслед за ними бежали тысячи населения, главным образом евреи. «Десятки тысяч ушли тогда из Вильны. Лишь считанным единицам [гецейлте фун зэй] удалось добраться до Советского Союза. Транспортные средства были заняты военными, быстро эвакуировавшимися. Из гражданского населения в поезда пропускались только единичные лица, имевшие членские билеты компартии. Тысячи шли пешком по дорогам и тропинкам. Немецкие танки обгоняли их. Часть бежавших была уничтожена на дорогах и трупы неделями валялись в лесах и на полях. Другие вернулись в Вильну, разбитые, голодные, измученные, в отчаяньи…»

Советская администрация не только не оказывала прямого содействия эвакуации евреев (и общей эвакуации гражданского населения вообще), но и прямо тормозила ее. Другой свидетель истории, тоже переживший всю голгофу виленского еврейства и игравший позже видную роль в виленской еврейской советской общественной жизни в первый год после освобождения, сообщает о первых днях войны (*Ш. Качергинский,* «Цвишн хамер ун серп», Париж, 1949 г., стр. 27.):

«Несколько десятков тысяч евреев пытаются уйти вглубь страны. Часть из них не пропускает [советская] пограничная

стража. Они возвращаются в Вильну».

Вильна была занята немцами уже на третий день войны, и почти всё виленское еврейство погибло. И то же повторилось почти повсюду в новых советских областях. О Ковно переживший эти события на месте еврейский журналист и педагог рассказывает (*Иосиф Гар,* «Умкум фун дер идишер Ковнэ», Мюнхен, изд. Союза (Фарбанд) литовских евреев в американской зоне Германии, 1943 г., стр. 31–32.):

«Из-за спешности эвакуации военных и государственных учреждений чувствовался большой недостаток в транспортных средствах для гражданского населения. В этом одна из причин того, что лишь небольшие группы литовских евреев сумели своевременно эвакуироваться.

Нужно также отметить, что советская пограничная стража не пропускала на собственно русскую [т. е. на старую советскую] территорию беженцев из прибалтийских стран и из областей, присоединенных к Советскому Союзу после начала второй мировой войны. Из-за этого многие беженцы должны были вернуться на прежние места, хотя места эти уже были оккупированы немцами».

Такую же картину хаоса и бегства из Ковно рисует и другой свидетель, еврей-агроном. И он отмечает закрытие старой советской границы для беженцев из недавно приобретенных советских областей, — факт, особенно наглядно показывающий несостоятельность тезиса, будто советские власти принимали энергичные меры для спасения евреев. Автор сумел достать автомобиль и добрался до латвийско-белорусской границы к северо-востоку от Двинска. Но тут его ждало страшное разочарование (*Яков Рассен,* «Мир вилн лебен», Нью Йорк, 1949 года, стр. 22–29.):

«Тут-то и началась беда, очень большая беда. Ехать дальше не позволяют. У границы уже собрались сотни беженцев из Литвы и Латвии и число их с каждым днем растет. Но на все их просьбы советская пограничная стража имеет один ответ:

— Приказано никого не пропускать! Отойдите на 20 шагов! Не то будем стрелять! Стреляем!

Мы прожили у границы двенадцать долгих страшных дней и ночей. За это время тут скопились тысячи беженцев. Толпы людей, большей частью евреев, но то тут, то там и не-евреев, валяются в близлежащих канавах, в лесах и на полях, умоляют позволить им бежать дальше, чтобы спастись, — но их не пускают. Пропускают только коммунистов, членов партии с кошерными документами. Мы, остальные — трэйф, у нас нет права на спасение, хотя мы уже более года советские граждане.

…Только когда немцы подошли на 10–12 километров к латвийско-русской границе, пограничная стража внезапно исчезла; только тогда мы могли двинуться дальше. Но далеко ли можно убежать, когда страшный враг уже так близок?»

Не удалось убежать и автору этого рассказа. Для польских областей, присоединенных к Советскому Союзу осенью 1939 года, имеются подробные описания депортаций (до начала советско-германской войны), но чрезвычайно скудны сообщения об эвакуации (и бегстве населения) в Советский Союз. Здесь особенно болезненно сказалась молниеносность немецкого удара.

В Львове советские власти, покидая город, «не смогли эвакуировать полностью, кроме войск, даже новоприбывшее [после присоединения Львова к СССР] русское население» (*Stefan Szende,* «Der letzte Jude aus Polen», Zuerich-New York, 1945, S. 136 (английское издание: «The Promise Hitler Kept», London, 1945, p. 124).). Кроме депортированных из Львова в Советский Союз до начала советско-германской войны около 10 000 евреев (*Dr. Filip Friedman,* «Zaglada Zydow Lwowskich w okresie okupacji niemeckiej», 2-ое издание, Мюнхен, 1947 г., стр. 7.), нескольких тысяч еврейской молодежи, мобилизованных в Красную Армию, и небольшого числа как-то сумевших убежать на восток до вступления немцев в Львов, львовское еврейство почти целиком было захвачено немцами: при численности еврейского населения Львова перед началом второй мировой войны около 90 000, перед началом советско-германской войны около 160 000, — еврейское население Львова достигало на 28-ое августа 1941 года, по данным Львовского Еврейского Совета около 150 000 (Там же.).

Более подробные сообщения имеются о Белостоке. Здесь картина эвакуации (*Израиль Кот,* «Хурбн Бялосток», Буэнос-Айрес, 1947 года, стр. 11–17; *Рафаил Райзнер,* «Дер умкум фон бялостокер идентум», Мельбурн, 1948 г. (изд. Белостокского Центра в Австралии), стр. 34–36; д-р *Шимон Датнер,* «Дер хурбн фун дер идишер Бялосток ун ди арумиге ешувим» в «Бялостокер Штимме» (изд. Белостокского Землячества в Америке), сентябрь-октябрь 1946 г., стр. 20.) напоминала больше Виленскую и Ковенскую, чем Львовскую обстановку, т. е это была, казалось, картина не полной, а лишь почти полной катастрофы.

Но итоги белостокского развития оказались прямо ужасны. По данным д-ра Датнера, до войны преподавателя Белостокской еврейской гимназии, после войны председателя Еврейского Комитета Белостокского воеводства, еврейское население Белостока, достигавшее перед войной около 50 000, к середине 1946 года, когда значительное большинство бежавших и уцелевших уже успели вернуться в Белосток, достигало лишь 900

человек (*Датнер,* стр. 18–19.).

Кроме депортированных в Советский Союз, лишь ничтожной части живших в восточной Польше евреев удалось спастись, и то не столько благодаря эвакуации или бегству в Советский Союз, сколько благодаря бегству в леса и присоединению к партизанам или благодаря отправке на работы в лагеря в Германии, где небольшая часть заключенных дожила до освобождения.

Только те, кто испили чашу депортации, неожиданно оказались счастливцами. В Бессарабии и северной Буковине массовая депортация евреев началась почти накануне нападения Гитлера на Советский Союз и по инерции продолжалась и после начала войны. Отсюда возник слух, проникший и заграницу, о происходившей будто бы в Бессарабии и северной Буковине планомерной эвакуации евреев. В действительности и здесь ради спасения евреев не было ничего предпринято, как это видно из рассказа наблюдавшей эти события в Черновицах польско-еврейской учительницы (*Таня Фукс,* «А вандерунг ибер оккупиртэ гебитэ», Буэнос Айрес, 1947 г., стр. 112.): *(на идиш: «скитания по оккупированным территориям»; ldn-knigi)*

«В сутолоке и толчее первых дней войны всё еще продолжали депортировать «нежелательные элементы». Советские служащие, видные коммунисты, которые и хотели, и должны были эвакуироваться, протестовали:

— Что вы вывозите этих богачей? Дайте нам транспорт, чтобы мы могли спастись.

Многим из них действительно не удалось выбраться вовремя из немецко-румынского окружения».

В Белоруссии

Уже через несколько дней после начала войны немцы перешли советскую границу, как она существовала до сентября 1939 года, и вступили на старую советскую территорию. Жертвой оккупации в очень короткий срок стала прежде всего Белоруссия. Эвакуация протекала и здесь во многих местах почти так же, как ив только что оставленных советскими войсками областях восточной Польши. Показательна в этом отношении судьба столицы Белоруссии, Минска. И здесь для эвакуации гражданского населения ничего не было сделано. В обстановке спешной и довольно беспорядочной эвакуации армии и части государственных учреждений никто и не думал о гражданском населении.

(По чьей-то неожиданной инициативе здесь решено было

эвакуировать часть областной тюрьмы. При этом политических заключенных просто расстреляли, а уголовных под конвоем повели (пешком) на восток. Но налет германских аэропланов вскоре остановил эту колонну; конвойные разбежались, а арестанты тоже частью разбежались, частью вернулись в Минск. См. об этом у *Гершеля Вайнрауха,* «Блут ойф дер зун», Ныо Йорк, 1950 г., стр. 100–104 (Вайнраух сам был в числе заключенных в минской тюрьме и ему удалось попасть в колонну уголовных). — О расстреле в это время в минской тюрьме еврейского поэта Зелика Аксельрода сообщает и *Моше Гросман,* «Им фаркушефтн ланд фун легендарн Джугашвили», Париж, 1949 г. т. 2, стр. 8–9.).

Всё это очень ярко запечатлелось в романе Ильи Эренбурга «Буря» (Москва, 1944 г.) и в ряде мемуарных работ. Когда несколько дней спустя немцы загнали минских евреев в гетто, в нем оказалось то ли 75, то ли 80 тысяч евреев (*Г. Смоляр,* «Фун Минскер гето», Москва, 1946 г., стр. 15, определяет население минского гетто в 80 тысяч. Наркоминдел Белоруссии Козьма Киселев в беседе с корреспондентом «Моргн Фрайхайт» Моше Кацом в Сан-Франциско назвал несколько отличное число: в гетто было загнано немцами 75 тысяч минских евреев, но вместе с евреями из окружающих городков и местечек, которых немцы начали свозить в Минск, население гетто уже к концу июля 1941 года достигло 100 000 («Моргн Фрайхайт» от 23-го мая 1945 года).), при довоенном еврейском населении Минска около 90 тысяч.

(По переписи 1926 года население Минска достигало 131,528, в том числе еврейское население 53,686 («Всесоюзная перепись населения 17-го декабря 1926 года», изд. Центрального Статистического Управления СССР, т. X, Москва, 1928 г., стр. 214). По переписи 1939 года население Минска достигало 238 777 человек (С. *Сулькевич,* «Население СССР», Москва, 1939 г., стр. 32), число евреев в Минске не было опубликовано, но процент евреев в составе населения Минска, вероятно, несколько понизился: правда, в период между двумя переписями в Белоруссии происходил процесс так назыв. «метрополизации» еврейского населения, т. е. сосредоточения его в более крупных, развивающихся центрах; но одновременно общее количество евреев Белоруссии даже абсолютно уменьшилось, и процент евреев в составе населения Белоруссии понизился с 8,2 до 6,7 *(Зингер,* как в сноске 2, стр. 40). Если бы еврейское население Минска росло таким же темпом, как и всё население города, евреев в Минске в 1939 году было бы несколько больше 97 тысяч. По-видимому, в действительности число их достигало приблизительно 90 000.).

В других относительно крупных городах Белоруссии положение нередко было не лучше. Для четырех наиболее значительных после Минска белорусских городов — Гомеля, Витебска, Бобруйска и Могилева — имеются данные о количестве наличного в них еврейского населения в начале 1946 года, когда большинство эвакуированных и бежавших уже вернулись и вернулась и заметная часть демобилизованных из армии. (Данные эти приводятся Б. Ц. Гольдбергом в «Дер Тог» от 10-го марта 1946 года со ссылкой на беседу, которую он имел в Минске с «вице-президентом Белорусской республики» Григорием Эйдуновым.). К сожалению, у нас нет точных данных о количестве еврейского населения этих городов перед войной; в нашем распоряжении имеются лишь данные о еврейском населении этих городов по переписи 1926 года и данные о количестве всего населения их по переписям 1926 и 1939 годов (Данные о количестве еврейского населения названных городов в 1926 году см. «Всесоюзная перепись», т. X, стр. 214, 216, 218, данные об общем количестве населения их в 1926 и 1939 годах см. у *Сулькевича* (как в сноске на стр. 33–34.).).

Общие данные о населении этих городов показывают огромный рост. За тот же период, как показано в сноске 22, общее количество еврейского населения Белоруссии даже уменьшилось, но в то же время происходил процесс сосредоточения еврейского населения в более крупных центрах. Поэтому мы можем с полной уверенностью сказать, что еврейское население более крупных городских центров Белоруссии с 1926 по 1939 год возросло, но относительно — по отношению ко всему населению этих центров — уменьшилось. В 1926 году еврейское население Минска и названных более значительных четырех городов достигало 167 тысяч, т. е. 41 % или немного более двух пятых всего еврейского населения Белоруссии. Если допустить, что «метрополизация» привела к 1939 году к сосредоточению в этих пяти городах от трех пятых до двух третей белорусских евреев, т. е. от 225 до 250 тысяч и что население Минска достигло при этом приблизительно 90 тысяч (см. сноску 22), еврейское население названных четырех городов приблизительно должно было соответствовать данным, приведенным в предпоследней колонке приводимой ниже таблицы.

ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ ГОРОДОВ БЕЛОРУССИИ В 1926, 1939 И 1946 ГОДАХ

	1926 г.	1939 г.		1946 г.
		Гипотетические размеры еврейского населения: если бы % его в составе всего населения оставался неизменным	Вероятные действительные размеры еврейского населения	
Гомель	37 745	62 953	от 48 до 53 т.	3 000
Витебск	37 013	62 700	от 45 до 52 т.	500
Бобруйск ...	21 558	35 355	от 22 до 28 т.	6 500
Могилев	17 105	33 868	от 20 до 27 т.	8 000

Сопоставление данных последней и предпоследней колонок таблицы для исчисления процента спасшихся евреев может быть только суммарным: с одной стороны, неизвестно, сколько евреев из этих городов оставалось в указанное время на новых местах, где они поселились во время войны, и сколько оставалось еще в армии; с другой стороны, в составе еврейского населения названных городов, вероятно, имелось в 1946 году немало евреев из соседних, менее значительных и еще более разрушенных городов и местечек. Эти оговорки до известной степени друг друга нейтрализуют, и для осторожной, приблизительной оценки количества выживших евреев этих городов приведенные данные могут быть полезны. Они рисуют, правда, очень пеструю картину: в Гомеле, судя по этим данным, уцелело от 5 до 6 % евреев, в Витебске лишь около 1 %, но в Бобруйске от 25 до 30 %, в Могилеве, может быть, даже несколько больше.

Та же пестрота данных и для мелких городов и местечек. В Мозыре, с еврейским населением в 1926 году в 5901 душу (в 1939 году, вероятно, не больше, а, может быть, меньше), в конце зимы 1945/46 года было около 500 евреев, в Шклове с еврейским населением в 1926 году в 3179 человек, в конце зимы 1945/46 года было около 1000 евреев (Данные о количестве еврейского населения в 1926 году см. «Всесоюзная перепись», т. X, стр. 216 и 218, данные о спасшихся см. данные приводенные Б. Ц. Гольдбергом в «Дер Тог» от 10-го марта 1946 года со ссылкой на беседу, которую он имел в Минске с «вице-президентом Белорусской республики» Григорием Эйдуновым.), т. е. в первом случае около 10 %, во втором от 25 до 30 %. Были редкие исключения, относительно счастливые городки, где

значительному большинству еврейского населения непосредственно удавалось уйти от немцев. В Чечерске, в районе Гомеля, было до войны около 400 еврейских семейств;

«благодаря тому, что Красная Армия задержала немцев у Пропойска, еврейское население Чечерска имело возможность эвакуироваться; в городе остались лишь 150 евреев — стариков, женщин и детей», — т. е., вероятно, менее 10 % еврейского населения города. Все они погибли. Сколько из бежавших успели действительно спастись, мы, правда, не знаем. В августе 1946 года, через три года после освобождения, еврейское население Чечерска — из реэвакуированных и вернувшихся из армии — опять насчитывало 100 с небольшим семейств (*Д. Кацович,* «Люди из Чечерска», «Айникайт» от 15-го августа 1946 года.).

Сколько же белорусских евреев спаслось, в частности сколько спаслось благодаря эвакуации и бегству? Общие итоги так никогда официально и не были опубликованы, но народный комиссар иностранных дел Белорусской ССР, К. Киселев, в беседе в Сан Франциско с представителем газеты «Дер Тог» М. Данцисом отметил, что «почти всё еврейское население Белоруссии было уничтожено; из 800 000 человек, уничтоженных нацистами в Белоруссии, более половины составляли евреи» («Дер Тог» от 25-го мая 1945 года.). Одновременно тот же Киселев в беседе с представителями печати «определил число евреев, уничтоженных в Минске за годы немецкой оккупации, в 80 % всего (довоенного) еврейского населения, в Гомеле в 90 %, а в Орше фактически всё еврейское население было уничтожено» («JTA Daily News Bulletin», May 26, 1945.). В Сан Франциско же представитель «Моргн Фрайхайт», Моше Кац, в беседе с Киселевым прямо поставил вопрос, сколько осталось в живых белорусских евреев. «Может быть, сто тысяч, тихо отвечал Киселев, мы не знаем». — «100 000, замечает Кац, это значит максимум спасшихся из полумиллионного населения евреев в течение десятков поколений живших в Белоруссии; немецкий зверь уничтожил 80 % белорусских евреев» («Моргн Фрайхайт» от 25-го мая 1945 года.). При этом в указанное число (100 000) входят не только евреи старой советской Белоруссии, но и евреи новоприобретенных, так называемых западно-белорусских областей, и не только спасшиеся благодаря эвакуации или бегству, но и уцелевшие в армии и в партизанском движении.

Из общего количества в 375 тысяч евреев Белоруссии (в ее границах до 1939 года) уцелело, вероятно, не более 20 %, т. е. не более 75 000, может быть, меньше.

На Украине

Молниеносный характер немецкого наступления сказался на Украине менее резко, чем в новых советских областях или в Белоруссии: многие крупные украинские центры подверглись немецкой оккупации лишь через несколько недель, некоторые через несколько месяцев после начала войны. Здесь поэтому было гораздо больше возможностей подготовиться к эвакуации и придать ей более планомерный характер. В частности здесь имелась возможность принять специальные меры для эвакуации евреев, как особенно угрожаемой части населения.

Но сведения в печати об эвакуации Украины, может быть, еще более скудны, чем имеющиеся сведения об эвакуации Белоруссии. В частности на эвакуацию евреев, как таковых, нигде просто нет никаких указаний. Это значит, что такой специальной эвакуации евреев и не было. Но общая эвакуация государственных учреждений и промышленных предприятий со значительной частью их персонала (часто с семьями) приняла здесь во многих местах широкий характер. А социальная структура украинского еврейства — значительный процент евреев среди средних и высших государственных служащих, среди академической и технической интеллигенции и заметное участие евреев-рабочих в украинской тяжелой промышленности — благоприятствовала тому, что среди эвакуированной части населения евреи составляли более высокий процент, чем это соответствовало их доле в составе городского (и тем более в составе всего) населения. Усилению процента евреев среди эвакуированных благоприятствовало и то обстоятельство, что для многих служащих и рабочих эвакуация не носила обязательного характера: им предоставлялась возможность эвакуироваться со своими учреждениями и предприятиями, но их к этому не обязывали. И многие — главным образом не-евреи — оставались. В этих условиях для евреев-рабочих и служащих, которые не подходили под условия обязательной эвакуации, иногда открывалась сравнительно широкая возможность эвакуироваться.

В советской художественной литературе имеется много произведений, изображающих трагические годы войны. В некоторых из них каким-то углом показана и эвакуация, иногда эвакуации уделяется довольно много внимания. Но почти всюду это лишь отход войск и эвакуация правительственных учреждений и важнейших промышленных предприятий с частью персонала, иногда угон на восток скота, часто массовое бегство населения, но нигде не встречается даже и намека на эвакуацию евреев, как таковых.

В названном выше романе Ильи Эренбурга «Буря» (1944 г.) много места уделяется Киеву и в частности киевским евреям

непосредственно перед войной и в первые месяцы войны, драматически показана гибель киевских евреев в Бабьем Яру, но эвакуация Киева в романе просто обойдена молчанием. В большом романе Валентина Катаева «За власть советов» (1949 г.) действие развертывается в Одессе, начинается здесь за неделю до начала советско-германской войны и проходит через все ее фазы вплоть до освобождения Одессы; но эвакуации города здесь посвящено лишь несколько скупых строк, а об эвакуации или бегстве евреев вообще нет ни слова.

Гораздо больше внимания уделено эвакуации авторами, писавшими о Донецком бассейне в годы войны. В романах Александра Фадеева «Молодая гвардия» (1945 г.) и Аркадия Первенцева «Испытание» (1944 г.) и в очерках Бориса Галина «В Донбассе» (1946 г.) есть много материала, позволяющего составить себе отчетливое представление об эвакуации промышленных центров Донбасса осенью 1941 года. Галин, бывший в качестве корреспондента в Донбассе в первые месяцы войны и вернувшийся оттуда в дни освобождения Донбасса Красной Армией летом 1943 года, подробно сообщает об эвакуации металлургического завода им. Сталина в г. Сталине. Это был один из крупнейших металлургических заводов Донбасса, число рабочих на котором в предвоенные годы доходило до 10 000 и выше.

Но при эвакуации завода лишь «полторы тысячи рабочих уехали со своими семьями на Урал» (*Борис Галин,* «В Донбассе», «Новый Мир», октябрь-ноябрь 1946 года, стр. 19; см. также стр. 26.). Об эвакуации населения вне связи с заводом ни Галин, ни Первенцев вообще ничего не сообщают. С этой стороны гораздо интереснее «Молодая гвардия» Фадеева, в которой дается почти эпическая картина эвакуации государственных учреждений, промышленных предприятий, движимого имущества колхозов и совхозов и массового бегства населения (*Александр Фадеев,* «Молодая гвардия», Москва, 1947 г., стр. 16–20, 32–35, 40–47. — Явно подражая Толстому, Фадеев пытается увидеть в этом массовом и хаотическом движении какой-то возникающий из тысяч разрозненных воль порядок:

«То, что поверхностному взгляду отдельного человека, вовлеченного в поток отступления и отражающего скорее то, что происходит в душе его, чем то, что совершается вокруг него, казалось случайным и бессмысленным выражением паники, было на самом деле невиданным по масштабу движением огромных масс людей и материальных ценностей, приведенных в действие сложным, организованным, движущимся по воле сотен и тысяч больших и малых людей, государственным механизмом войны»

(стр. 32–33).).

Это единственная по своей изобразительности и широте картина эвакуации в советской литературе. Но и здесь об эвакуации или бегстве евреев ни слова.

В печати — за пределами Советского Союза, — правда, нередко можно было встретить утверждение о широком содействии со стороны советских властей эвакуации евреев, особенно на Украине, утверждение, поддерживавшееся нередко совершенно безупречными людьми. Так в бюллетене «Хайаса» (Еврейского О-ва Помощи Иммигрантам) в 1946 году можно было прочесть (*Eugene U. Kulisher,* «Three-Fifth of Europe's Jews Now in USSR; War Shifted Jewish Population Eastwards» в «Rescue», Information Bulletin of the Hebrew Sheltering and Immigrant Aid Society (HIAS), July-August 1946 (Vol. III, No. 7–8), p. 2. — Несколькими месяцами позже Юлий Сильверман член английского парламента и участник английской рабочей делегации, посетившей Советский Союз, писал: «Отдавая себе отчет в том, что евреям грозит особая опасность, советские власти предоставили евреям возможность эвакуироваться из областей, к которым приближались немцы, вне очереди. Много евреев избегло благодаря этому судьбы, которая постигла еврейство в остальной Европе. Но многие остались на местах, чтобы продолжать работать, и отказались от предоставленных им преимуществ» («Моргн Фрайхайт» от 12-го ноября 1946 года).):

«Не вызывает сомнений, что советские власти принимали специальные меры для эвакуации еврейского населения или для облегчения его стихийного бегства. Наряду с государственным персоналом и промышленными рабочими и служащими всем евреям отдавалось преимущество [при эвакуации]… Советские власти предоставили тысячи поездов специально для эвакуации евреев, сознавая, что они являются наиболее угрожаемой частью населения».

Это принималось на веру. Никаких данных в подтверждение этих утверждений не приводилось и советская печать — в частности и советская еврейская печать — остерегалась касаться этом больной темы. Лишь в заграничной печати была сделана попытка привести некоторое подобие фактов в подтверждение положения об энергичном содействии со стороны советских властей эвакуации евреев из угрожаемых областей. Еврейско-американский коммунистический журналист Б. Ц. Гольдберг по возвращении из поездки по Советскому Союзу написал статью под многообещающим заглавием «Как во время войны эвакуировали евреев в Советской России» («Дер Тог» от 21-го февраля 1947 г.). Во время пребывания своего на Украине автор, оказывается,

проявил большую активность по выяснению этого вопроса:

«Важно знать, какова была политика власти и как складывалось положение в большинстве случаев, в самых обыкновенных случаях.

Об этом я расспрашивал многих — евреев и христиан, военных и эвакуированных; все отвечали, что политика власти заключалась в том, чтобы предоставить преимущества по эвакуации евреям, стараться вырвать их чем больше, чтобы нацисты не могли их уничтожить. И многие евреи подтвердили мне: евреев прямо торопили, предостерегали и отсылали в числе первых.

При эвакуации руководствовались такой мыслью: высылать евреев тотчас после эвакуации женщин и детей. Многие эвакуированные евреи, выбравшиеся позже заграницу, подтвердили это».

К сожалению, из всех высказываний его многочисленных собеседников о широком содействии эвакуации евреев со стороны советских властей Гольдберг приводит лишь одно свидетельство — раввина Шехтмана, который рассказал Гольдбергу в Киеве следующее:

«Длинные поезда, целые эшелоны стояли у вокзала, а по улицам ходили люди из милиции и раздавали пропуска, карточки на отъезд с эшелонами: берите, уезжайте из города. Но люди не торопились уезжать; не верилось вообще, что враг возьмет Киев. Евреям говорили: ведь ты же еврей, ты будешь среди первых жертв, вот тебе пропуск, уезжай. К нему самому, раввину Шехтману, два раза приходили на дом и говорили: уезжай, батюшка, ты еврей, тебя убьют первым, вот тебе билет, уезжай.

И он действительно уехал со всей семьей, поскольку члены ее не были призваны в армию».

Милиционеры, раздающие на улице направо и налево билеты на эвакуацию или уговаривающие «батюшку»-раввина (Рассказ раввина Шехтмана уже приводился однажды в корреспонденции Б. Ц. Гольдберга из Киева («Дер Тог» от 13-го июня 1946 года). Но тогда автор был несколько осторожнее, и «батюшка» превратился у него в «зейдуню» («дедушка»).) (у Гольдберга так и написано еврейскими буквами «батюшка») уехать, — эта картина эвакуации сама за себя говорит. Во всем этом рассказе явственно чувствуется официальная выдумка, рассчитанная к тому же на очень нетребовательного и доверчивого слушателя. Но это единственный претендующий на конкретность рассказ об эвакуации украинских евреев, который нам удалось обнаружить среди огромного количества просмотренного материала.

При таком состоянии источников нашего осведомления об

эвакуации определить — хотя бы суммарно — количество эвакуированных и бежавших с Украины евреев чрезвычайно трудно. С известным приближением можно было бы судить о масштабах эвакуации и бегства по данным о реэвакуации и о количестве евреев в различных украинских центрах после войны. Такого рода полу-официальных данных для отдельных городов в еврейской печати рассеяно довольно много, но большого доверия они не внушают: на них слишком часто лежит явственная печать преувеличений, продиктованная желанием не видеть, а то и прямым стремлением скрыть действительные размеры еврейского бедствия.

Это начало проявляться особенно отчетливо с осени 1945 года, когда И. Фефер, полемизируя с пессимистической оценкой положения евреев на Украине и в Белоруссии американским еврейским «Форвертсом» от 1-го июля 1945 года, прислал в Комитет еврейских писателей, художников и ученых в Америке статью, в которой сообщил, что еврейское население Одессы будто бы вновь достигло 45 000, еврейское население Киева 50 000, еврейское население Бердичева 10 000 и т. д. (*И. Фефер,* «Советы ратевен ондерталбн миллион идн — «Форвертс» кон эс нит фартрогн», «Морган Фрайхайт» от 21-го октября 1945 года. См. также» «Моргн Фрайхайт» от 14-го октября 1945 года. — Стоит отметить, что Фефер еще в августе 1944 года, вернувшись из Киева, сообщил на заседании Президиума Еврейского Анти-Фашистского Комитета, будто количество евреев в Киеве достигло 30 000 («Айникайт» от 24-го августа 1944 года); между тем Киевский корреспондент «Айникайт» девятью месяцами позже писал, что количество евреев в Киеве «приближается к 10 000» («Айникайт» от 29-го мая 1945 года). И еще пример «широты» Фефера: еврейское население Бердичева, по Феферу, уже в октябре 1945 года достигло 10 000, между тем Бердичевский корреспондент «Айникайт» писал через полгода лишь о 6000 («Айникайт» от 5-го марта 1946 года).).

С этого времени на огромном большинстве приходивших из Советского Союза сообщений о размерах еврейского бедствия лежит печать недостоверности. Если, например, Б. Ц. Гольдберг телеграфирует в августе 1946 года из Киева (в котором до войны жило около 175 тысяч евреев), что еврейское население Киева вновь «близится к 100 000» («Дер Тог» от 15-го августа 1946 года. — Данные о довоенном населении Киева, Одессы и Днепропетровска заимствованы из «Jewish Affairs» август 1941 г., стр. 3. В тех случаях, когда в указанных в сносках 37–47 источниках нет данных о довоенном еврейском населении соответственных городов, мы приводим данные для 1926 года и

приблизительно определяем цифру для 1939 года. Для 1926 года данные по украинским городам заимствованы из тт. XI–XIII «Всесоюзной переписи населения 17-го декабря 1926 г.; чтобы не осложнять сносок, мы отказались здесь от указаний каждый раз на том и страницу.), или если мы читаем, что в Одессе (с довоенным еврейским населением около 180 000) количество евреев в апреле 1946 года достигало 80 тысяч (*Х. Вайнерман,* «Одес вет уфгештелт», «Айникайт» от 9-го апреля 1946 года.), а Гольдберг двумя месяцами позже сообщил уже даже о «почти 100 000» (и одновременно довел довоенное население Одессы до 260 000) («Дер Тог» от 1-го июня 1946 года.), или если о Днепропетровске (до войны около 100 000 евреев) мы узнаем, что его еврейское население достигло в июле 1946 года 50 тысяч (С. *Ортенберг,* «Днепропетровск», «Айникайт» от 27-го июня 1946 года.), — к этим сообщениям трудно отнестись с доверием.

Тем более, что немало эвакуированных и беженцев осели на новых местах и не вернулись в города своей довоенной оседлости. Правда, крупные городские центры притягивали при реэвакуации не только выходцев из этих городов, но и беженцев и эвакуированных из менее значительных украинских городов, в которых возвращавшиеся евреи встречали еще более трудную обстановку, чем в крупных центрах. Но и сообщенные в печати данные о многих менее значительных городах показывают для периода после войны более значительные числа евреев, чем это кажется отвечающим действительности. Так в Виннице (в 1926 г. 21 816 евреев, в 1939 г., если много, 25–28 тысяч), очень рано занятой немцами, уже в начале осени 1945 года еврейское население будто бы вновь достигло 14 тысяч (*Аврам Каган,* «Виницер Айндрукн», «Айникайт» от 2-го октября 1945 года.), а в мае 1946 года даже 18 тысяч (*Б. Ц. Гольдберг* в «Дер Тог» от 29-го августа 1946 г.); в Житомире (до войны около 30 тысяч евреев) в августе 1945 г. количество евреев достигало будто бы 10–12 тысяч (*Аврам Каган,* «Житомирер бегегнишн», «Айникайт» от 14-го августа 1945 года.), а через год даже 18 тысяч («Дер Тог» от 29-го августа 1946 года.). Более убедительные данные для Бердичева (в 1926 г. 30 812 евреев, в 1939 г., может быть, до 35 тысяч), где в марте 1946 года числилось вновь 6 тысяч евреев (*Аврам Каган,* «Цу а най фридлах лебн», «Айникайт» от 5-го марта 1946 года.); но и тут Гольдберг в августе того же года определяет число евреев уже в 10–12 тысяч (*Б. Ц. Гольдберг* в «Дер Тог» от 29-го августа 1946 года.). Правдоподобной кажется и цифра для Могилева Подольского (до войны около 15 тысяч евреев), где в апреле 1946 года количество евреев достигало 3 тысячи (*Н. Г. Кац,* «Могилев Подольск. Райзэ нотицн», «Айникайт» от 4-го

августа 1946 года.), или для Белой Церкви (в 1926 г. 15 624 еврея, в 1939 г., вероятно, не больше), где в мае 1945 года числилось около 1000 евреев (А. *Блондер,* «Белоцерков лебт уф», «Айникайт» от 24-го мая 1945 года.).

Трудно на основании этих данных подвести итоги по Украине: в небольших городах и местечках и тем более в сельских местностях процент захваченных немцами и погибших евреев был очень высок, в правобережной Украине, может быть, не ниже, чем в Белоруссии. В более крупных центрах положение было значительно менее неблагоприятно и при большой концентрации евреев в крупных центрах это должно было сказаться благоприятно на общем количестве эвакуированных или спасшихся бегством евреев. Но при всех обстоятельствах трудно допустить — перед лицом приведенных выше фактов, — чтобы количество эвакуированных или спасшихся бегством за пределы немецкой оккупации превысило треть украинского еврейства. Из 1 533 000 — а за вычетом мобилизованных в Красную Армию почти 1 400 000 — украинских евреев (в старых границах Украины), вероятно, не менее 900 000 были захвачены немцами и погибли.

В РСФСР

В РСФСР была оккупирована немцами главным образом широкая полоса вдоль границ Белоруссии и Украины. Оккупация этой территории не носила такого молниеносного характера, как на Украине и в Белоруссии, и те, кто хотели бежать, имели к этому гораздо больше возможностей и времени, чем в западных пограничных республиках. Но сообщений об эвакуации из этой полосы и о бегстве населения в печати имеется еще гораздо меньше, чем данных об эвакуации Белоруссии и Украины.

В частности, в художественной и мемуарной литературе эвакуация оккупированных областей РСФСР почти не нашла своего отражения. О ней либо не пишут, либо бросают о ней две-три фразы. Так, в воспоминаниях Татьяны Лугановой «В лесах Смоленщины» (1945 г.) автор мимоходом упоминает об организованной эвакуации скота из Смоленской области. В «Записках партизана» Петра Игнатова (1944 г.), в которых описывается жизнь в Краснодаре (на Северном Кавказе) в последние месяцы перед занятием города немцами и длительная заблаговременная подготовка к организации партизанской борьбы против оккупантов, об эвакуации вообще не упоминается и лишь несколькими словами упоминается о беспорядочном

бегстве населения. В романе Анатолия Каменского «Товарищи» (1945 г.) много внимания уделено отступлению Красной Армии летом 1942 года из-под Таганрога и из Ростова и Донской области, но о планомерной гражданской эвакуации здесь даже не упоминается, а бегство населения — принявшее здесь очень широкий характер — показано хоть менее красочно, но по существу так же, как было показано Фадеевым бегство населения из Донбасса.

Кажется, единственное исключение составляют мемуары Бориса Борисова «Подвиг Севастополя» (1950 г.), где несколько раз упоминается об организованной эвакуации гражданского населения, главным образом женщин и детей, но здесь это мероприятие диктуется соображениями не столько о спасении населения от возможного захвата немцами, сколько о разгрузке крепости от не-комбатантов (Эвакуация женщин и детей началась в Севастополе уже в первый день войны, 22-го июня 1941 года *(Борис Борисов,* «Подвиг Севастополя», «Знамя», март 1950 г., стр. 112), когда о возможной оккупации города едва ли кто-либо мог думать.). На эвакуацию или бегство евреев нигде в этих произведениях нет никаких указаний: этой темы просто не существует.

Всё же на основании общих соображений можно не сомневаться, что эвакуация этих областей была проведена более успешно и более широко, чем на Украине и в Белоруссии, и что это благоприятно сказалось и на количестве спасенных евреев. В еврейской печати рассеяно в частности немало сообщений, позволяющих установить относительно значительные масштабы эвакуации еврейских земледельческих колоний в Крыму (в рамках общей эвакуации колхозов и совхозов), значительно большие, чем это оказалось возможным на Украине (См. в моей книге «The Jews in the Soviet Union», 1951, p. 198.). Более широкий характер, чем на Украине и в Белоруссии, приняло здесь и прямое бегство евреев. Это особенно наглядно сказалось в Ростове, который был занят немцами дважды: во второй половине ноября 1941 года, когда немцы вынуждены были, однако, через несколько дней оставить город, и летом 1942 года. При первой оккупации подавляющее большинство еврейского населения Ростова было захвачено в городе. Тяжелого урока немногих дней немецкой оккупации было достаточно, чтобы второй оккупации предшествовало массовое паническое бегство евреев, и, по-видимому, более половины евреев успели покинуть город, часть эвакуированные с государственными учреждениями и промышленными предприятиями, часть в порядке бегства.

Впоследствии в советской еврейской печати сообщалось, что

из 40 000 довоенного еврейского населения Ростова немцы уничтожили в городе 18 000 (*В. Ватин,* «Ростов вет уфгерихт», «Айникайт» от 29-го мая 1945 года.). Всем ли убежавшим или эвакуировавшимся удалось действительно спастись или часть их была захвачена и уничтожена немцами в других местах, как были уничтожены на Кубани часть эвакуированных из еврейских колоний Крыма (См. в моей книге «The Jews in the Soviet Union», 1951, p. 198.). или как были истреблены близ станции Минеральные Воды (на Северном Кавказе) 6000 представителей еврейской академической интеллигенции, эвакуированных из Ленинграда (См. выше, гл. V, стр. 179.), — установить сейчас невозможно. И уже совсем никаких данных у нас нет об эвакуации или бегстве евреев из Смоленской, Брянской, Курской, Воронежской и др. областей РСФСР.

Такая скудость наших источников вынуждает нас к крайней осторожности при подведении итогов эвакуации и бегства евреев из подвергшихся немецкой оккупации областей РСФСР. Всё же, кажется, можно с относительной уверенностью принять тезис, что не менее половины евреев этих областей спаслись в порядке эвакуации или бегства.

Итоги

Попытаемся подвести итоги. Из общего количества около 3 100 000 евреев в Советском Союзе в его старых границах не менее 900 000 погибли на Украине, не менее 300 000 в Белоруссии и не менее 100 000 в оккупированных областях РСФСР. Общее количество уничтоженных гитлеровцами евреев — среди коренного советского еврейства — не менее 1 300 000, вероятно, больше. Так как за годы войны рождаемость во всяком случае не превышала смертности (в годы войны возросшей и вследствие военных потерь, и вследствие усиленной заболеваемости и смертности среди эвакуированных и беженцев), общее количество евреев со старой территории Советского Союза к концу войны во всяком случае не превышало 1 800 000.

Что касается евреев из новоприобретенных областей, они в подавляющем своем большинстве погибли, но и те, что уцелели, в большинстве своем не остались в Советском Союзе, а воспользовались открывшейся после войны возможностью реэвакуироваться в Польшу и Румынию и покинули Советский Союз. Число евреев среди новых граждан Советского Союза в лучшем случае исчисляется лишь немногими десятками тысяч. Общее количество евреев в Советском Союзе к концу войны, за

вычетом тех, кто вскоре его покинули, во всяком случае не превышало 1 850 000.